

**ЗАБЫТЫЕ АРМИИ
ЗАБЫТЫЕ КОМАНДАРМЫ**

ОСТАНОВИТЬ ГУДЕРИАНА

**50-я армия
в сражениях за Тулу
и Калугу**

1941–1942

**Командующий
50-й армией
генерал-лейтенант
(1940)
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ
БОЛДИН**

Сергей Михеенков

Сергей Михеенков

Остановить Гудериана. 50-я армия в боях за Тулу и Калугу. 1941 – 1942

Автор благодарит за всемерную помощь в сборе материалов и подготовке этой книги к изданию своих земляков:

Николая Дмитриевича БУТРИНА (г. Калуга);

Владимира Викторовича ФИЛИППОВА (г. Таруса);

Геннадия Олеговича БЕРЕЗОВСКОГО (г. Таруса);

Евгения Павловича МИНЕНКОВА (г. Калуга);

Николая Викторовича САФОНОВА (г. Подольск);

Николая Ивановича ЯШКИНА (с. Жерелево Калужской области).

Предисловие автора

Странная история: о генерале Гудериане мы знаем достаточно много – что он стремительным маневром осенью 1941 года решил судьбу Киева, а потом ринулся на Москву, что на его пути встала Тула и ее он преодолеть не смог, за что был отстранен от командования 2-й танковой армией, от должности и так далее...

А вот кто его остановил под Тулой (не сам же он остановился и не в грязи завяз под Ясной Поляной и Косой Горой), это каким-то непостижимым образом вылетает из нашего сознания.

2-ю танковую армию генерал-полковника Гейнца Гудериана (три моторизованных и два армейских корпуса) остановила под Тулой 50-я армия, которой в тот период последовательно командовали генерал-майор А.Н. Ермаков и генерал-лейтенант И.В. Болдин, а также тульские ополченцы, которые решили умереть на окраинах своего города, но не отдать его врагу.

Был у 50-й и еще один командарм – генерал-майор М.П. Петров. Он погиб в октябре. Погиб вместе со своей армией, попавшей в окружение под Брянском. Но – удивительное дело! – армия возродилась буквально за несколько дней. Дивизии вышли из окружения разбитыми вдребезги. Из отделения вышел только один, из взвода – трое, из роты – едва отделение... И они, цепляясь за промежуточные позиции на Рессете, Неручи, Оке и Зуше, пополняясь маршевыми ротами, подходившими из тыловых районов и за счет окруженцев, от боя к бою, от стычки к стычке, истощали силы врага, изматывали его.

На Тулу Гудериан бросил своего верного и удачливого полковника Эбербаха, подчинив ему ударную группировку. Она буквально влетела в пригород Тулы по Одоевскому шоссе и тут же была расстреляна зенитными расчетами из 732-го зенитно-артиллерийского полка.

50-я армия, уже с другим командующим, героем летних боев генералом И.В. Болдиным, отбросила дивизии и корпуса 2-й танковой армии от Оки, а затем стремительным рейдом, в тот период беспримерным по дерзости, захватила Калугу и ринулась далее на запад к Южнову и Мосальску.

Вот, оказывается, кто бил «быстроходного Гейнца», а затем его преемника генерала Шмидта.

В этой книге я попытался рассказать об основных сражениях и боях противоборствующих армий. О героях этих сражений. О тех полковниках, лейтенантах и бойцах, которые на равных противостояли германским офицерам и солдатам, к тому времени покорившим пол-Европы. Противостояли и побеждали.

Глава 1 Разгром на Десне и Рессете

Танки «Тайфуна» под Калугой и Тулой. Значение Калуги и Тулы для обороны Москвы. Оборона 50-й армии на Десне. Удар Гудериана. Отход от Десны. Падение Кирова, Людинова, Жиздры. 217-я стрелковая и судьба полковника Грачева. Отважный курд Саманд Сиабандов. Подвиг людиновских подпольщиков. Алексей Шумавцов. Отец Викторин Зарецкий. Пропажа генерала Ерёменко. Ставка возлагает командование войсками Брянского фронта на генерала Петрова. Северный и южный котлы под Брянском. Из дневника фон Бока: «Главные силы русских, скорее всего, уже вырвались из окружения». Выход армии к Хвастовичам.

На девятый день после прорыва оборонительных линий Красной армии на Десне восточнее Рославля немецкие танки стояли уже у Калуги и производили частичную перегруппировку, готовясь к атаке на город. За минувшие сутки дивизии армии генерала Петрова, прикрываясь сильными арьергардами, по раскисшим дорогам, а иногда и по бездорожью совершили пятидесятикилометровый марш и вышли к Хвастовичам.

– Наше дело какое... – рассуждал пожилой боец Отяпов, расправляя перед ярким пламенем костра сырые портянки. – Наше дело солдатское. Приказали бежать – мы и бежим. Бежать – не позор. Это я вам говорю точно. Потому как можно и вернуться. – И Отяпов хитровато и весело улыбнулся, шевельнул свою портянку, от которой сразу пошел густой мужицкий дух; смешиваясь с дымом махорки, он завязался в такой ядреный жгут, которым

можно было повалить любую вражью силу. Когда комендантские вскинули винтовки, Отяпов закрыл глаза. Смотреть на то, как умирали тамбовские, он не пожелал. Отяпову почему-то их было все же жалко. Хоть и присяге они изменили, и товарищей своих бросили, в том числе и его, Отяпова, но все же в душе стонала какая-то жалость и сомнение, что можно было бы не расстреливать тамбовских. Пострадать, попозорить, но жизнь оставить. Потому Отяпов и зажмурился, когда захлопали возле березы затворы. А некоторые смотрели. И потом обсуждали, как падали расстрелянные в яму и как их комендантские закапывали...

Левый ботинок разваливался. А тамбовских расстреляли в сапогах, и сапоги на них были добротные, первого срока. Думать о сапогах расстрелянных, а уж тем более сожалеть о них конечно же стыдно. Но вот сейчас через шаг-другой отвалится подметка – и что тогда ему, бойцу Отяпову, делать посреди дороги? Как воевать дальше? Нет, угрюмо думал он, кое-как преодолевая сон и усталость, командование все же поступило расточительно. И не только с расстрелом, но и с сапогами расстрелянных. Пускай бы старшины забрали в свой обменный фонд, а там бы, глядишь, и таким, как Отяпов, что-нибудь из этого обменного фонда перепало.

За этими мыслями, которые истерзали бойца Отяпова, и застал его свистящий шорох снаряда. Снаряд пролетел мимо и разорвался где-то в глубине леса правее колонны. Но то, что он откуда-то прилетел, и прилетел сюда, к большаку, по которому шли батальонные колонны, тянулись обозы тылов и артиллерийские запряжки, было плохим знаком.

Снег к утру усилился. Залеплял лицо и сек, царапал, будто колючей проволокой, по каске. Но снег так не беспокоил. Что снег, через два дня Покров. Снегу уже и пора. Обеспокоил Отяпова снаряд.

Прилетел, сокол ясный, пес клыкастый... Значит, немцы их колонну обнаружили. Дают пристрелочные. Сейчас должен второй прилететь. «Если не прилетит, – загадал Отяпов, – значит, напрасно я тревожусь, шальной залетел».

Второй снаряд лег уже поближе к дороге, видно было, как блеснуло за деревьями и чуть погодя посыпались по кустам осколки. А третий на куски разнес

санитарный фургон. Машина стояла на пригорке перед ложиной, и из нее перегружали на повозки раненых.

– Господи, Иисусе Христе. – И Отяпов украдкой перекрестился.

Бойцы кинулись было спасать уцелевших, им замахали руками выбежавшие навстречу санитары:

– Не надо! Не надо! Никого там уже нет.

Начали помогать санитарному обозу перетаскаться через ложину. Дорогу совсем растолкли. Вперед ушли танки и бронетранспортеры. Тракторы протащили тяжелые орудия. И теперь телеги проваливались в колеи, заполненные густой жижей, по ступицы. Кони лезли из гужей.

– Впрягайся, пехота, без нас и тут беда, – приказал ротный и сам принялся толкать повозку.

Раненые были прикрыты шинелями и соломой, и только бледные лица их колыхались в темноте. Иногда слышался стон или какая-нибудь просьба.

– Да какой тебе закурить, – терпеливо увещевал старшина какого-то бедолагу. – Вот переправимся на тот берег, там покурим. А тут... Тут германец не разрешает.

Снаряды теперь падали справа и слева, впереди и позади.

– Шире шаг, мать-перемать! – кричал какой-то незнакомый капитан в распахнутой шинели с обгорелыми полами.

Высокий и худой, как обгорелое дерево, он стоял на взгорке и размахивал черным трофейным автоматом без

магазина. Все перепуталось, думал Отяпов, торопя идущего впереди сержанта-связиста:

– Давай, Курносов, шибче двигайся. А то немец прихватит серед дороги.

– На дороге – не беда. Лес рядом. А вот ежели на переправе...

Рядом тянулся санитарный обоз.

– Дядя Нил, подсоби! – услышал он знакомый голос.

Присмотрелся: господи Исусе, так это ж Лидка! Лидка Брусиленкова, его свояченицы племянница из соседних Боровичей. До войны фельдшером работала в районной больнице. И тоже в шинельке и в пилотке.

Лидка нахлестывала серого исхудалого коня, до плеч забрызганного дорожной грязью. В повозке лежал раненый. Его трепало так, что голова его билась о крайнюю доску. Отяпову даже показалось, что Лидка везет мертвого. Мертвых складывали у дороги, мертвых дальше не везли. А на их место тут же притаскивали только что упавшего и наспех перевязанного, в кровавых бинтах.

– Ты ж откелева, дочка, в наш ад свалилась? – посочувствовал ей Отяпов, подтолкнул к повозке сержанта Курносова и сам налег на полок.

Еще двое бойцов из их роты ухватились за тяжи. Конь, почувствовав помощь, полез по грязи, как черт, и через минуту-другую они уже бежали, то ли подталкивая полок, то ли держась за него.

Отяпову показалось, что от раненого потянуло сивушным духом. Он присмотрелся к лежавшему под

солдатским одеялом и вдруг узнал в нем комбата. Толкнул Лидку.

– Мне велено переправить товарища капитана Титкова на тот берег Ресеты, – сказала Лидка и отвернулась.

– Куда его ранило? – тихо, чтобы тот не услышал, спросил Отяпов, уже догадываясь, что ответит Лидка.

Но она ничего не ответила.

– Скидай его в канаву, сук-кина сына! – И Отяпов потянулся, чтобы перехватить вожжи.

Но Лидка огрела его кнутом, так и обожгла мокрой и тугой, как проволока, супонью по руке. Потом начала нахлестывать коня, и тот понес повозку обочиной, обгоняя вереницы понуро бредущих бойцов.

Вот жизнь, думал Отяпов, твою капитана-мать... А ведь – капитан, действительно капитан. Он разглядел шпалу на петлице шинели. Большой человек, батальоном командует...

На Лидку Отяпов не злился. Может, влюбилась, дуреха, в своего командира. До войны на женихов ей не везло. Двадцать пять лет, а никто замуж так и не позвал. А на войне женихов много. Лидка прибыла, видать, с последним пополнением. Надо ж, в одном батальоне, а ни разу не встретились.

Пока выталкивал из грязи повозку с пьяным комбатом, левый ботинок совсем рот разинул, и вода в него пошла вместе с дорожным грунтом – полной рекой... Твою-ка-питана, про себя выругался Отяпов, но о комбате уже не думал. Думал о Лидке.

Что злиться на Лидку? Если к тому же ей приказ отдан, то как военному человеку можно поступить иначе?

А вот он бы поступил иначе. И Отяпов вспомнил, как в 36-м искупал в пруду пьяного председателя колхоза. Тоже горячка была, дожди пошли, а сено все в лугах, растрясено, мокнет, гниет. Председатель в правлении со счетоводкой и уполномоченным из района гулянку затеял. Ну и выпащили они их, всех троих, на пруд и искупали в ряске... Чуть не посадили. Хотели припаять неуважение к власти или что-то такое, по вредительской части. Но обошлось. Председатель райисполкома вмешался. Хороший мужик. Сейчас тоже где-то воюет. Может, полком командует, может, по политической части кем при большом штабе.

Чем ближе к переправе, тем сильнее огонь. Мины хряскали уже в самой гуще народа. Лидка с пьяным комбатом унеслась куда-то вперед. Ее глубоко надвинутую на голову пилотку Отяпов потерял из виду. Хорошо, Курносов выручил, дал ему кусок провода, и Отяпов тем проводом хорошенько скрутил ботинок. Теперь даже вода меньше поступала внутрь и можно было не беспокоиться, что подошва отвалится и потеряется в грязи. Спасали, конечно, портянки. Да провод Курносова. Вот спасибо сержанту, не зря что связист.

Впереди открылась широкая пойма. Мост. Дымящиеся воронки вокруг. И через всю пойму, сбиваясь у моста в тугой жгут, шел, колыхался сплошной серый поток. Этот поток гудел угрюмыми и злыми голосами, гремел оружием и снаряжением, матерился, стонал и кашлял. В нем чувствовалось нечеловеческое напряжение, страх и надежда, что самое опасное вот-вот

будет пройдено, останется позади. Страх передавался и лошадям, и они шарахались по сторонам, сбивали с ног людей, сами падали на колени, ломая оглобли. Но их тут же скручивали ремнями, и кони снова шли вперед, в том же потоке.

– Давай, Курносов, не отставай, братец, – торопил Отяпов сержанта.

Поток, в котором они оказались, вылился из леса в пойму. На какое-то время людям стало просторней и легче бежать к мосту. Туда устремились все, и пешие и конные. Совсем рядом ударил снаряд. Отяпова обдало болотиной и горячим тухлым воздухом сгоревшей взрывчатки. Охнул бежавший впереди боец и ухватился за воздух. На мгновение Отяпов встретился с ним взглядом. Лицо знакомое, вроде из соседнего взвода, второй номер пулеметного расчета. Так и есть, на боку сумка с запасными дисками для РИД [11]. Надо бы помочь пулеметчику, мелькнуло в голове, но тут же эту мысль, словно осколком, перерубило другой: «Не справлюсь, не донесу, уж больно парень велик для моих плеч, эх, всех не вынесешь...»

– Держи, не потеряй! – И Отяпов сунул сержанту свою винтовку.

Пулеметчик действительно оказался тяжелым. Глубже стали протопать гони в болотине. Хорошо, что саперы загатили колею и вязанки хвороста держали ногу, пружинили, не давали провалиться в пучину.

У самого моста началась давка. Отяпова с его ношей на плече сжали со всех сторон и понесли по настилу вперед, так что он едва успевал переставлять ноги, чтобы не упасть и не быть задавленным в этом злом и неистовом человеческом месиве, где каждый спасал свою

жизнь. Курносов хрипел рядом. «Только бы не бросил мою винтовку, – беспокоился Отяпов. – Только бы снаряд не попал в настил...»

И в это время, когда они были уже на середине моста, серия снарядов накрыла пойму на той стороне, откуда они только что ушли, серый поток и край настила. Вверх полетели куски одежды и человеческих тел, бревна, обломки повозок и всего того, что двигалось в ту минуту через реку.

Глава 2 Тайна гибели командарма Петрова

Что произошло под Хвастовичами. Гудериан считал дело с 50-й армией решенным. Ловушка на Рессете. Атака дивизии генерала Фоканова. Яростный полк полковника Краснопивцева. Встреча генералов Фоканова и Петрова в Гутовском заводе. Переправа объявлена армейской. Лихое болото. Бояновичи, Нехочи, Пеневичи... Напрасно Гудериан не прочитал «Войну и мир» Льва Толстого. История непокладистого майора Кравченко. Свидетельства выживших на переправе. Бой, о котором промолчали свидетели и молчат историки. Что же произошло со штабом армии? Несколько версий гибели генерала Петрова: версия сына Александра Михайловича Петрова, версия маршала Ерёменко и версия, которая складывается из ранее неизвестных документов и свидетельств. Куда исчезли награды командарма? Записные книжки Василия Гроссмана. Как выходили дивизии. На новых рубежах под Белёвом. Сейф, найденный в Рессете.

Гейнц Гудериан в книге «Воспоминаниях солдата» так рассказывал о событиях этих дней: «Снегопад продолжался также и 12 октября. Мы все еще оставались сидеть в небольшом населенном пункте Дмитровске (Дмитровск-Орловский), улицы которого представляли собой сплошное месиво грязи, и ожидали новых указаний главного командования сухопутных войск относительно предстоящей перегруппировки. Наши войска замкнули кольцо окружения вокруг большого котла южнее Брянска и вокруг небольшого котла севернее этого города, но

продвигаться вперед войска не могли из-за плохого состояния дорог, 48-й танковый корпус, который в самом начале наступления так быстро продвинулся через Сумы и вышел на хорошее шоссе, также продвигался теперь с большим трудом в направлении на Фатеж. У Мценска продолжались бои со свежими силами противника. Пехотным дивизиям 35-го корпуса было указано на необходимость очистить от противника леса в районе Трубчевского котла. Не только мы, но и вся группа армий «Юг», за исключением 1-й танковой армии, застряла в грязи, 6-й армии удалось занять Богодухов северо-западнее Харькова. Севернее нас 13-й армейский корпус овладел Калугой, 3-я танковая группа заняла Старицу и наступала на Калинин. Главное командование сухопутных войск дало указание об окружении Москвы, однако до нас эти указания не дошли. 13 октября русские продолжали свои попытки прорваться между Навлей и Борщево. Гудериан, мягко говоря, позволил себе приврать. Впрочем, жанр мемуаров, даже если это называется дневником, подобные отступления от правды допускает. Во-первых, к 17 октября севернее Брянска наших войск, во всяком случае того количества, которое бывший фельдмаршал вермахта заявил в своих мемуарах, уже не было. Котел откочевал на восток и уже находился не севернее, а восточнее Брянска. Во-вторых, капитуляции 50-й армии, как таковой, не было.

Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклонной
С ключами старого Кремля...

«Быстроходный Гейнц», как всякий удачливый завоеватель, тоже, должно быть, ждал чего-то подобного

от поверженного противника на своем участке фронта. 50-я армия была разбита, этого невозможно отрицать. Но она не была уничтожена и не капитулировала, если прилагать к этому понятию буквальный смысл. Гудериан – человек военный, и он называл вещи своими именами. В данном случае он поступил в большей степени как политик или даже публицист, но не как историк. Тогда же кто бил его под Тулой и в самой Туле, на городских окраинах? Ведь били его те же самые дивизии, которые он «пленил» под Брянском! Бои на линии реки Ресеты стали самыми кровопролитными для 50-й армии. Именно здесь, в один из дней переправы, армия фактически лишилась командования, а значит, единого управления. В бою получил тяжелое ранение командующий генерал М.П. Петров и начальник политотдела А.Г. Журавлев, погибли член Военного совета Н.А. Шляпин и многие работники штаба.

Достоверных сведений о подробностях боя, ставшего подлинной трагедией для армии, до сих пор нет. Удивительным образом о нем промолчали свидетели и действующие лица, которые впоследствии писали мемуары и потоком издавали их в Воениздате, а теперь молчат военные историки и краеведы. Говорят, что, пока был жив маршал А.И. Ерёменко, в печать о брянском периоде 50-й армии ничего не проходило. Так и было. Хотя, возможно, это просто совпадение.

Позволю себе небольшое отступление, впрочем не отходя от нашей темы.

В 1978 году судьба занесла меня на Рессету, в те самые места, где в октябре 41-го пробивались из окружения дивизии, полки, отдельные отряды и одиночки из северного котла Брянского фронта. Стояло лето. Прекрасная погода. Август. Теплые ночи и знойные дни. Шли вниз по течению Рессеты от деревни под названием Севастополь до села Чернышена. Где-то возле Фомина Верха встретили рыбака. Тот ночевал в стогу в пойме. Вставал на зорьке и таскал щук. А днем отсыпался и грелся на песке. Наш лагерь стоял на одной стороне Рессеты, а рыбак жил в стогу на другом. И вот он, видя, что мы путешествуем по реке, в которой изобилие всякой рыбы, но рыбалкой не занимаемся и не имеем от реки никакого приварка, предложил нам одну из своих удочек. Я пошел по мелководью, чтобы забрать предложенную снасть. В песке на дне реки лежали камни, поросшие тиной. Вначале я хотел пройти по ним, но что-то меня удержало. Когда я вышел на другой берег, сказал рыбаку, что камни на дне какие-то странные, все одинаковые. «А это не камни, – ответил он. – Это черепа. Солдаты. Вот вчера нашел в овраге...» И он выгачил из сена винтовку. Приклад и цевье уже подгнили и

потрескались, но все еще держались, прихваченные кольцами креплений и накладками. Затвор ходил, хотя и не до конца.

После этой встречи мы стали обращать внимание на местность, по которой шли. Окопы, ходы сообщения, воронки. Кругом валялось железо войны: каски, противогазы, гильзы, куски колючей проволоки, осколки мин и снарядов, иногда целые снаряды и гранаты. Тогда этого добра в нашей местности было навалом. Если останавливались в лесу, прежде чем развести костер, протыкали землю куском проволоки.

Вернувшись из путешествия по Рессете, я не раз пытался найти в справочниках, энциклопедиях или среди мемуаров хоть что-нибудь, что могло просветлить в голове тот туман, который не давал покоя долгие годы. Не нашел ничего. Лишь в последние годы начали появляться публикации, понемногу проясняющие смутные события тех дней – переход 50-й армии через Рессету, бои в окружении и полуокружении, когда даже командиры не знали точно, куда же надо пробиваться, на юго-восток или все же севернее, где заслоны противника не столь плотны и сильны...

Лет десять спустя после того путешествия я рассказал о находке поисковикам, указал тот приметный поворот реки на карте. Они подняли останки погибших. Определили, что это были красноармейцы. Их похоронили в братской могиле неподалеку. Вот и все. Местным властям дай бог осилить ремонт могил и памятников. Понимания того, что историю надо изучать, хранить и передавать детям, нет.

О генерале Петрове всерьез начали говорить в конце 80-х. В основном в среде поисковиков,

краеведов-энтузиастов. Не обошлось и без курьезов. Сразу несколько человек клялись мне, что нашли останки генерала Петрова и «решают вопрос» о том, где и как хоронить, и что знают доподлинно обстоятельства его гибели и скоро все это опубликуют...

Биографическая справка о генерале М.П. Петрове везде коротка и примерно одинакова.

Родился в деревне Залустежье ныне Лужского района Ленинградской области в крестьянской семье. Русский. Член партии большевиков с 1920 года. Окончил 4 класса сельской школы. Работал учеником слесаря на Путиловском заводе, шофером в Петрограде. Весной 1917 года вступил во 2-й Петроградский красногвардейский отряд, в должности командира отделения участвовал в штурме Зимнего дворца. С 1918 года в Красной армии. Участник Гражданской войны. В 1923 году окончил Тамбовскую военную пехотную школу, в 1925-м – Закавказскую политическую школу, в 1932-м – бронетанковые курсы. Командовал танковым батальоном. Участник гражданской войны в Испании 1936–1939 годов. Командир 2-го танкового батальона, майор, в группе комбрига Д.Г. Павлова. Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июня 1937 года. Участник похода советских войск на Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 году, командовал 15-м танковым корпусом. В 1940 году – инспектор автобронетанковых войск Западного военного округа, генерал-майор. В 1941 году окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва. Начало Великой Отечественной войны встретил в должности командующего 17-м механизированным корпусом в составе 27-й танковой, 36-й танковой и 209-й моторизованной дивизий. Корпус

входил в состав Западного фронта и располагался в районе Барановичей. 27 июня корпус был атакован силами 47-го моторизованного корпуса вермахта из 2-й танковой группы и прекратил свое существование. В августе 1941 года М.П. Петров был назначен командующим 50-й армией.

7 октября 1941 года назначен командующим Брянским фронтом. При выходе из окружения был тяжело ранен и умер 10 октября 1941 года, похоронен у деревни Голынка (Карачевский район Брянской области).

Из официальной справки, опубликованной во всех изданиях, как видим, неясно, как погиб генерал Петров, при каких обстоятельствах получил тяжелое ранение, которое вскоре привело к смерти, кто хоронил его тело. Справка вызывала больше вопросов, чем давала какие-либо ответы.

Между тем семья погибшего, вдова Мария Федоровна Петрова и сын Александр Михайлович Петров, пыталась выяснить, что произошло и почему тело мужа и отца оказалось похороненным на оккупированной территории.

В публикациях конца прошлого века удалось найти информацию о том, что «спустя много лет сын генерала инженер-майор Александр Михайлович Петров ездил в те места, где погиб его отец, и сумел собрать некоторые драгоценные подробности о последних днях его жизни.

«В боях на реке Рессете Михаил Петрович был тяжело ранен в верхнюю часть обеих ног. Он не только не мог двигаться, но от потери крови почти все время находился без сознания. Штабу армии предстоял длительный путь с боями. Транспортировка тяжелораненого в таких условиях была невозможна.

Пришлось оставить генерала Петрова в одной из глухих деревень под надзором врача и медсестры. Полагали, что в последующем, если даже территория не будет в ближайшее время освобождена, Петров по выздоровлении с помощью партизан вернется на Большую землю. Группа красноармейцев во главе с врачом и медсестрой доставили раненого в небольшое лесное село Голынка (Карачевский район Брянской области). Гитлеровцы обошли это глухое селение стороной. Раненого поместили в доме колхозников Новокрещеновых. Красноармейцы после этого вернулись к своим, а врач и медсестра остались. У Петрова началась гангрена. Он приказал медицинской сестре уйти, видимо для установления связи с партизанами, так как она была уроженкой этих мест. Примерно через неделю – дней десять в Голынку нагрянули гитлеровцы-автоматчики. Врач скрылся в лесу. Раненого же перенести не успели, и он остался у Новокрещеновых. Фашисты пожаловали и в этот дом. Хозяйка укрыла генерала старым тулупом и на вопрос врагов ответила, что это лежит ее хворый мужик, ходивший в лес и подорвавшийся на mine. Никто в деревне не видел генерала, и гитлеровцы ушли, по своему обыкновению начисто ограбив крестьян.

После этого случая врач вскоре привел группу пробиравшихся на восток красноармейцев. Они сделали удобные носилки из жердей и перенесли генерала на заброшенный лесопункт в 7 километрах от деревни. Здесь жил лесник и несколько человек, скрывавшихся советских людей. Гитлеровцы сюда еще не добрались. Здесь Петров был помещен в отдельной комнате, относительная безопасность позволила улучшить уход. Но гангрена усиливалась. Было решено отвезти его в

Карачев, где среди врачей районной больницы были верные люди, с тем чтобы сделать операцию. Начали подготовку к этой сложной перевозке. Сам Петров, однако, не одобрил этого решения. Состояние его резко ухудшалось. Пробыв около 10 дней на лесопункте, Михаил Петрович скончался. Ночью он был похоронен. Это была середина ноября 1941 года.

На похоронах присутствовало несколько десятков крестьян и рабочих из Карачева и соседних поселков. Врач в своей краткой речи на могиле сказал, что хороним Героя Советского Союза командующего Петрова (какими войсками командовал умерший, врач не сказал).

В 1956 году эту могилу показали сыну командарма. Останки Героя были перенесены в Брянск. Тысячи жителей района провожали гроб с прахом М.П. Петрова. Он похоронен сейчас в Брянске на городском кладбище. В дни годовщины освобождения города здесь проводятся митинги» [16] .

Эту историю слово в слово переписывает в своих мемуарах маршал Ерёменко. Предполагаю, что в большей степени именно со слов маршала, а не со слов сына командарма эта история и загуляла из публикации в публикацию. Для Ерёменко такая версия была удобной во всех смыслах. Но выдумки долго не живут. Легенды должны быть красивыми, тогда они принимаются народом и становятся частью местного или общенародного эпоса. Обрастают *новыми подробностями* , и людям уже не надо никакой правды.

Эта же легенда имеет ряд существенных изъянов. И, пока был жив маршал, она тяжелым и неподъемным камнем лежала на истории гибели командарма. Теперь этот камень понемногу изнашивается, рассыпается.

Правда начинает просачиваться и выступать на поверхность.

В 1956 году, спустя пятнадцать лет после гибели мужа, Мария Федоровна Петрова сделала письменный запрос по линии военного ведомства, в котором служил Михаил Петрович Петров, и получила вот какой ответ:

«Гр-ке Петровой Марии Федоровне. Мы уже сообщали Брянскому облвоенкому, что уточнить место похорон Героя Советского Союза генерал-майора Петрова Михаила Петровича, к сожалению, не представляется возможным. Он погиб при особых обстоятельствах, на территории, занятой противником, поэтому установить, где именно похоронен, не удалось. По имеющимся неофициальным данным, генерал-майор Петров М.П., будучи раненым, попал в плен и, уже находясь в плену, умер 20.10.41 г. в лагере военнопленных в г. Карачеве Брянской области, в то время оккупированном немецко-фашистскими захватчиками.

Полковник *Голованов* 18.9.56 г.».

Это письмо вдове погибшего генерала не только дает ответы на часть наших вопросов, но еще и красноречивый документ того отношения, которое, можно сказать, царило в официальных кругах и в высоких инстанциях по отношению к родственникам погибших. Какое там – отыскать солдата или лейтенанта? Да еще если он погиб или пропал без вести в окружении или при выходе из окружения. А ведь сколько их до сих пор лежит в Диком болоте и в других болотах, в лесах и оврагах в районе Ресеты, села Красного, Терebene, Клена, Уколицы, Кирейкова на пути к Белёву. Брошенным оказался генерал. Как теперь об этом вспоминать? Так

уж лучше забыть... Документы, найденные в Подольском архиве, на судьбу генерала Петрова света не проливают. И все же их необходимо привести. Хотя бы для того, чтобы понять атмосферу, царившую и в штабах, и на дорогах в районе Белёва и реки Оки.

Переговоры 24 октября 1941 года. – Все ясно» [17].

Переговоры 19–20 октября 1941 года. В 1992 году на 41-м километре реки Рессеты – о, магия чисел! – поисковиками был найден железный ящик – дивизионный сейф с документами. Из-за повышенной влажности документы не поддавались прочтению. В научно-исследовательской лаборатории судебных экспертиз слипшиеся листы все же разделили и определили: документы, находящиеся в железном ящике, датированы 1941 годом и имеют хозяйственное значение. Это были различные ведомости, авансовые отчеты, расходные ордера, квитанции об оплате, денежные аттестаты и прочее. Эксперты установили, что принадлежат они 290-й стрелковой дивизии 50-й армии. Тремя годами раньше там же, на Рессете, поисковики нашли сейф с партийными документами 1026-го стрелкового полка 260-й дивизии. Стали известны многие фамилии бойцов и командиров 50-й армии, которые не были учтены ни в каких документах и не проходили ни по каким спискам. Так бойцы брянских поисковых отрядов возвращают в историю имена ее героев.

Отяпов встал на колени, соскоблил грязь с лица. Глаза видели, но плохо. Оранжевая пелена мешала разглядеть все, что происходило вокруг. Рядом карабкался сержант Курносов. Похоже, он был жив. Пулеметчик лежал рядом и смотрел на Отяпова с

надеждой. По щекам его текли слезы. Совсем молоденький, лет, может, восемнадцати, разглядел его Отяпов. Пули вжикали над головой, рвали землю под ногами. Никто из бегущих к лесу на огонь немцев не отвечал. Эх, некому подать команду, лихорадочно соображал Отяпов. Да и винтовки у него нет. Только горсть патронов в подсумке.

– Стой! – закричал Отяпов, уже не понимая, что делает. – Ложись! Приготовить оружие!

Несколько бойцов упали рядом. Захлопали затворы.

– Огонь!

Раздался нестройный залп, потом другой.

– Эх, мать вашу германскую разэтак!.. – матерился Отяпов.

Он и сам стрелял из винтовки, неизвестно как оказавшейся в его руках. Рядом лежал сержант-связист и тоже вел огонь по краю болота, где залегла немецкая цепь.

И тут из леса стали выскакивать серые шинели с винтовками наперевес.

– Наши!

Возле болота началась рукопашная. Но Отяпову и его товарищам было не до нее.

Откуда-то взялась повозка с Лидкой. Лидка напуганная, в глубоко надвинутой пилотке. Лицо перепачкано грязью и кровью. В повозке лежал, болтался на ухабах пьяный комбат.

– Постой, Лидушка! Сил моих боле нет! – И Отяпов сгрузил в повозку, прямо на комбата, свою ношу. – Вези, доченька. С Богом.

И они навалились на грядки, чтобы поскорее вытолкнуть повозку из поймы на горку, в лес.

В лесу комбат пришел в себя и начал выбираться из повозки. Его мутило.

– Эх ты, шваль подколесная, – вслух думал о нем Отяпов. – Сколько нынче хорошего народу побилло, а тебе

хоть бы что... Вон сколько харчей перепортил. А тут маковой росинки во рту не было уже сутки.

Отяпов отвернулся, чтобы не смотреть на позор своего командира. Это он сейчас такой, подумал он, а завтра протрезвеет, осмелеет и опять ими командовать станет, орлом поглядывать да покрикивать.

Из поймы в сторону болота, куда отошли немцы, бежали бойцы. Тащили пулеметы. Ездовые гнали повозки, нагруженные минометными трубами и ящиками с боеприпасами. Командовал отрядом худощавый капитан, тот самый, который торопил их на рассвете перед переправой. На плече он держал черный трофейный автомат. Теперь в нем торчал длинный рожок. Капитан подошел к ним, заглянул в повозку.

– Капитан Титков? Что с ним? Пьян?

И Лидка, и Отяпов, и бойцы, оказавшиеся рядом, молчали. Словно позор капитана Титкова, будто из отхожего ведра, обгадил и их.

– А ну-ка, ребята, ставь его к сосне! – И капитан опустил автомат и оттянул затвор. – Ставь, ставь! Согласно приказу номер двести семьдесят... Как приказывал товарищ Сталин? – И капитан пронзил Отяпова холодным блеском остановившихся глаз. – Товарищ Сталин приказывал: если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. А потому товарищ Сталин очень правильно приказал: трусов и дезертиров...

Но не успел он договорить, как несколько мин с металлическим хряском обрушилось на дорогу и полянку, где накапливались выходящие из поймы бойцы и повозки.

Отяпов и бойцы попадали кто где стоял. А когда подняли голову, ни капитана, ни его подчиненных ни возле повозки, нигде поблизости не увидели. Только голос его, хрипловатый, с тугой металлической окалиной, рокотал где-то внизу, в стороне переправы.

Все в лес, подальше от этой проклятой реки, подумал Отяпов, а этот назад пошел и людей своих повел. Вот кому сам черт не брат. Вот это капитан. С таким и умереть не страшно.

Они затащили на повозку своего комбата. Лидка потеряла клочком соломы, выдернутой из подстилки, его заблеванную шинель.

– Вези, Лидка, – махнул рукой Отяпов. – Что ж делать. За него ведь, и такого, с тебя спросят. Да парня не брось. Спасибо за перевязку. Даст Бог, выживет. Вези скорей.

Возле дороги строили вышедших. Командовал лейтенант в кожаной куртке и рыжей портупее.

Отяпов с сержантом тоже стали в строй. Хорошо, Курносов вынес его винтовку. Сейчас бы лейтенант этот, с рыжей портупеей, тоже наганом стучал бы ему в лоб:

– Где винтовку бросил, сучье отродье! Бегом марш! И чтоб через десять минут доложил о полной боевой готовности!

Лейтенант ходил перед строем, как ворон, готовый клюнуть. Револьвер он держал в руке.

– Наша задача – не дать противнику захватить переправу! Оттеснить в болото... Сейчас подвезут боеприпасы. По банке консервов на брата и по три сухаря. Патронов можно брать до двух боекомплектов.

– Ну вот, Отяпов, эти хоть покормят, – толкнул его сержант Курносов.

Отяпов с облегчением вздохнул. Интересно, какие консервы, мясные или рыбные. Любые хороши. Лучше бы, конечно, мясные...

Лейтенант скомандовал «Вольно». У кого имелась махорка, сразу закурили. Ждали обещанные консервы и сухари. Продукты действительно вскоре привезли на широкой армейской повозке. Лейтенант принялся делить пайки. А старшина, управлявший повозкой, открыл ящики с патронами и, улыбаясь щербатым ртом, сказал:

– Ну, налетай, кому пряного посола не хватило.

«Пряного посола» хватило всем. Скумбрия в масле

—

тоже вещь хорошая. У сержанта Курносова откуда-то взялся немецкий штык-нож. Он тут же ловко крутанул им крышки консервных банок. Облизал плоское лезвие, сунул штык-нож за голенище.

Отяпов ловил пальцем скользкие рыбные кусочки, с тоской наблюдая, как быстро пустеет банка. Вскоре в серебристой посудинке остался только запах. Но и пустую ее выбросить было жалко. И только когда сержант Курносов поднес каску, наполненную блестящими патронами, он бросил банку в кусты и расстегнул крайний подсумок. Патроны были уже в обоймах.

Рассовав боекомплект по подсумкам и карманам, Отяпов осмелел и подошел к старшине.

– Тебе чего, папаша? – спросил старшина.

– Да вот... – И Отяпов указал на свой негожий ботинок, скрученный телефонным проводом. – Обувь сменной на вашем складе, случаем, не имеется?

– Имеется, – живо согласился старшина и указал за сосны, где были сложены в ряд убитые во время минометного обстрела. – Любого размера и фасона. Можно даже подобрать трофейные – с железными подковками.

Эх, в рыло бы тебе, складская душа, подумал Отяпов, глядя на съеденные то ли махоркой, то ли чифирем редкие зубы старшины.

Вскоре начали строиться. И тут прибежал боец, которого лейтенант прогнал за винтовкой. Ему тоже выдали паек и патроны.

– Ну что, Гусёк, нашел свою судьбу? – окликнул бойца лейтенант.

Он так и держал наган в руке.

– Нашел, товарищ лейтенант. Там, возле моста, уронил... Обстрел начался, ну я и...

– Молодец! Даже если винтовка не твоя.

Интересно, Гусёк – это фамилия или прозвище? Отяпов разглядывал бойца. Невысокий ростом, длинная, не по росту, шинель. Такие урезают на ладонь – на фитили для коптилок.

Пошли. Гусёк все время держался возле Отяпова и сержанта. Тот помог ему откупорить банку с рыбными консервами. Гусёк буквально проглотил ее содержимое. Масло текло по щекам, по дрожащим губам, и тот облизывал их и улыбался счастливой улыбкой.

– Расстрелял бы, – кивнул Гусёк на лейтенанта, который шел впереди с наганом в руке. – Если бы винтовку не нашел, как пить дать расстрелял. Ротный не шутит. Он у нас такой...

Где теперь его рота? Где старший лейтенант Безлесов? Почему он с чужим ротным идет куда-то? А куда идет? Видать, в бой. Немцы рядом. Их только отогнали к болоту.

Переправа снова заработала. Это было ясно по тому, как серый поток снова выплеснулся из поймы и несколькими дорогами стал втягиваться в лес на восточном берегу Ресеты.

А куда вел их этот самоуверенный лейтенант в кожаной куртке? Надо было уходить в лес с Лидкой и комбатом. Сейчас бы, может, уже возле кухни стояли, кашу бы из котелков дергали. Отяпов с неприязнью вспомнил о комбате. И почему таким сволочам все время везет? Вот и капитан его не расстрелял. И на мосту под снаряды не попал. И немцев вовремя от переправы отбили. И сейчас, видимо, благополучно едет в тыл на мягком сене под присмотром этой дуры Лидки.

Впереди слышалась стрельба. Тарахтел «Максим», делая небольшие паузы. Очереди длинные, такие делает неопытный пулеметчик. Или противника не видит, лупит наобум лазаря.

Из-за деревьев им навстречу выбежал еще один лейтенант.

– Вот, кого смог набрать... Шестьдесят два человека при двух пулеметах. – Лейтенант в кожаной куртке махнул наганом, и Отяпову показалось, что он посмотрел на него. – Все с оружием. Даже Гусёк. Третью винтовку

за сутки бросает. Пристрелить – патрона жалко. – И лейтенант засмеялся.

Гуська трясло. Он водил по прицелу грязной протиркой, продувал намушник и украдкой поглядывал на лейтенантов.

– Сидят, не рыпаются? – спросил тот, которого Гусёк называл ротным.

– Пока сидят. Но, думаю, скоро полезут. – Второй лейтенант был помоложе. И одет попроще, в стеганую телогрейку и буденовку. В руке ППШ.

– Без поддержки минометов или артиллерии не полезут. Ждут усиления.

– Сколько их там, неизвестно. Думаю, не меньше роты. Пленного взяли. Ребята из второго взвода поймали возле болота. Показал, что из полка «Великая Германия», что полк только что переброшен с северного участка фронта, с Варшавского шоссе.

– Хорошо, что погода нелетная.

– Да. Туман. Хоть что-то... Всерьез за нас взялись.

Немного погодя лейтенанты разошлись. Лейтенант в кожаной куртке ушел на левый фланг. Другой, сбив на затылок буденовку, оглянулся на бойцов:

– Приготовиться к атаке. Штыки!..

Какие там штыки... Штыки давно уже побросали, лишний груз. Но Гусёк свой не бросил, прилаживал к стволу. Руки у него дрожали, и штык никак не защелкивался. В конце концов он его бросил на землю и отшвырнул ногой в сторону.

– Дай-ка сюда. – И Отяпов ловко, одним движением насадил штык на ствол Гуськовой винтовки. – На, воюй.

– Пошли, – негромко и не по уставу сказал лейтенант, встал и в полный рост пошел вперед.

Отяпов немного повременил, словно дожидаясь, когда немецкий пулемет срежет храброго лейтенанта. Но тот вошел в просвет между деревьями, оглянулся, сбросил с плеча ППШ. И Отяпова будто сорванная с пазов пружина выбросила из-за сосны и понесла вперед, к болоту.

Такого командира бросать нельзя, к такому надо держаться поближе. Это Отяпов хорошо усвоил по предыдущим боям.

Болото заплыло туманом. Виднелись лишь сухие шесты ольх, будто воткнутые в снег.

Немцы почему-то молчали.

Лейтенант вначале шел, а потом, поняв, что бойцы поднялись, побежал вперед. Он бежал так быстро, как мальчишка, которого невозможно догнать. Куда ж ты, лихой, навстречу своей смерти так спешишь, хотелось сказать Отяпову, едва поспевавшему за ним.

И тут произошло то, о чем потом вспоминали выжившие и помнили всю войну, потому что такое, даже на передовой, случается крайне редко.

В тумане начали проступать какие-то столбики. Послышался смутный шум, похожий на движение многих людей.

Вот они, понял вдруг Отяпов и, испугавшись, что бежавшие рядом Курносов и Гусёк могут не выдержать и попытаются залечь или как-нибудь по-другому

уклониться от неминуемой встречи, крикнул первое, что пришло в голову:

– Держи строй, ребята!

Немцы шли ровной цепью с одинаковыми интервалами. Ни выстрела, ни крика команд. Они уже все решили, как разделаться с их отрядом и двумя храбрыми лейтенантами.

Вначале зарычали на левом фланге. Там, в тумане, видать, схватились те, кого вел лейтенант в кожаной куртке. А уже через мгновение вихрем захватило и остальных.

Глава 3 «Тайфун»

остановлен под Тулой

Слияние армий: 50-я и 26-я. У армии новый командующий – генерал Ермаков. Состояние армии перед сражением за Тулу. Белёвский боевой участок полковника Аргунова. Судьба 194-й стрелковой дивизии полковника Сиязова. Воспоминания артиллериста. Воспоминания солдат и офицеров дивизий, вышедших из окружения. Гудериан гонит свои танки к Туле. Грезы Гитлера.

23 октября 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о слиянии 26-й и 50-й армий:

«В целях удобства управления Ставка Верховного Главнокомандования приказала: *Василевский*» [21].

А вот документ, который характеризует состояние армии в первые дни после выхода из окружения: Начальнику штаба Брянского фронта

Доношу состояние и положение частей 50 армии к утру Зам. нач. оперотдела штарма 50 майор *Гаран*» [22]

Несколько слов об остатках 26-й армии, которые в эти дни были переданы 50-й армии. К счастью, наши офицеры очень быстро учились воевать. И в этот раз полковник Сиязов сумел буквально выхватить свою дивизию из-под носа у немцев. Прикрывшись арьергардами, части 194-й дивизии вышли из-под удара и заняли оборону вначале северо-западнее Одоева, а потом по реке Упе на рубеже Новое Павшино, Поречье,

станция Бредихино. Особенно тяжело во время отхода пришлось 470-му стрелковому полку, прикрывавшему отход. В первый день бой не прекращался ни на час. К вечеру, измотав противника и себя, полк оторвался от преследования и вскоре соединился с основными силами.

На Упе 194-я дивизия простояла 15 суток. Затем ее подразделения, по всей вероятности, вошли в состав 258-й стрелковой дивизии. А полковник Сязов возглавил эту дивизию. Потому что номер 194-й был оставлен другой части некогда разделенной дивизии, которая в те дни оборонялась под Серпуховом в составе соседней 49-й армии генерала И.Г. Захаркина.

Почему-то в довольно подробном донесении заместителя начальника оперативного отдела 5-й армии 194-я даже не упомянута. Вот вам и документы военного времени. Нет документа – нет человека. Нет темы для рассуждений и прочего.

А вот судьба другой дивизии – 217-й. О ней мы будем говорить часто.

В начале октября 217-я стрелковая дивизия понесла большие потери в людях и технике и к 5 октября отошла на восточный берег реки Бытошь. Два ее полка были сведены в один и двумя группами оборонялись в районе населенных пунктов Бытошь и Сукремль. В полдень 2 октября была потеряна связь с 766-м стрелковым полком. Как выяснилось позднее, полк был отрезан противником и практически уничтожен. Погиб и комполка Н.П. Галкин. К 5 октября в 755-м полку осталось 40 штыков, в 740-м – около 800 человек.

Началось отступление. В ночь на 8 октября остатки дивизии снялись с позиций. Но противник уже перекрыл пути отхода. В ходе боев в окружении к частям 217-й дивизии присоединились воины сводного полка, сформированного в августе 1941 года в Брянске.

Бывший секретарь партийного бюро этого полка Н.А. Соболев вспоминал: «Полк формировался в казармах 5-го полка связи. Бывшего командира

батальона, на базе которого формировался полк, капитана Храмовского назначили заместителем командира полка. После оставления Брянска мы отступали с боями до Тулы. Нам пришлось вести ожесточенные бои в районе Подбожье, Воткино, Рига, Кудеяр, Крапивна, Сорокино, Новый Путь, Белёв. В городе Одоев мы встретились с командиром и комиссаром (т. Анисимов, т. Карцев) 740-го стрелкового полка 217-й дивизии, и наш Брянский полк влился в состав 740-го полка и отходил к Туле в его рядах. Тов. Храмовский стал командиром 1-го батальона 740-го полка. После освобождения Ясной Поляны на подступах к г. Щёкино он погиб».

217-я стрелковая дивизия вышла из окружения наиболее боеспособной – 1428 человек с 16 орудиями, 6 минометами.

Почти всем дивизиям, выходившим организованно, с обозами, пришлось вести бой на переправах через Ресету.

Вот как выходила 260-я стрелковая дивизия.

Утром 11 октября передовой отряд сбил заслон противника и вышел к Хвастовичам. В Хвастовичах к тому времени уже были немцы. Все дороги к Ресете, мосты и броды были либо заминированы, либо контролировались гарнизонами и танками. К переправе вышли с боем. Бой длился 12 и 13 октября.

Из воспоминаний офицера 839-го артполка 260-й стрелковой дивизии Якова Гельфандейна: «Под сильным артиллерийским и минометным огнем, под непрерывной бомбежкой, насквозь промокшие, отощавшие от недоедания, но сильные ненавистью к врагу, наши воины чуть ли не в рукопашной схватке

прорвались к реке и форсировали ее. Прорыв дался ценой больших потерь. Но впереди вновь был противник. Тогда дивизия резко меняет направление на северо-восточное, на Белёв, и после отчаянного боя 17 октября 1941 г. прорывает фронт, 20 и 21 октября переправляется через р. Оку у Белёва, а 23 октября сосредотачивается в районе Арсеньево».

Дивизия отступала по нескольким параллельным дорогам. 839-й арtpолк оторвался от стрелковых полков, связь с ним прервалась. Пунктом сбора частей дивизии было назначено село Нехочи. Но вскоре выяснилось, что крупный населенный пункт Подбужье на пути к Нехочам занят противником. У деревни Семёново на полдороге к Нехочам образовалась большая пробка. Ее начали бомбить немецкие самолеты. А немного погодя показалась мотопехота. И тут командир арtpолка отдал приказ: орудия уничтожить, лошадей расстрелять.

1028-й стрелковый полк тем временем вышел к Хвастовичам. Разведка, высланная вперед, сообщила: немцы. Решили атаковать. Обойти этот крупный населенный пункт, райцентр Орловской области (ныне Калужской области) было невозможно. К тому же от Хвастовичей шла прекрасная дорога на село Красное. В Красном был мост через Рессету, за которым открывался путь на Волхов и Карачев. 12 октября полк атаковал Хвастовичский гарнизон, смял его, но закрепиться без тяжелого вооружения и артиллерии не смог. Немцы контратаковали и рассеяли полк.

Небольшими группами, численностью до взвода, полк впоследствии собрался в Белёве. Часть пошла на укомплектование других дивизий. На сборных пунктах долго не задерживали: покормили, пополнили нужные

бланки, хорошо, если помыли в бане, а то и отправляли тут же, со старыми вшами в новые окопы.

Гудериан, основной неприятель 50-й армии, в своих мемуарах написал:

«2-й танковой армии была теперь поставлена задача нанести удар на Тулу.

Успешно завершив бои в районах Брянска и Вязьмы, группа армий «Центр» добилась тем самым еще одного крупного тактического успеха. Вопрос о том, в состоянии ли она продолжать наступление, чтобы превратить этот тактический успех в оперативный, являлся наиболее важным со времени начала войны вопросом, стоявшим перед высшим командованием германской армии».

Тон приказов и распоряжений, которые отдавал командующий 2-й танковой армией своим генералам и солдатам, был более уверенным и бодрым. Это после поражения, пережив трагедию крушения и армии, и рейха, Гудериан задним числом подпустил в «русские» главы своих мемуаров настроение некой неуверенности, при этом переводя стрелки все на того же козла отпущения – Гитлера.

«2-я танковая армия продолжала наступление на Тулу», – написал Гудериан сразу после завершения брянско-вяземской главы.

На Оке в те дни создавалась оборона. Окопы занимали те самые 10 процентов, уцелевшие после разгрома 50-й армии под Брянском, Хвостовичами и Карачевом. Казалось бы, для окончательного разгрома этих жалких остатков, не обеспеченных артиллерией и минометами, достаточно было еще одного хорошо организованного танкового нажима, и они рассеются как

туман; Тула падет и откроется дорога на Москву – прекрасные шоссе и железная дорога.

Но, как говорят на Руси, скоро сказка сказывается... Тщательно разработанным планам германского командования по захвату Москвы, а также Тулы так и суждено было остаться на бумаге. Не дорубил «быстроходный Гейнц» лес, не постарался, пренебрег, а он на Руси, как известно, отрастает скоро...

26 октября 53-й армейский корпус вышел передовыми подразделениями к Оке. На следующий день танки Гудериана были уже в районе Плавска. 28 октября 43-й армейский корпус достиг Одоева. До Тулы оставалось менее 30 километров.

В этот день Гудериан получил текст пожелания, переданного фюрером: «захватить нашими подвижными батальонами» мост через Оку восточнее Серпухова. И Серпухов, и мост через Оку, о котором грезил Гитлер, находились перед фронтом левофланговой 4-й полевой армии. Впоследствии Гудериан напишет в своих мемуарах по поводу берлинских пожеланий следующее: «Подвижных батальонов» уже не было. Гитлер жил в мире иллюзий».

И далее: «29 октября наши головные танковые подразделения достигли пункта, отстоящего в 4 км от Тулы. Попытка захватить город с хода натолкнулась на сильную противотанковую и противопехотную оборону и окончилась провалом, причем мы понесли значительные потери в танках и офицерском составе».

Началось сражение за Тулу.

Перед началом штурма Тулы 2-я танковая армия была усилена 43-м корпусом генерала Хейнрици.

Но неожиданно продвижение вперед танковых, моторизованных и армейских корпусов 2-й танковой армии Гудериана застопорилось.

Фельдмаршал фон Бок с беспокойством записал в своем дневнике: «По большому счету, остановка наступления 2-й танковой армии означает приостановление наступления на всем фронте группы армий».

Туман в один миг будто рассеялся. И они увидели, что ровные столбики, вышедшие из болота, движутся на них полукольцом, охватывая с флангов. А значит, их больше, с ужасом понял Отяпов. Но теперь надо было думать уже о другом. А лучше вообще ни о чем не думать, чтобы не мешать ни себе, ни своим товарищам. «Больше в деревнях не останавливаемся», – твердо решил он для себя, когда шли уже лесом, вдоль дороги, на которой рокотал транспорт чужой армии. Транспорт двигался в том же направлении, что и они.

Глава 4 Тула: сдать город или защищать?

Когда началась оборона Тулы. Приказ по армии. Новое командование 50-й армии. Командарм Ермаков. Конфликт с секретарем обкома. Полковник Аргунов. Решение тульских большевиков. Захвачена Калуга, Детчино, Бабынино... Беженцы. Из дневника Н.М. Яковлевой. Предсказание блаженной Дуняши: «Немцы в Тулу не войдут...» Хроника обороны Тулы. Формирование Тульского рабочего полка. Зенитки поставлены на прямую наводку. 29 октября Гудериан атаковал и был отбит с большими потерями в танках. Из сводки потерь противника... Казарма в Ясной Поляне. Как немцы едва не сожгли дом Л.Н. Толстого.

Военные историки и тульские краеведы считают, что оборона Тулы началась 24 октября 1941 года. Именно в этот день вновь сформированное «командование 50-й армии отдало первый приказ об организации обороны подступов к Туле и самого города». 21 октября в Тулу пришла тревожная весть: немцы захватили Калугу и ринулись на Алексин и Тарусу. К тому времени оказались оккупированными Детчинский, Бабынинский, Перемышльский и Черепетский районы Тульской области. Горожане понимали, что со дня на день враг подступит к областному центру. В Тулу шли потоки беженцев, они приносили страшные вести.

Из дневника жительницы Тулы Нины Михайловны Яковлевой: О сводном отряде: о МСП 108 тд, МСБ 11 тбр, с 9 орудиями, оборонявшими ПЛАВСК, после 18.00 27.10 данных нет.

260 сд, отходя на восток, 26.10 прошла АРСЕНЬЕВО. Новых сведений нет.

154 сд, отходя в восточном направлении, 27.10 прошла АРСЕНЬЕВО.

299 сд, двигаясь на ПЛАВСК, прошла 27.10 ЛИТВИНОВО.

258 сд с 26.10 на марше.

6 гвард. дивизия, следуя в район ЕФРЕМОВ, к исходу 28.10 18 км зап. ЕФРЕМОВ.

299 сд обороняет район Щёкино.

Штадив – ЯСНАЯ ПОЛЯНА [26] .

31 кд на марше в район КОСАЯ ГОРА, куда ожидалась к 14.00 28.10. Сведений о прибытии не поступило.

278 сд (отд. Подразделением – 226 чел.) ЕФРЕМОВ, совместно со сводным танковым батальоном – 14 танков – обороняет ЕФРЕМОВ, фронтом на северо-запад.

В дивизии, с которыми не имеется связи, с 26–27.10 посланы офицеры связи на самолетах и на машинах» [27]

Сводку подписал заместитель начальника штаба Брянского фронта полковник Сандалов.

Связь была налажена лишь с Ефремовским боевым участком и со штабом 50-й армии. Штаб армии в то время находился в обкоме ВКП(б). Но вскоре отношения генерала Ермакова с первым секретарем обкома и горкома партии товарищем Жаворонковым стали окончательно портиться. Штаб был переведен в

северо-восточную часть города, а затем и вовсе выведен в дачный район.

Как видно из оперативной сводки, 28 октября 1941 года все под Тулой было в движении. Но войска еще не заняли свои рубежи. И войск было немного. В дивизии по-прежнему насчитывалось по 600–800 человек. На их фоне Тульский рабочий полк выглядел довольно внушительной силой. Правда, это было не регулярное соединение. Но первые же бои показали, что полк умеет драться не хуже регулярных армейских частей.

Судя по тону сводки, в штабе Брянского фронта в день атаки на город все было спокойно.

А возле Рогожинского поселка и у Косой Горы уже горели танки передовой ударной группы полковника Эбербаха. И солдаты из полка «Великая Германия» карабкались по грязи среди горящих машин, пытаясь найти укрытие под ливнем пуль со стороны позиций, занятых тульскими рабочими.

В этот день в обороне отличились также бойцы 154-й дивизии генерала Фоканова и 217-й дивизии полковника Шлегеля.

Из вечерней (на 20.00 час.) оперативной сводки штаба Брянского фронта 30 октября:

«1. Войска Брянского фронта на правом крыле вели бои на подступах к ТУЛА, на левом крыле отходили на рубеж ДМИТРОВО, РУССКИЙ БРОД, НОВ. ДЕРЕВНЯ, КРУТОЕ, СТАЛИНО, ЗЯБРЕВО, ВЫШНЕ-ДОЛГОЕ, НОВ. САВИНЫ, ЛИПОВСКОЕ, ТИМ.

2. 50 Армия с утра 30.10.41. вела бои на подступах у ТУЛА. О результатах боя и положении частей армии

сведений не поступило, кроме 41 кд, установлена в районе КАМЕНКА, 30 км сев. – зап. ЕФРЕМОВ.

217 сд сосредоточилась к утру 30.10 в р-не ТУЛА.

6 гсд вышла полностью в район ЕФРЕМОВ».

И в конце сводки: «На Ефремовский боевой участок вышла группа полковника ГРАЧЕВА, действовавшая в районе ВОЛХОВ. В ЕФРЕМОВ прибыло 900 человек, которые поступили на доукомплектование подразделений 278 сд» [28] .

Накануне авиаразведкой было установлено оживленное движение на всех шоссе и мало-мальски пригодных дорогах, ведущих в сторону Тулы. На дороге Плавск – Щёкино до тридцати танков, голова 7 километров севернее Плавска. На той же дороге автоколонна до ста единиц транспорта. На юго-западной окраине Алексина колонна до семидесяти пяти танков. На шоссе Чукино – Ефремов в направлении Теплового зафиксировано движение разведгрупп по два-три танка.

К Туле Гудериан стягивал все, что можно, что имел, что было на ходу и что можно было бросить в очередную атаку. Он понимал, что Тула – это не просто ключ от Москвы. Тула – это золотой ключ от Москвы, которым он не сегодня завтра сможет отпереть любой замок на пути к русской столице.

«Гейнц-ураган» перегруппировывал свои головные танковые и моторизованные части и снова бросал их в атаку. И с ужасом читал поступавшие с передовой донесения о том, что и эта атака отбита русскими, что на поле боя оставлено столько-то боевых машин...

Оперативная сводка, составленная к 18.00 31 октября 1941 года:

«Штарм 50.

Медвенская.

В течение дня противник неоднократно атаковал г. ТУЛА. В атаке одновременно участвовало до двух батальонов мотопехоты и 40–50 танков. Всего было введено в бой не менее мп и до ста танков. Все атаки противника отбиты, уничтожено 16 танков противника.

194 сд продолжает обороняться на рубеже: ПАВШИНО– БРЕДИХИНО, прикрывая ОБОЯНСКОЕ и МИХАЙЛОВСКОЕ направления. Перед фронтом сд противника нет.

Тульский боевой участок: Одоевское шоссе, исключительно МИХАЛКОВО.

58 сп (300 штыков, 1 50-мм миномет) обороняет МИХАЛКОВО.

156 сводный полк (820 человек, 10 пулеметов) обороняет фронт КИТАЕВКА, ПАРК (1 км южнее города), перехватывая Орловское шоссе.

154 сд (500 штыков, 4 122-мм орудия) и 260 сд (200 человек) обороняют рубеж по южной и по юго-восточной окраине ТУЛА от ПАРКА до реки УПА.

Мотострелковый батальон и 11 тбр (130 штыков) обороняет район БОЛЬШ. ВЕШКА.

258 сд (200 штыков) обороняет северную часть города на Московском шоссе.

51 местный батальон (120 человек) обороняет узел трех дорог и шоссе у совхоза «ПРИУПИНСКИЙ».

Рота 151 пап перехватывает Калужское шоссе у совхоза «ЯСНОЕ».

290 сд (600 штыков) – резерв, северная часть города.

Штаб Тульского боевого участка – Пролетарский район.

31 кд (395 человек, 40 орудия) занимает оборону:

111 кп – КРИВОЛУЧЬЕ, ГЛУХИЕ ПОЛЯНЫ.

114 и 116 кп сосредоточились МЫЗА.

30.10 в бою убит командир 31 кд полковник ПИЛЬНЕВ.

413 сд одним эшелоном выгрузилась в СТАЛИНОГОРСК и заняла оборону непосредственно у города.

32 тбр, выгрузившись не полностью, 30.10.41 принимала участие в бою. Имеет потери: КВ – 1, Т-34 – 3 танка. Ранен командир танкового полка.

За 30.10.41 уничтожен 31 танк.

9 гвардейский минометный полк в лесу – совхоз «Волынецкий». Полк 31.10 дал 2 залпа по противнику.

447 кап (9 орудий) на прежних позициях.

299 сд и 41 кд – данных не поступило» [29] .

О потерях немцев тульские хроники свидетельствуют довольно правдиво. Без преувеличений. Документы подтверждают, что авангард 2-й танковой армии Гудериана, возглавляемый командиром 5-й танковой бригады полковником Эбербахом [30] , во время первых лобовых атак на Тулу понес довольно

значительные потери. Которые, как известно, Германия уже не могла легко восполнять.

«Сводка потерь противника с 30.10.41 по 2.11.41», составленная разведотделом штаба Брянского фронта, свидетельствует о следующем:

«1. 30.10.41. нашей авиацией по дороге ОПТУХА–МЦЕНСК и в р-не ГОРБАЧЁВО – ПЛАВСК уничтожено 67 автомашин, из них 20 с людьми, 18 автобусов, одна зенитная установка, 4 танка и до 580 солдат и офицеров.

На аэродроме ОПТУХА уничтожено на земле 3 самолета и в воздушном бою сбит один самолет. Выведено из строя 5 самолетов пр-ка.

2. 30.10.41 нашими частями под ТУЛОЙ уничтожено 30 танков противника.

3. 31.10.41 нашими наземными частями под ТУЛОЙ уничтожено 16 танков пр-ка.

Нашей авиацией в течение 31.10.41 в р-не ДОМНИНО уничтожено 4 автодрезины и до 100 солдат и офицеров. В р-не ПЛАВСК, ЧЕРНЬ, ст. ГОРБАЧЁВО уничтожено 39 автомашин, 15 танков, 3 автодрезины, сбит один самолет «Ме-109» и убито до 350 солдат и офицеров.

4. 1.11.41 нашей авиацией на дороге ПЛАВСК – ТУЛА уничтожено 4 автомашины с людьми. В р-не ТУЛА, КОСАЯ ГОРА, ПЛАВСК уничтожено 40 автомашин с людьми, 15 мотоциклов с мотоциклистами, 1 танк, 2 бронемшины и, кроме того, 60 солдат и офицеров.

Нашими наземными частями под ТУЛОЙ уничтожено 6 танков, одна бронемшина, 26 автомашин, 6 самолетов пр-ка, сбитых зенитной артиллерией.

Нашей авиацией в р-не ТУЛА уничтожено 9 танков, 98 автомашин с людьми и грузом, одна зенитная точка,

3 автоцистерны и до 300 солдат и офицеров. В воздушном бою сбит один самолет «Me-109». Нашей авиацией на ж. д. ОРЕЛ-КУРСК (между ст. ГЛАЗУНОВКА и ст. ЗОЛОТУХИНО) разбит бронепоезд пр-ка, который прикрывал восстановительные работы ж. д. пути, проводимые пленными красноармейцами; при атаке авиации немцы разбежались, воспользовавшись этим, разбежались 60 красноармейцев.

5. 2.11.41 нашей авиацией на ст. ОПТУХА разбит эшелон немцев, уничтожено несколько вагонов с боеприпасами и две ж/д цистерны с горючим. В р-не ЯСНАЯ ПОЛЯНА– ЩЁКИНО-ЧУКИНО и по дороге КОСАЯ ГОРА-ГЛАДКОЕ нашей авиацией уничтожено 5 автоцистерн, 5 танков, 12 автомашин и эшелон с боеприпасами – 25 вагонов, 4 зенитные точки и до 200 солдат и офицеров.

По дороге ЧУКИНО-ТЁПЛОЕ и в р-нах ЛАЗАРЕВО, ЖИТОВО нашей авиацией уничтожено 8 танков, 25 автомашин, 6 автоцистерн, 10 зенитных точек, 3 бронемашины, 6 ж. д. цистерн с горючим и 200–250 солдат и офицеров» [31] .

В Подольском архиве удалось обнаружить и еще одну сводку потерь противника, подписанную начальником разведотдела штаба Брянского фронта подполковником Кочетковым. Она охватывает период с 4 по 8 ноября 1941 года:

«1. Нашими наземными войсками уничтожено:

4.11.41 в районе ДЕДИЛОВО 5 танков пр-ка; в районе МАСЛОВО – 2 танка, 30 солдат пр-ка; в районе пос. РОГОЖИНСКИЙ – 3 танка пр-ка.

5.11.41 в районе ДЕДИЛОВО – 8 танков и до 400 солдат и офицеров пр-ка.

6.11.41 в районе НИЖ. КИТАЕВКА – 8 танков пр-ка;

7.11.41 в районе АЛЕКСЕЕВКА, РЖАВА – до бат. пехоты пр-ка.

8.11.41 в районе ПИРОГОВО (вост. ПЛАВСК) до 500 солдат и офицеров.

2. Нашей авиацией бомбометанием и штурмовыми действиями уничтожено:

4.11.41 в районах: ТУЛА, КОСАЯ ГОРА, ЯСНАЯ ПОЛЯНА, ЧЕРНЬ, МЦЕНСК – 60 автомашин, 2 зенитные точки, до взвода пехоты, на земле один самолет «Ме-109», один истребитель неустановленного типа и в воздушном бою сбит один самолет «Ю-88» и три самолета «Ме-109».

5.11.41 в районах: АФОНАСЬЕВО, ПАВШИНО, ТИТОВО, КОСАЯ ГОРА, ПЛАВСК, КРАПИВНА – 16 автомашин с людьми и в воздушном бою сбит один самолет «ХШ-126». В районе ПАНИНО, ОСЛАНОВО, КРУТОЕ, ЗУБРОВКА – 20 специальных автомашин, 35 автомашин с грузом, до 100 солдат и офицеров, 1 самолет «Хе-113», 1 самолет «ХШ-126» и 1 самолет «Ме-109».

6.11.41 в районе ОРЁЛ, ст. МОХОВАЯ, ст. ЗОЛОТАРЁВО – 4 автомашины и до 20 солдат. На аэродроме ОРЁЛ – 6 самолетов неустановленного типа и 2 автомашины с летным составом.

7.11.41 в районе ЧЕРНЬ убито 16 солдат и офицеров.

8.11.41 по дороге МЦЕНСК – ЧЕРНЬ – 68 автомашин с людьми, 12 цистерн с горючим, 80 мотоциклистов, до взвода пехоты и 1 самолет неустановленного типа» [32] .

Список побед внушительен. Летчики конечно же присвистывали, составляя свои донесения. Поди проверь их работу – за десятки-то километров в немецком тылу. Хотя, как известно, проверялось и это – агентурной разведкой, партизанами, авиаразведкой.

Бомбила наша авиация и Ясную Поляну. Понять это можно. Надо было остановить Гудериана. Выжечь его танки. Шла война.

Впрочем, неизвестно, упала ли хоть одна бомба из наших самолетов на территории усадьбы Льва Николаевича Толстого.

Немцы же нанесли музею-усадьбе огромный урон. Удивительное дело, солдаты вермахта шли в Россию под флагом борьбы с большевизмом, а кинулись в конце концов истреблять русский народ, уничтожать его культуру, глумиться над святынями. Хотя конечно же можно привести много примеров, свидетельствующих о том, как тот или иной немецкий офицер помогал бедствующим русским, угощал детей шоколадом, запрещал своим мародерствующим подчиненным уводить со двора последнюю корову-кормилицу. Отдельные случаи проявления человечности и сострадания не отменяют систему, которая пришла в СССР с немецкими танками.

В усадьбе Л.Н. Толстого немцы устроили не только казарму, но и госпиталь. И хоронили умерших от ран тут

же, неподалеку от могилы писателя. После освобождения кладбище перенесли в Тулу на немецкий участок.

К счастью, тогдашний директор музея Л.Н. Толстого внука писателя Софья Андреевна Толстая-Есенина накануне оккупации смогла добиться эвакуации экспонатов. Эвакуацией занимался хранитель яснополянских фондов С.И. Щёголев. Почти все ценное было вывезено в Томск. Правда, многое все же осталось в усадьбе.

И во время сорокасемидневной оккупации многое из оставшегося пропало и было утрачено. Немцы утащили седло, принадлежавшее Л.Н. Толстому, часы, некоторые другие предметы. Офицеры пытались развести в главном доме костер и едва не устроили пожар. потушил его С.И. Щёголев и прибежавшие на пожар местные жители. Варварское отношение к святыне, принадлежащей всему человечеству, можно теперь комментировать на любой манер. Но, говорят, солдаты германской армии, жившие в Ясной Поляне, даже не знали, кому принадлежал здешний дом и в чей музей они вошли квартировать и ломать паркет для печей. Они подозревали, что владельцем усадьбы был какой-то влиятельный коммунист...

На шестой день, оголодавшие и измученные скитаниями по лесам и болотам, они вышли на большак, по которому двигался на восток санитарный обоз одной из дивизий 50-й армии. Отяпов оглянулся на позицию зенитчиков. Расчет уже замер у орудия, изготовившись к стрельбе прямой наводкой.

Глава 5 Бой, который решил судьбу Тулы

Уходила ли 50-я армия из Тулы накануне решающего боя? Первый секретарь обкома Жаворонков и командующий армией генерал Ермаков. Из рассказов бывшего бойца зенитной батареи. История об утонувшем в цистерне со спиртом. 238-я стрелковая дивизия полковника Короткова. Наши офицеры не хуже немецких. Оборона южного участка г. Тулы. Снова майор Кравченко. Эбербах атаковал, и снова атаковал, и снова... Немецкие потери во время штурма Тулы с 29 октября по 1 ноября. Московские газеты сообщили о победе. Подвиг лейтенанта Волнянского и политрука Сизова. Снова – майор Кравченко. Пистолет-пулемет Коровина – основное оружие Тульского рабочего полка.

Больше полутора месяцев длилась осада Тулы. Бои то затихали на день-другой, когда немцы решались атаковать севернее или южнее, пытаясь обойти город, блокировать его, чтобы дожать в полной изоляции, то вспыхивали с прежней яростью. На фотографиях, где запечатлены бойцы Тульского рабочего полка, оружие довольно разнообразное: самозарядные винтовки СВТ, пистолет-пулемет Шпагина, винтовки системы Мосина. Коровинского автомата нет ни на одном снимке. Возможно, фотографироваться с «новым» автоматом нельзя было из соображений секретности. Хотя, можно предположить, немцы в тех боях наверняка захватили образцы этого оружия. И какой-нибудь ганс получил Железный крест за такой трофей...

Генерал Болдин в своих мемуарах не раз упоминает о том, что в цехах оружейных заводов продолжалась работа и что выпущенное оружие тут же поступало на передовую. Можно предположить, что в основном это были именно пистолеты-пулеметы Коровина.

Коровинское изобретение весьма напоминало немецкий РМ38/40, который у нас принято называть «Шмайссером». В конце войны в войсках появится пистолет-пулемет Судаева. Так вот он – брат-близнец коровинского автомата.

Сергей Александрович Коровин создал свой пистолет-пулемет еще до войны. Но в войска поступали пистолеты-пулеметы конструкторов Шпагина и Дегтярева. Коровинский в производство не пошел.

Но в октябре 41-го налаживать срочное производство этого оружия на тульских заводах заставили чрезвычайные обстоятельства. Какое количество автоматов системы Коровина было произведено и передано войскам осенью и зимой 41-го года, неизвестно. Тульские исследователи говорят о нескольких сотнях. Сохранилось же всего несколько образцов. Однако известно, что он поставлялся в Тульский рабочий полк до весны 42-го, когда туляки уже дрались на реке Угре под Юхновом. К тому времени полк получил общевойсковой номер и был вооружен по существующим штатам: винтовками системы Мосина, автоматами ППШ, пулеметами Дегтярева и «Максимами».

Вес автомата системы Коровина – 3,52 килограмма. Калибр – 7,62. Патрон – ТТ (тот же, что для ППД и ППШ). Емкость рожка – 35 патронов. Длина ствола – 270 миллиметров. Прицельная дальность стрельбы – 200 метров. Темп стрельбы – 470 выстрелов в минуту.

Стрелять из пистолета-пулемета можно было только очередями, с открытого затвора. При невысоком темпе стрельбы расход патронов был небольшим, что немаловажно в бою.

Тульский рабочий полк был единственным подразделением, вооруженным этим редким автоматом периода Второй мировой войны.

Гул разрастался, захватывал все пространство перед ополченцами, артиллеристами и бойцами группы Отяпова, проникал через шинельное сукно и холодил тело. Есть хотелось. Но еще сильнее хотелось спать. Отяпову казалось, что они не спали несколько ночей.

Глава 6 Гудериан меняет тактику

2-я танковая армия наступает на Каширском направлении. Ставка бросает резервную дивизию полковника Мартиросяна. Дивизия окружена. Фон Бок: «Русские стали наступать...» Гудериан: «Причиной прорыва является превосходство сил противника...» Отстранение генерала Ермакова – суд, приговор-помилование. Новый командующий – генерал Болдин.

Упорство Тулы и остановка в районе Каширы.

Да, положение Гудериана было незавидным. И тем не менее его передовые части продолжали наступать. Теперь уже в обход Тулы с юго-востока и востока в общем направлении на Дедилов, Сталиногорск, Венёв и Каширу. Гудериан и его солдаты грезил Москвой, хотя прекрасно понимали, что, возможно, зимовать придется в подмосковных полях. Новое направление обещало прорыв советского фронта на менее защищенном участке и окружение 50-й и части войск 49-й армии в районе Тулы, Алексина, Серпухова. План был грандиозным. Но и ему не суждено было сбыться. 24 ноября 17-я танковая дивизия полковника Лихта, не сумев взять город в лоб, обошла его с востока и создала угрозу окружения оборонявшихся здесь подразделений 50-й армии. Наши войска покинули город, обжитые позиции на его окраинах и отошли в северном направлении.

Из дневника фон Бока: Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными».

Переброшенные из-под Серпухова танковая дивизия и кавалерийский корпус окончательно переломили ситуацию на этом участке фронта. Тула накапливала силы для предстоящего контрнаступления.

Из дневника Нины Михайловны Яковлевой: **31 декабря** слушали по радио сообщение об освобождении Калуги. По талонам выдавали топливо: мешок угля и несколько поленьев».

Об освобождении Калуги мы расскажем в последующих главах.

О том, что он ранен, Отяпов узнал через несколько часов после того, как его ослепила вспышка разорвавшейся на бруствере мины. – Где ж таких только взяли...

Глава 7 Декабрь – месяц жаркий

Туляки – народ особенный. Соотношение сил перед декабрьским контрнаступлением. Главное направление удара – Калуга. Группа генерала Попова. Гальдер обеспокоен событиями в районе Тулы. Противник производит перегруппировку под защитой опорных пунктов. Сосед справа – 49-я армия – стремительно пошла вперед.

Что ни говори, а туляки – народ особенный. Отстояли свой город. А потом пошли выручать соседей. Впрочем, Калуга тогда была районным центром Калужского района. Правофланговая 49-я армия генерала Захаркина пошла вперед еще 14 декабря. Ее дивизии начали кромсать немецкий фронт в районе Алексина в непосредственной близости к Туле на Калужском направлении. А затем, двумя днями позже, другая ударная группировка прорвала фронт в районе Тарусы [40], захватила этот городок на Оке и пошла вперед, к Недельному, с целью перехватить Старую Калужскую дорогу и создать трудности для эвакуации высокиничской группировки немцев, одновременно угрожая блокадой с северо-востока и востока самой Калуге. Таким образом, создалась ситуация, в которой калужская группировка противника почувствовала свою неустойчивость и уязвимость сразу с нескольких направлений.

Отяпову жилось хорошо. «Слава богу, – думал он, глядя в свежий потолок, видать недавно покрашенный известью, – хоть отдохну под крышей, в тепле, на чистой койке». Не стреляют, ни осколков тебе над головой, ни

пуль, ни ветра, ни холода. Командиры не матерятся. Их тут просто нет. Говорят, их, командиров, лечат в другой палате. Вот и хорошо, от них тоже отдохнуть надобно – надоели. Врачи и медсестры спокойные, обходительные. Сосед Отяпову тоже попался хороший. Отяпов давно, еще когда брели лесами к Туле, заметил, что на людей ему на войне везет. Народ и соседом в окоп, и на марше, и так, когда драпали по лесам, и на отдыхе попадался хороший, покладистый, не особенно хитрый – так чтобы на чужом горбу покататься, – уважительный и в бою стойкий. Не сказать чтобы уж очень храбрый, но надежный, в беде не бросали. Героев на фронте он пока не встречал. Разве что зенитчики. Ловко пожгли танки. Хорошо стреляли. И держались стойко. Порой совсем их снарядами засыпало, а глядишь, опять стреляют. Ну разве не герои? – Дадут, Кузьма. Конечно, дадут. Ты парень ходовой, знающий. – Отяпов задумался. – Это мне винтовка всегда найдется. Хоть из склада, хоть из-под снега...

Глава 8 За линией фронта: Калуга, Лихвин, Козельские леса

Что происходило за линией фронта. «Новый порядок». Рассекреченные документы УФСБ по Калужской области свидетельствуют. Гауптман Власов и его военная одиссея. Полицаи и служащие при новой власти. Городская управа. Земская управа. Совецание хозяйственного актива в Калуге. Когда актеры надевают повязки. Приказы немецкого коменданта. Комендантский час. Лагерь для военнопленных красноармейцев. Еврейское гетто. Развлечения. Организованного сопротивления в Калуге не было. Действия местных патриотов. Какие деньги имели свободное хождение в городе. Странный самолет над городом.

Разведчица-маршрутница Ася: что она увидела в оккупированной Калуге и на дорогах. Другая сторона предательства. Партизанский отряд «Передовой». В козельских лесах. Подвиг начальника штаба Е.И. Осипенко. Конники полковника П.С. Осликовского атакуют Козельск. Подвиг Саши Чекалина.

Тем временем на оккупированной территории немецкие власти продолжали устанавливать «новый порядок». Им активно, не за страх, а за совесть, порой не щадя живота служили люди, которым советская власть и большевики были ненавистны с самого начала, с 20-х годов. Полицейский аппарат насчитывал 355 человек, включая районную участковую полицию (11 земских участков). Полицейские были набраны из числа пленных

красноармейцев, изъявивших желание помогать германским оккупационным властям в наведении «нового порядка», и местных жителей. В основном в полицию шли люди с прошлым, обиженные советской властью, бывшие офицеры царской армии и Временного правительства, раскулаченные, уголовники, авантюристы и те, кто всегда готов поддержать любую власть, лишь бы что-то урвать от нее для личного блага, а заодно поквитаться с личными же врагами.

В ноябре 1941 года вспомогательная полиция Калуги имела четыре отдела: секретно-политический отдел (СПО), административно-хозяйственный отдел (АХО), уголовно-сыскной отдел (УСО), отдел городской полиции.

Начальником секретно-политического отдела стал Сергей Борисович Леульт, до войны успешно игравший в Калужском драматическом театре. Секретарем отдела была назначена его жена Стрижевская. С.Б. Леульт был тоже человек с прошлым – отбывал лагерный срок за контрреволюционную деятельность. Отдел, которым руководил Леульт, занимался «выявлением лиц, враждебно настроенных к немецкой армии, распространяющих большевистскую пропаганду, вел дела по преступлениям, имеющим политический характер. Шпионы, диверсанты, партизаны, подпольщики. Работу СПО во многом направлял и корректировал гауптман Власов. Именно сюда, в секретно-политический отдел, шли люди, искренне ненавидевшие советскую власть и желающие положить жизнь на борьбу с ней. Сюда стекалась информация о бывших партийных и советских работниках, которые для Власова тоже были перспективным материалом для вербовки и получения нужных сведений.

Почти весь отдел в декабре 1941 года ушел из Калуги с немцами. Следы некоторых из полицаев и агентов немецкой разведки, завербованных гауптманом Власовым, весной 1942 года проявились под Юхновом и в районе Климова Завода, где были истреблены последние группы окруженной под Вязьмой 33-й армии. Но затем они исчезли.

Как вспоминают старожилы, особенно свирепствовал в городе начальник уголовно-сыскного отдела полиции Н.Н. Дмитриев. Родился он в 1902 году в Екатеринбурге в семье крупного губернского чиновника. В 1920 году окончил среднюю школу и драматическую студию при Казанском Большом драматическом театре. В 1921 году поступил на работу в городской театр Екатеринбурга на должность помощника режиссера. Позже в этом же театре работал артистом драмы. Затем сменил несколько театров и в начале июня 1941 года перебрался в Калугу и сразу же устроился в городской драматический театр. Когда пришли немцы, из театра ушел в полицию и получил должность следователя УСО.

После ухода немцев из Калуги остался в городе. Сотрудники особого отдела НКВД 50-й армии арестовали Н.Н. Дмитриева 10 января 1942 года. Военным трибуналом приговорен к высшей мере. Расстрелян 30 мая 1942 года.

В полиции и среди новой прогерманской бюрократии старого русского города оказалось очень много артистов. Очевидно, профессия все же имела какое-то решающее значение: легче было принять другой образ, освоить иную роль и даже сделать ее своей сущностью. К примеру, для попавших в концлагерь для военнопленных мотивы согласия служить германской армии были конечно же иными.

Околоточным надзирателем служил бывший артист колхозно-совхозного театра Калуги В.А. Головкин. Арестован. Осужден. Расстрелян.

Инспектором городского отдела полиции был бывший артист цирка Р.Н. Борский. Арестован. Осужден. Расстрелян.

Начальником полиции был тоже бывший актер Калужского драмтеатра Сергей Борисович Леульт. Судьба его неизвестна. Из Калуги он ушел с отступающими немецкими войсками.

Следователь СПО Косинов – тоже бывший артист Калужского драмтеатра.

О Дмитриеве бывший начальник Калужской земской управы вспоминал следующее: «Свиристествовал и расправой отличался начальник сыскного уголовного отдела, который, как говорили в управе и в полиции, разъезжал и творил расправы и в городе, и в районе с каким-то русским белым офицером эмигрантом, видимо работником гестапо, так как Леульт мне говорил, что все его боятся...»

Видимо, речь шла о гауптмане Власове.

Но реальная власть в Калуге принадлежала все же немецкой комендатуре. Комендантом вначале был майор Фибих, потом, когда Фибих убыл на передовую, – майор Потациус. Немцы распоряжались всем и всеми. Приказы, издаваемые военным комендантом, должны были строго исполняться всеми, без исключения, гражданами города. Уклонение, саботаж, а тем более противодействие, в какой бы форме оно ни выражалось, каралось по законам военного времени – смертью.

Вот текст одного из приказов коменданта г. Калуги:

«ПРИКАЗ ГЕРМАНСКОЙ КОМЕНДАТУРЫ «О назначении на работы и о порядке производства работ в военных и гражданских учреждениях»

Граждане города Калуги ленивы и работают плохо.
Местный Комендант» [45].

В Калуге был установлен комендантский час: хождение по городу и окрестностям – с 8.00 до 22.00. Вне комендантского часа хождение разрешалось только по специальным пропускам и при условии знания пароля. Всех остальных задерживали патрули и препровождали в комендатуру до выяснения личности. Документ действительно редчайший, поэтому привожу его целиком.

«7 ноября 1941 г. «АСЯ» [50].

Судя по всему, Ася не раз бывала в Калуге. Некоторые места она называет так, как называл бы их только человек, хорошо знакомый с городом. Очевидно и другое: многие сведения ей переданы кем-то, с кем она имела встречу и у кого, по всей вероятности, ночевала. К примеру, информацию о пяти самолетах, находящихся на аэродроме, скорее всего в Грабцеве (район, прилегающий к городу), она могла заполучить от «приятельницы». То же относится и к информации о грузовиках, стоявших на приколе «без движения» все дни «после занятия Калуги противником». В архивах ФСБ и Минобороны других документов подобного характера и содержания не обнаружено. Из чего можно сделать вывод, что разведчики, оставленные в Калуге, не отличались активностью. Возможно, побаиваясь ведомства гауптмана Власова и местной полиции. Из дневника командира отряда сержанта госбезопасности Д.Т. Тетерчева: «30 октября. По сообщению разведки, противник усиленно перебрасывает свои части к Туле. Фашисты натягивают полевую связь, проводят ремонт железной дороги. Мы в течение суток парализовали железнодорожную ветку Козельск – Шепелёво – Мышбор. Доставленный немцами груз на Мышбор – 2 вагона спецсвязи – нами полностью сожжен. Немецкая

охрана и обслуживающий персонал бежали. Мы по-хозяйски зашли на железнодорожную станцию и стали встречать поезда. Митькин, специалист-телеграфист, сказал: «Необходимо уничтожить телеграфную связь в здании, и немцам потом ремонт обойдется в несколько месяцев...» Оставшийся на станции паровоз мы взорвали...»

27 ноября 1941 года отряд «Передовой» ворвался на железнодорожную станцию Шепелёво на перегоне Козельск– Лихвин. Здесь, в пристанционных постройках, находились склады военного имущества, вдоль путей лежали штабеля леса, предназначенного для ремонта путей. Штабеля облили бензином и подожгли. Запылали и склады с армейским имуществом.

24 декабря отряд Тетерчева провел еще более дерзкую операцию. На этот раз на полустанке Мышбор. Немцы уже отступали. Оживилось движение их эшелонов по железной дороге. В Лихвине, который немцы продолжали удерживать, скопилось большое количество грузов. Появилась возможность отсечь пути отхода и вывоза тылов в сторону Козельска.

Ночью подобралась к железнодорожной насыпи, заложили под рельсы заряд. Взрывчатка должна была сдетонировать от противотанковой гранаты, закрепленной сверху. К чеке привязали шнур. Когда со стороны Лихвина показался первый эшелон, за конец шнура взялся начальник штаба отряда Осипенко. Состав приблизился к месту закладки взрывчатки. Рывок и – тишина... Граната не взорвалась. Вагоны один за другим проносились мимо. Эшелон уходил в сторону Козельска.

Осипенко приказал партизанам отойти к лесу, а сам побежал к насыпи. В это время по просеке шел второй состав. Осипенко выломал шест и со всей силы ударил им по тому месту, где лежала граната.

После взрыва товарищи несли на базу своего начштаба на руках. Осипенко был ранен, контужен и обожжен. Но жив. Вскоре бывший пограничник Ефим Ильич Осипенко за этот подвиг будет награжден орденом Ленина и медалью «Партизану Великой Отечественной

войны» 1-й степени за № 000001. Но зрение партизану № 1 врачи так и не смогут вернуть. Последнее, что в своей жизни видел Ефим Ильич, была вспышка заряда, заложенного под рельсы.

Взрыв и разрушение путей полностью парализовали движение составов на перегоне Лихвин – Козельск. Немцы так и не смогли восстановить железную дорогу, бросив на путях груженные составы. В Лихвине два эшелона, груженные техникой, автомашинами, мотоциклами, велосипедами, оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами, даже не вышли с запасных путей.

Когда несли в лес раненого начальника штаба, боевая группа получила новые разведданные: вдоль железной дороги от Черепети на Козельск движется пешая колонна немцев.

Партизаны перехватили их у станции Мышбор. Местный лесничий Бессонов провел отряд лесными тропами, известными только ему. Устроили засаду. Те, кому удалось избежать партизанской пули, сдались кавалеристам генерала Белова. К тому времени дивизии 1-го гвардейского кавкорпуса, действуя на левом крыле 50-й армии и правом 10-й, уже подходили к Козельску. В авангарде корпуса шла ударная группа полковника Н.С. Осликовского [51] в составе 2-й гвардейской и 75-й кавалерийской дивизий. Кавалеристы вначале атаковали Козельск в лоб, но были отбиты и начали охватывать город с трех сторон. Немцы, продержавшись в городе еще около суток, вынуждены были уступить напору дивизий полковника Осликовского. Бросая тяжелую технику и вооружение, они начали поспешный отход.

Надо заметить, что падение Козельска, как важного опорного пункта немцев, во многом предопределило судьбу Калуги. Но о калужской наступательной операции и штурме города мы расскажем подробно в следующей главе.

Партизаны Тетерчева яростно атаковали немецкую колонну. Пленных было мало. Мстили за погибших товарищей, за любимца отряда комсомольца Сашу Чекалина.

Отважного партизанского разведчика немцы повесили 6 ноября 1941 года на городской площади в Лихвине. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Родился Александр Павлович Чекалин в селе Песковатское под Лихвином. Успел окончить девятый класс Лихвинской средней школы. Когда началась война, добровольцем пошел в истребительный отряд, который впоследствии был переформирован в партизанский отряд «Передовой». Командир отряда Тетерчев назначил его на должность разведчика. Однако Саша участвовал почти во всех боевых операциях.

Однажды в конце октября партизаны устроили засаду на дороге из Перемышля в Лихвин. В засаду угодила колонна грузовиков с солдатами и различными армейскими грузами. Начался бой. Партизаны забросали гранатами грузовики, открыли огонь из автоматов и пулеметов. Немцы не успели понять, что произошло, когда были расстреляны в упор. Только один грузовик с солдатами успел проскочить между горящими машинами и рванулся по дороге в спасительное пространство, не простреливаемое партизанами. Наперехват ему бросился с противотанковой гранатой Саша Чекалин. Он догнал

машину на повороте и забросил гранату в кузов, под брезентовый тент.

В Лихвине действовала подпольная комсомольская группа. Саша держал с ней связь. Подпольщики добывали важные сведения о дислокации немецких частей, их передвижении, настроении гарнизона и прибывающих к фронту солдат. Саша передавал эти сведения в штаб отряда. Из отряда информация уходила через линию фронта в разведотдел 50-й армии.

В начале ноября, когда начались сильные холода, во время одной из операций Саша простудился и заболел. Тетерчев, видя, что сырая холодная землянка неподходящее место для лечения простуды, разрешил ему отлежаться где-нибудь в деревне, попить кипяченого молока, погреться на печи. Нашли место – дом в Мышборе, где находилась одна из явочных квартир. Но что-то произошло: то ли явка оказалась под подозрением у местных полицаев, то ли вовсе была провалена, но Саша в Мышбор не пошел. Пошел в свое родное Песковатское. В то время дом в Песковатском был пуст, выстужен. Мать с младшим сыном Витей пряталась в одной из глухих деревень. Отец ушел в партизанский отряд. Можно было пойти в дом к деду и бабушке. Те жили неподалеку. Но там были на постое немцы. Саша затопил печь. И это заметили полицейские.

Остается неясным, почему, когда стало очевидным, что жить ему ни в Мышборе, ни в Песковатском негде, он не вернулся в лес?

Совсем недавно были опубликованы материалы из рассекреченных архивов УФСБ по Тульской области. Среди них дело № 1804, заведенное 7 января 1942 года работниками Черепетского районного отдела УНКВД

Тульской области на местного каменщика Никифора Ивановича Авдюхина и столяра Алексея Васильевича Осипова. В деле собраны свидетельские показания жителей села Песковатского и города Лихвина, проливающие свет на историю ареста и казни Александра Павловича Чекалина, на то, кто его выдал немцам и как все происходило. В деле подшиты оба постановления на арест.

Постановление на арест Н.И. Авдюхина: «Проживая в деревне Песковатское Черепетского района Тульской области на момент ее временной оккупации немецкими войсками, предавал советский актив немецкому командованию, предал красного партизана Чекалина Александра Павловича, который впоследствии был повешен, разыскивал для передачи его мать Чекалину Н.С., помогал немецкой армии продуктами питания».

Мать Саши Чекалина, местная активистка колхозного движения, член партии, вынуждена была прятаться от расправы в лесной деревушке. Но, узнав об аресте сына, пришла в Лихвин. Ее тоже арестовали, но она, пользуясь сумятицей во время казни, смогла убежать и увести с собой младшего сына.

Постановление на арест А.В. Осипова: «Проживал в г. Лихвине в момент его оккупации немецкими войсками. Осипов ставленниками немецкого командования был назначен гарнцевым контролером по мельницам и гарнцевый сбор [52] сдавал немецкому командованию. Предавал коммунистов и советский актив немецкому командованию, способствовал розыску матери повешенного партизана Чекалина – Чекалиной Н.С. и также участвовал в повешении неизвестного партизана».

Каждая новая власть утверждает себя на крови и костях того народа, которым жаждет управлять. «Новый порядок» на немецких штыках пытались утвердить в наших городах и деревнях люди жестокие, для которых человеческая жизнь – прах под ногами. Затянуть петлю на шее своего односельчанина или выстрелить по приказу немецкого офицера в своего соотечественника, не пожелавшего спарывать с гимнастерки нашивки политрука, – левое дело. Более того, возможность выслужиться, шанс показать свою преданность и умение услужить.

Следователи НКВД досконально исследовали историю предательства, ареста и казни Саши Чекалина. И хотя белых пятен в ней до сих пор остается предостаточно, протоколы допросов и опросы свидетелей проясняют многое.

Из опроса свидетельницы Матрены Александровны Мельниковой: «Авдюхин был поставлен немецким командованием старостой села Песковатское. Выполнял указания немецких властей, собирал у населения продукты питания для немецкой армии. Лично отдавал приказание, чтобы я доставила немецким солдатам курицу и капусту. И я все отдала».

Когда немцы приказали выбрать старосту, жители Песковатского на своем сходе за Авдюхина не проголосовали. Выбрали другого человека. Но бывший каменщик, смекнув, что наступил его час – сейчас или уже никогда, – выпросил эту должность у немцев, поклявшись служить им верой и правдой. И клятву свою выполнял каждый день и час.

Из показаний свидетеля Николая Николаевича Бочкова: «Во время прихода немецкой армии в нашу

деревню Авдюхин был старостой и всеми своими действиями способствовал установлению немецко-фашистского режима, а также помогал продвижению немецких войск. С этой целью Авдюхин в начале декабря приказал десятникам собрать 60 кур для немецких солдат».

Из протокола допроса Н.И. Авдюхина:

«Вопрос. Вы принимали участие в аресте Чекалина?

Ответ. Да, я с тремя немецкими солдатами ходил к дому Чекалина для производства ареста. Немецкие солдаты посылали меня, чтобы я первым пролез в окно дома и задержал бы Чекалина. Но я, боясь, что Чекалин меня может застрелить, отказался влезть через окно в дом, а отошел к соседнему дому, стал около угла и стоял. Немецкие солдаты произвели несколько выстрелов. Чекалин выскочил из дома, пытался бежать, но немцы его поймали».

Когда немцы начали ломиться в дом и сбили дверь, Саша Чекалин бросил в дверной проем гранату. Но она не взорвалась.

В эти же дни в Мышборе немцы и полицаи повесили другого партизанского разведчика, Николая Авилова, а в Лихвине замучили и зверски убили друзей и однокашников Саши Чекалина Митю Клевцова и Гришу Штыкова. На допросах они встретились. Немцы проводили для них очную ставку. Ни очная ставка, ни пытки, ни обещания сохранить жизнь в обмен на информацию о месте нахождения партизанской базы не сломили волю юных патриотов. Они не назвали ни имен, ни адресов явок, ни места партизанской базы.

Сашу Чекалина вывели на площадь Лихвина 6 ноября 1941 года с фанерной табличкой на груди: «Конец одного партизана».

Немцы и полицаи согнали к месту казни весь город. Это была акция устрашения.

В Павловских лесах тем временем партизаны отряда «Передовой» напряженно ожидали штурма лагеря. Все понимали, что ребята могут не выдержать пыток. Но в окрестностях стояла тишина.

Немцы решили казнить одного. Понимали, что вешать сразу трех подростков – это для маленького городка, где основное население составляли женщины, дети и старики, перебор. Предварительно, через своих людей, распустили слух, что Митю Клевцова и Гришу Штыкова отправили с партией молодежи, собранной в районе в ходе облав, в Германию на работы. Правда, никто этому не поверил. После освобождения Лихвина и всего Черепетского района от оккупации, после ареста предателей Авдюхина, Осипова и других стала известна правда: трупы мальчишек нашли неподалеку от города прикопанными в земле. У обоих были огнестрельные раны в затылок.

Очевидцы казни Саши Чекалина рассказывали, что он шел в окружении немцев и полицаев к месту казни – старому дереву с ответвлением, через которое была перекинута веревка, и тихо плакал. Возможно, он до конца верил, что из леса придут его боевые товарищи, партизаны, и спасут его от смерти на виселице. Спасут его товарищей-однополчанников.

В газетах потом написали: пел «Интернационал», крикнул своим палачам: «Всех не перевешаете!»

Газетчикам нужен был герой с харизмой этакого партизанского орленка...

В сущности, Саша Чекалин и был таким. Храбрым до безрассудства. Дерзким. Безжалостным к врагам своей Родины. Верным идеалам, в которых был воспитан. А воспитан он был в коммунистических идеалах. Был настоящим комсомольцем. Такие за комсомольский билет отдавали жизнь. И победа под Москвой, и все последующие победы, в том числе и Великая, были достигнуты Красной армией и нашим народом во многом благодаря им, храбрым до безрассудства, Сашам, Гришам, Митям...

Газета «Правда» в те дни писала: «Никогда не забудем мы юного героя Александра Чекалина, мужественно принявшего смерть на фашистской дыбе, но не предавшего товарищей».

Он шел к виселице и тихо плакал...

Звание Героя Советского Союза Александру Павловичу Чекалину было присвоено посмертно 4 февраля 1942 года.

В 1944 году Лихвин переименован в город Чекалин.

В 1958 году в городе установлен памятник Саше Чекалину.

Лихвин был освобожден частями 413-й стрелковой дивизии генерала Терешкова 27 декабря 1941 года. В этот же день тело Саши Чекалина было наконец-то снято с веревки и похоронено здесь же, на площади.

Отец Саши Чекалина Павел Николаевич, вернувшись из леса, жил в Песковатском, рядом с музеем имени сына. Умер в 1987 году. Односельчане

рассказывают, что в день гибели Саши он всегда приходил на его могилу, выпивал за упокой, подолгу сидел в одиночестве рядом с надгробной пирамидкой...

Злодеи, которые погубили Сашу Чекалина и его товарищей, Авдюхин и Осипов, были приговорены к смертной казни и расстреляны по приговору суда в апреле 1942 года. Тела их зарыли на месте расстрела на окраине Лихвина на 3 метра в глубину.

Город Чекалин помнит своих героев. Помнит и Сашу Чекалина. В Песковатском существует музей юного героя, в городе Чекалине установлен памятник.

Он шел и тихо плакал...

Отяпов все время посматривал на артиллеристов. Вот чертовы дети, бранил он про себя сорокапятчиков, которыми командовали два молоденьких лейтенанта. Оба они копошились в снегу вместе с расчетами, что-то кричали ездовым. Но те, устав нахлестывать лошадей, которые совсем выбились из сил и дрожали облепленными снегом боками, командиров, похоже, не слышали. Командовал всей здешней артиллерией пожилой сержант. Невысокий ростом, коренастый, в белой каракулевой шапке, он подскакивал то к одной запряжке, то к другой, давал какое-нибудь короткое распоряжение или просто делал едва заметный жест, и расчет налегал на щит орудия или хватался за построжки, помогал лошадям осилить подъем. Оказывается, батальонная колонна меняла маршрут движения. Деревня им теперь была не нужна, ее они обходили стороной. Видимо, разведка нашла другую дорогу, более пригодную.

Глава 9 Калужский поход генерала Попова

Гудериан отходит, бросая технику и вооружение. Тень армии Наполеона. В Рославле приказали: держаться по рубежу реки Оки. Генерал Попов и его ударная группа. Сосредоточение. Поход. Погода. Сводки. Зеленый Крупец и Салтыковка. Кто прикрывал фланги ударной группировки. Ночной бой в Больших Козлах Танки 112-й танковой дивизии. Вспоминает бывший стрелок-радист Т-26. Бой с немецкими артиллеристами. Горящие «Валентайны» и яростный КВ. Налет немецкой авиации на танковую колонну у Оки. Прорыв в город. Плацдарм на юго-востоке. Окружение. Бои в окружении. Пехотинцы, кавалеристы и танкисты. Вспоминает Н.И. Алексеев. Дивизии идут на выручку. Правый берег очищен. Бои за Калугу смещаются к центру и западу. Дивизии генерала Болдина сдавливают калужскую группировку противника в полукольце. Жуков: «Дело с окончательной очисткой гор. Калуга от противника недопустимо затянулось...» Зачистка города. Велосипед для девочки. Воспоминания хирурга Н.М. Амосова.

Разбитая под Тулой и Сталиногорском 2-я танковая армия Гудериана отходила в юго-западном направлении, из последних сил стараясь задержаться на промежуточных рубежах в заблаговременно подготовленных для обороны районах. Генерал Гудериан прекрасно понимал, что произойдет, если русские усилят нажим и его корпуса и дивизии побегут. Пока они отходили. Иногда бросая технику и тяжелое вооружение. Иногда неся большие потери в людях. Но все же

катастрофы еще не было. Армия отходила. Однако такое его солдаты и офицеры переживали впервые. И вереницы бредущих среди сугробов солдат, обмотанных в женские шали, копыта павших лошадей, торчащие из снега, разбитые повозки на обочинах – все это напоминало очень знакомые образы из истории. Давней, наполовину забытой, но происходившей именно здесь. Поход Наполеона в Россию заканчивался точно такими же картинами. Зима, лютые метели, бескрайние снега и брошенное снаряжение вдоль дорог, забитых бредущими на восток солдатами. Тогда главной целью тоже была Москва. Наполеон дошел до столицы русских. А они не смогли сделать даже этого, что еще вчера казалось более чем реальным, достижимым в самые ближайшие недели, сутки, дни... Россия... Проклятая страна... И потому попытаемся исследовать эпопею калужского рейда трех дивизий с усилением под командованием генерал-майора Василия Степановича Попова более подробно.

Итак, ударную группу 50-й армии, которая глубоким рейдом на узком участке прорыва должна была кратчайшим путем достигнуть Калуги и ударом с юга захватить ее, возглавил генерал-лейтенант Василий Степанович Попов, донской казак из бывших учителей-семинаристов и царских прапорщиков, человек образованный, расчетливый и исключительно храбрый. Ночи стояли морозные. Небо ясное. Полная луна. Звезды яркие. Лед на реке как стеклышко. Промерзшие валенки скользят. А нужно бежать и бежать без остановки! Особенно тяжело было бежать с грузом на плечах. Трассирующие пули визжат, осыпают ледяным крошевом. Льдинки светятся вместе с пулями. Бежишь, а над тобой вдруг вспыхивает огромный разноцветный веер. Забавно,

наверное, было смотреть на эту картину немецким пулеметчикам.

Не дай бог упасть. Тут же и подберут прицельной очередью. Бежишь, летишь как на крыльях, и груза на плечах не чувствуешь. Трассирующие пули вокруг, и ты уже не понимаешь, живой ты еще или уже летишь куда-то и пули тебе нипочем...

Прибежишь, мешок с сухарями ребятам отдашь и тут же – в окоп, в бой.

Бой на нашем плацдарме шел почти непрерывный. И днем и ночью. Особенно страшными были ночные атаки немцев».

Из оперативной сводки штаба Западного фронта к 20.00 24.12.1941:

«Температура 9—12 холода. Местами слабый снегопад. Ветер сев. – зап. до 4 м/сек.

Группа Попова, занимая центр и юго-вост. часть города, в течение дня продолжала вести уличные бои в гор. КАЛУГА.

Сведений о результатах боя не поступило.

Потери за 24.12.41: убито и ранено – 260 человек.

За 22.12.41 в районе КАЛУГА уничтожено до 500 немцев, солдат и офицеров. Сбито 3 самолета противника» [65] .

Положение сражавшихся на плацдарме с каждым днем становилось все более тяжелым. И тут на помощь бойцам пришли жители города. Они начали выносить с улиц раненых, прятать в своих домах, в подвалах, в убежищах. Перевязывали их, кормили, выхаживали.

Подростки ночами ходили за Оку. На фанерной фабрике хранились штабеля фанеры. Из листов фанеры делали волокуши. Прodelьвали две дыры, привязывали

веревку, впрягались в эти волокуши и бегом тащили на правый берег очередного раненого. На берегу их ждали санитарные повозки. Санитары быстро переключивали доставленного с плацдарма раненого в сани и везли в госпиталь, развернутый в Больших Козлах. Назад, на тех же волокушах, калужские ребята тащили боеприпасы и продукты питания.

25 декабря к городу наконец удалось пробиться 258-й стрелковой дивизии генерала Сиязова. А 437-й стрелковый полк 154-й дивизии выбил противника из деревень на правом берегу Оки. По льду на плацдарм были переправлены орудия и минометы. Положение группы полковника Краснопивцева несколько улучшилось. Кольцо было разорвано. Через Оку пошло снабжение и пополнение.

В тот же день в штаб Западного фронта из штаба 50-й армии ушла следующая радиограмма:

«В течение дня 25 декабря продолжала преследовать отходящего противника и вела бой за КАЛУГА, противник продолжает упорно оборонять северную и северо-западную часть г. КАЛУГА, отходя на остальных участках фронта армии. Особую активность проявляет авиация противника по нашим войскам и населенным пунктам.

Армия к исходу дня вышла:

340-я стрелковая дивизия, преодолевая сопротивление до двух пехотных полков противника, вышла на рубеж: лес (2 км восточнее НЕКРАСОВО), НОВАЯ ДЕРЕВНЯ, БОЛДАСОВКА, БУКАНОВО, имея задачей выйти на северную окраину КАЛУГА, уничтожая противника в этом районе.

290-я стрелковая дивизия к исходу дня овладела ПУШКИНО, продолжает выход на пути отхода 137-й и 131-й пехотных дивизий противника в районе ТУРЫНИНО.

Подвижная группа Попова в течение дня ведет упорный бой за КАЛУГА, занимая центр, восточную и южную части города, противник упорно удерживает северную и западную часть города.

258-я стрелковая дивизия одним хозяйством ведет бой за МАКАРОВО, двумя хозяйствами занимает РОМОДАНОВО, санаторий, восточную опушку леса (2 км северо-западнее КАЛУГА), АННЕНКИ и частью ведет бой за ЖЕЛЫБИНО, задача – отрезать пути отхода противника на запад и северо-запад.

217-я стрелковая дивизия, занимая переправы на р. ОКА на участке НИЖНЯЯ ВЫРКА, ПЕРЕМЫШЛЬ, в течение 24 декабря вела бой и заняла ПЕРЕМЫШЛЬ.

413-я стрелковая дивизия, занимая рубеж БУКРЕЕВО, ЛИХВИН, окружила двумя полками ЛИХВИН и ведет уличный бой.

Резерв – 32-я танковая бригада и Рабочий полк – сосредоточены в ХАНИНО.

Весьма успешно в течение дня действовали: 217-я, 258-я, 413-я стрелковые дивизии.

Недостатки: наша авиация, по донесениям частей, их действия не прикрывала. Авиация противника действовала активно, нанося поражения нашим войскам. Разрушенность постоянных линий связи, изношенность и недостаток радиостанций в войсках создает исключительную трудность в управлении войсками. Разрушенность дорог и основных коммуникаций

отходившими немецкими войсками создает большие трудности в питании войск» [66] .

Радиограмму в штаб Жукова передал начальник штаба

50-й армии полковник Аргунов. В донесении дана полная картина боев за Калугу и в окрестностях. К 25 декабря командующий 50-й армией вывел свои дивизии к Калуге и начал охватывать город, превращенный немцами в швер-пункт [67] на этом участке подмосковного фронта, и войска начали очищать от противника правый берег Оки, освободили перехваченные несколько дней назад тыловые коммуникации ударной группы, начали переправляться на плацдарм и сразу же приступили к его расширению в сторону центра города и вокзала на северо-западе.

Из оперативной сводки штаба Западного фронта к 8.00 27.12.1941: «В КАЛУГА идет бой за овладение сев. – зап. окр. Гарнизон противника в ЛИХВИН продолжает сопротивляться» [68] .

Следующая сводка, подписанная заместителем начальника штаба Западного фронта комбригом Голушкевичем:

«50 А. в течение второй половины дня 29.12.41 своим правым флангом медленно продвигалась на запад, одновременно вела упорный бой за овладение г. КАЛУГА. На левом фланге продолжала наступление, ведя бой на рубежах:

290 сд к 20.00 29.12.41. вела бой за ГРАБЦЕВО, КУКАРЕКИ, одним СП обойдя БУШМАНОВКА с юга, вела бой на сев. – вост. окраине г. КАЛУГА.

154 сд с полком тульских рабочих, 31 кд, 112 тд продолжали вести бой в г. КАЛУГА, медленно продвигаясь вперед.

258 сд на южн. берегу р. ОКА к исходу дня 29.12.41 вела бой за РОМОДАНОВО, ЖЕЛЫБИНО.

413 сд с одним полком 217 сд к 13.00 29.12.41 овладела ВОРОТЫНСК, СЛОБОДКА, КУЛЕШОВКА и вела бой за пос. и ст. ВОРОТЫНСК. Контратака противника от СТОЛПОВА на ВОРОТЫНСК отбита.

217 сд одним СП к исходу дня 27.12.41 овладела БАБЫНИНО, захватила при этом трофеи, которые подсчитываются.

32 тбр – резерв командарма, сосредоточена в районе РОЖДЕСТВЕНО».

Командарм Болдин воевал грамотно, с резервами. В лоб дивизии на немецкую оборону не бросал, действовал охватом, вынуждая противника либо оставлять свои позиции и отходить в тыловые районы, или драться в полной изоляции. Такой маневр требовал времени, войска затрачивали огромные физические силы. Но сохранялись человеческие жизни, солдатские жизни. Которые нужны были для новых боев.

Снова – слово документам, ибо они красноречивее всего рассказывают нам теперь о подвиге наших отцов и дедов на нашей родной земле. Из оперативной сводки штаба Западного фронта:

«50 А. В ночь на 30.12.41 наступала на всем фронте, очищая г. КАЛУГА от противника.

К утру 30.12.41 части армии вели бой:

340 сд на рубеже раз. СТОПКИНО, выс. 216, 1.

290 сд, закрепляя занимаемый рубеж, вела бой на подступах к г. КАЛУГА с востока и сев. – востока.

154 сд с полком тульских рабочих, 31 кд, 112 тд к рассвету 30.12.41 очистила от противника сев. – зап., северную часть г. КАЛУГА и, очистив подступы к мосту через р. ОКА с севера, вела ожесточенные бои с противником, удерживающим район вокзала и сев. – вост. части города.

258 сд в 8.00 30.12.41 овладела САНАТОРИЙ и вела бой за овладение АННЕНКИ, ЖЕЛЫБИНО.

217 сд, удерживая БАБЫНИНО, продолжает наступление на рубеж ВНУКОВО, УТЕШЕВО.

413 сд к рассвету 30.12.41 овладела пос. ист. ВОРОТЫНСК и продолжала наступать в направлении ДВОРЦЫ» [69] .

Тяжелее всех по-прежнему приходилось ударной группе генерала Попова. Она уже очистила свои тылы, пополнялась людьми, вооружением и боеприпасами. Но находилась в самом пекле.

Тем временем события на соседних участках Западного фронта стремительно развивались. Все глубже уходила на запад 10-я армия генерала Голикова и кавалерийский корпус генерала Белова. Сосед справа – 49-я армия генерала Захаркина – охватывала Калугу с севера, оседлала Старую Калужскую дорогу, захватила Тарусу и Высокиничи и подступала к Полотняному Заводу и Кондрову. Калужская группировка противника сдавливалась в полукольце.

Жуков торопил Болдина. 27 декабря 1941 г. Военный совет Западного фронта направил в штаб 50-й армии следующую директиву:

«Дело с окончательной очисткой гор. КАЛУГА от противника недопустимо затянулось. Дальнейшая задержка спровоцирует противника на активные действия. Военный Совет фронта требует под личную ответственность товарищей Болдина и Сорокина ликвидировать противника в гор. КАЛУГА не позже 28 декабря и не позже 29 декабря занять станцию ТИХОНОВА ПУСТЫНЬ и ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД.

Не позже 31 декабря частью сил перерезать шоссе Южнов – Медынь. Командный пункт в ХАНИНО не отвечает требованиям быстрого руководства. Желательно перебросить командный пункт в г. КАЛУГА» [70].

Есть такие начальники, которым всегда кажется, что его подчиненный работает плохо, отлынивает и что если его накрутить потуже, то из него можно выжать еще немного пользы... Таким был и командующий войсками Западного фронта генерал Жуков по отношению к своим командармам. Постоянно жучил генерала Захаркина за его медлительность и излишнюю расчетливость и нерешительность. Мог продемонстрировать свою начальственную несдержанность по отношению к командарму-5 генералу Л.А. Говорову. Постоянно выражал свою неудовлетворенность действиями командарма-33 генерала М.Г. Ефремова и совсем скоро, под давлением Верховного, пошлет ударную группировку 33-й армии на верную гибель под Вязьму, в узкий коридор с необеспеченными флангами. Но Жуков станет маршалом Победы, Маршалом № 1. И историки, а тем

более политики склонны теперь искать просчеты, недостатки и ошибки (порой роковые, оплаченные сотнями тысяч солдатских жизней) не в действиях главного героя, а его подчиненных. Так легче обращаться с нашей историей. Такова наша природа. Канонизировали – не смей трогать. Но это уже публицистика. Лучше займемся историей. Так закончился обычный рабочий день военного хирурга одного из шестнадцати калужских полевых подвижных госпиталей.

В Калугу Отяпов не попал. Полк обошел город с северо-запада. Шли маршем, без остановок и боев. Все уже было сделано. Вдоль дорог стояли уткнувшиеся в кюветы громоздкие немецкие грузовики и наши ЗиСы и полуторки с обгоревшими кабинами и выгоревшими, будто обглоданными каким-то невероятным и жадным зверем скатами. Вскоре повернули левее и вышли к крайним домам. Домишки здесь стояли так себе, не лучше, чем у них, в Отяпах. Правда, все крашенные в голубой или в зеленый цвет. И наличники резные, в затейливых узорах. Такого художества у них в деревнях не водилось.

Отяпов шел и любовался наличниками. Каждый следующий дом был украшен узором, который совершенно отличался от предыдущего. Мудреный, видать, тут народ живет, подумал Отяпов, завистливый. Вон как свое от соседского отгораживает. Вот такой и Ванников был, царствие ему небесное. Не дошел до своего дома. Тоже, должно быть, с узорами да затейством... Дети сиротами остались.

Возле дороги лежала полубогорелая лошадь, задрав кверху копыта. Ее уже свеживали две старухи и мальчонка. Старухи рубили топором куски мерзлого мяса, а мальчик складывал их на санки, стоявшие в черном затаптанном снегу, обметанном копотью. Топор у старух был, должно быть, туп, и у них получалось плохо. А может, труп лошади сильно застыл. Ротный сказал, что ночью давануло до тридцати пяти. Ну, ничего, в такой одежке, в какую обмундировали их перед наступлением, пережить и такой мороз можно.

Мальчик смотрел на идущую колонну и рассеянно улыбался. Должно быть, голодный, подумал Отяпов. Но его опередил пулеметчик Гридников. Он перескочил через кювет и сунул мальцу кулек. Что у него там было, неизвестно. Может, сахар да сало. Что им еще выдавали перед маршем? По банке рыбных консервов и гороховый концентрат. Гридников – человек добрый, он все отдаст.

А малец чем-то на Власика похож. Только, может, ростом поменьше.

Отяпов оглянулся. Но шедшие сзади уже закрыли обочину дороги, где старухи и малец разрубали убитую лошадь.

К вечеру вышли к деревне. Деревня целая, дома все стоят, не пожжены, не побиты снарядами. За деревней

идет стрельба. Пока палят из винтовок и изредка дергает морозный звонкий воздух наш «Максим». Басовитый его грохот раскатисто стелется по вымерзшей лощине, где лежат несколько убитых. Чьи, пока непонятно.

Расположились за домами и сараями. Ротный сказал, что будем атаковать ту сторону лощины. Там засели немцы. Неужто придется лезть через лощину в лоб, без артподготовки?

Отяпов высунулся из-за угла, чтобы получше осмотреть местность, где им через минуту придется умирать. Лощина неширокая, перескочить можно в один мах. Несколько стежек протоптаны на ту сторону. По ним, должно быть, и бежали те, что лежат теперь, припорошенные снегом. Один лежал совсем близко, за колодцем. Отяпов присмотрелся: немец! Так тебе и надо, чертов сын, подумал об убитом Отяпов.

Рядом шевелился Курносов. Он устраивался поближе к фундаменту.

– А ну-ка, подвинься, – сказал Отяпов и толкнул его валенком в бок. – Убери-ка свой лафет в сторонку.

И точно, как чувствовал. Началось. «Максим» прошелся очередью по березняку и верхушке пологой горы на той стороне лощины. Было хорошо видно, как пули поднимали снежную пыль и секли по сучьям молодых деревьев. И тотчас оттуда ответил немецкий МГ. Несколько пуль шлепнули по бревнам их дома, звякнуло разбитое стекло.

Появился ротный. Начал смотреть в бинокль в сторону горки, откуда молотил немецкий пулемет.

– Приготовиться! – крикнул он.

Но немцы поднялись раньше.

– Господи! Иисусе Христе! – выдохнул Отяпов и оглянулся на товарищей, прижавшихся к стене дома в ожидании своей участи.

Но тут захлопали минометы, и лощину, противоположный склон с фигурками в грязных коротких комбинезонах, березняк и трупы немцев заволокло гарью.

– Понеслась кривая в баню, – хохотнул Курносов и вытащил из-за пазухи сухарь.

Некоторые осколки на излете добрасывало и до дворов. Они шлепались поодаль, прожигали затоптанный снег и исчезали.

Через несколько минут опять появился ротный. В руках у него был новенький ППШ. Он что-то кричал. И Отяпов понял, что надо выходить и бежать туда, по ложине в гору, где все было расковеркано минами и где гарь все еще оседала на седой снег.

Окопы немцы отрыть не успели. Сделали норки в снегу, снизу застелили еловым лапником. Пулеметчики устроились более основательно. Натаскали досок, выложили бруствер и присыпали снегом. Расчет уйти не успел. Двое лежали прямо возле пулемета и ящиков с патронами. Третий поодаль. У третьего не было головы.

– Хорошо отработали минометчики, – стиснув зубы, сказал ротный.

Они потоптались вокруг убитых пулеметчиков и пошли в сторону леса, куда продвигался весь батальон.

Возле леса были сложены раненые. Откуда они тут взялись, непонятно. Примчались санитарные сани, потом

еще двое. Начали грузить раненых. Отяпов помогал санитарам поднимать на сани раненых и все смотрел в поле, не подъедет ли на своем сером коне Лидка. Но Лидки не было.

Зато появился капитан Титков. Его Отяпов сразу узнал. На белой лошади. Бравый. В хорошо подогнанном полушубке и белой кубанке. Прямо орел степной, казак лихой. Встретились глазами. Отяпов отвернулся. Узнал ли его капитан Титков? Должно быть, узнал. Не такой уж он и пьяный тогда, на Рессете, был.

– Ну что, ребята? – крикнул Титков весело, как будто привез полевую кухню с горячей кашей и звал всех к котлу. – Много трофеев нахватали? Тащи все в деревню!

Трофеи были. Несколько пулеметов, два миномета, мотоцикл, повозки и несколько лошадей. Лошадей, правда, тут же старшины расхватили по ротам. Их в список трофеев не впишут. Не такие дураки командиры, чтобы ради лишнего ордена коня отдать. Ордена еще будут, а конь нужен сейчас.

Кухня и вправду уже ждала их в только что захваченной деревне. Вот молодец старшина! День выдался хороший. Даже, можно сказать, веселый. Все живы. Раненых быстро отправили в тыл. Жалко только, что в Калуге не побывали. В Туле вот довелось. Щами с гусятиной угостили. На всю жизнь запомнится. А тут – не довелось. С другой стороны, что им было делать в Калуге? Город разбит. Народ голодный. Можно было бы отыскать семью Ванникова. Но что сказать его жене? Что не уберегли ее мужа от немецкой пули...

Каша была вкусная. Гусёк так и хватал с ложки большими кусками. Задыхался, кашлял. Без конца

закидывал за спину свой ППШ. Приклад автомата он уже где-то поцарапал.

– Что ты, – сделал ему замечание пулеметчик Гридников, – как гончий кобель после охоты...

Гусёк только засмеялся и отвернулся, чтобы кашлять в сторону. Ел он всегда много.

Прошли мимо минометчики. Несли трофейный пулемет и немецкие ранцы.

– Пригребай, ребята, к нашему котлу! – позвал их старшина. Своих он покормил, можно было угостить и соседей, так выручивших во время боя.

Солнце уже зачерпнуло снега в дальнем поле, золотило густым уходящим светом соломенные крыши. Уцелела деревня. Уже и жители откуда-то появились. Ребятишки сновали среди бойцов. Их старшина тоже приказал кормить до отвала.

Вот бы и в свою родную деревню так войти, подумал Отяпов и никому об этой своей мечте не сказал. Он знал, что на войне лучше об этом молчать.

Отяпы были далеко. Но туда они уже шли.

Глава 10 В прорыв! На Юхнов!

Невыполнимые приказы штаба Западного фронта. 217-я стрелковая дивизия выходит к Варшавскому шоссе. Кто противостоял 50-й армии? Роль 50-й армии в Ржевско-Вяземской наступательной операции. Бои на линии Варшавского шоссе. Генерал Цорн располагает свои войска в два эшелона. Новый шверпункт на Варшавском шоссе. Зайцева Гора. Окружение под Барсуками. Кавалеристы уходят к Вязьме. Разговор Болдина с Жуковым. Новое окружение.

8 января 1942 года в штабы 43, 49 и 50-й армий была разослана срочная директива за подписью Жукова: противник силами потрепанных в боях армейских корпусов и отдельных дивизий пытается закрепиться на линии Медынь – Кондрово – Юхнов; ближайшая задача армий – окружить и разгромить кондрово-юхновско-медыньскую группировку противника и развить удар в направлении Вязьмы с целью полного разгрома можайско-гжатско-вяземской группировки противника. При этом справа 33-я армия наносит удар в направлении Никольское – Ваулино. Слева группа Белова уничтожает мосальскую группировку противника и выходит на Вязьму. Свежих дивизий у генерала Жукова под рукой не было. Чуда не произошло. Но если бы они и были, вряд ли Ставка позволила бы пожертвовать ими. Немцев отбросили. Необходимо было позаботиться о том, как лучше воспользоваться передышкой.

Но на передовой, под Юхновом и Мосальском, под Износками и Вязьмой, никакой оперативной паузы не ощущалось. Здесь шла каждодневная упорная кровавая драка за каждый метр территории, за каждую деревню и опушку леса, с применением всех видов оружия.

Впрочем, небольшие резервы еще были. И Жуков пытался ими выволить из окружения кавалерийскую группу генерала Белова и Западную группировку 33-й армии генерала Ефремова. 17 февраля 1942 года на стол Сталину лег документ, подписанный Жуковым и Соколовским. Назывался он «Соображения Главного командующего войсками Западного стратегического направления от 17 февраля 1942 г. по проведению наступательных операций с целью разгрома ржевско-вяземской и болховской группировок противника». Вот несколько основных фрагментов этого документа:

«Основные задачи Западного и Калининского фронтов:

1. Разгром ржевско-вяземско-жиздринско-юхновской группировки противника с выходом к 5 марта на рубеж Оленино, Олецкое, Булашово, р. Днепр, до г. Дорогобуж, Усвяты, Ельня и далее р. Десна до Снопоть.

2. Разгром болховско-жиздринско-юхновской группировки, овладение Брянск и выход на р. Десна, Снопоть, Ядров и далее по линии Высокое, Красное, Сосновка.

Выполнение задач.

I этап. До проведения общей операции по уничтожению ржевско-вяземско-юхновской группировки провести частные операции:

<...>

2. Разгром юхновской группировки противника силами 43, 49 и 50-й армий Западного фронта и двух авиадесантных бригад. Привлекается вся авиация Западного фронта.

Срок проведения операции с 22.2.42 по 26.2.42.

II этап. Выполнение основных задач.

<...>

Для более успешного проведения операции ржевско-вяземскую группу противника расчлнить на две части – ржевско-сычѳвскую с уничтожением ее силами 22, 30, 39, 31, 20 и 5-й армий и вяземскую с уничтожением ее силами 33, 43, 50-й армий и группами Белова и Соколова.

<...>

Срок проведения операции с 25.2.42 по 5.3.42.

Для воспреещения подхода резервов противника по автомагистралям от Смоленска и Рославля и подачи питания ржевско-вяземско-юхновской группировки противника необходимо привлечь авиацию Главного Командования, а для прикрытия войск Западного и Калининского фронтов – истребительную авиацию ПВО Москвы и Московской зоны» [84] .

Ничего из этой задумки не получилось. Противник держал занятые рубежи прочно. Хотя Юхновский выступ был все же срезан. Но частные успехи, к сожалению, не повлияли на судьбу Западной группировки 33-й армии, которой суждено было погибнуть, раствориться в вяземских снегах и болотах, в полях и оврагах 42-го года...

Читая этот документ, понимаешь и другое: Г.К. Жуков, командуя войсками Западного фронта, мыслил все же гораздо шире масштаба своего фронта. Но это тогда, зимой 1942 года, не помогло ни Западной группировке 33-й армии, ни корпусам, действовавшим западнее, ни окруженным дивизиям 50-й армии у Варшавского шоссе.

Полк разгрузился на заснеженной станции. Немцы контратаковали уже в сумерках.

Глава 11 Битва за Варшавское шоссе

Генерал Терешков: почему он не возглавил прорыв? Прорыв. Снова – прорыв. Гибель полковника Краснопивцева. Погибшие и пропавшие без вести. Сколько погибло во время прорыва? Жуков: «Уничтожать блокированного в населенных пунктах противника...» Пополнение. Снова в наступлении. Захват Узломки и неудачи под Медвёнкой. Десантники. Оперативная пауза. 10-я моторизованная дивизия выводится во второй эшелон. 50-я армия принимает пополнение перед новым наступлением. Воспоминания младшего лейтенанта М. Адлера. Зайцева Гора. Штурм Фомино-1. Жесткий разговор Жукова с Болдиным.

Что же происходило под Барсуками?.. Настоящий приказ немедленно довести для исполнения до командиров батальонов включительно» [88] .

Это – к спору последних лет о том, кто виноват в гибели Западной группировки 33-й армии под Вязьмой. Часть военных историков склонна приписывать чуть ли не злодейскую роль командующему Западным фронтом Жукову: он-де сунул генерала Ефремова под Вязьму с тремя дивизиями и погубил его там, в окружении, не помогая ни боеприпасами, ни продовольствием, ни ударами с внешней стороны котла. Спор принял оттенок политический. А потому к истине не приведет. К сожалению, легковесную, поверхностную информацию о 33-й армии и роли в ее судьбе генерала Жукова выдает и телеканал «Звезда». Модно поругать Маршала Победы, подергать его за полы шинели... Документы же и факты того периода дают более или менее объективную картину периода боев в районе Вязьмы, Варшавского шоссе и Юхнова. В книгах о 49-й и 43-й армиях я старался публиковать все документы, которые попадались в руки, о событиях под Вязьмой и судьбе Западной группировки 33-й армии.

Как видно из вышеприведенного документа, комфронта предостерегал своих подчиненных от опасности отсечения авангардов от основных сил.

В феврале 1942 года войска группы армий «Центр» провели почти одновременно целую серию частных операций по отсечению и уничтожению вклинившихся в их оборону советских войск.

26 февраля 1942 года бои на Варшавском шоссе в районе Зайцевой Горы вспыхнули с новой силой. Ударная группировка, которую собрал генерал Болдин из пополненных дивизий и частей, начала наступление на опорные пункты Узломка и Медвёнка. В атаку пошли пополненная маршевыми ротами 413-я стрелковая

дивизия генерала Терешкова при поддержке танков 112-й танковой бригады полковника Гетмана.

112-я танковая бригада, переформированная из 112-й танковой дивизии в начале января и к празднику Красной армии 23 февраля получившая новые танки Т-34-76, по сути дела, решила исход боя за Узломку. Бригада потеряла несколько машин на окраине деревни от огня противотанковой артиллерии, но вскоре ворвалась на улицы, круша все на своем пути.

Потери 413-й дивизии были более значительными.

Медвёнку в этот день немцы не уступили.

А за линией Варшавского шоссе, севернее, в районе населенного пункта Ключи, подразделения 9-й воздушно-десантной бригады [89] тем временем атаковали позиции 10-й моторизованной дивизии и, имея успех и большие трофеи, вышли в заданный район для соединения с 50-й армией. Уже пришла разведка десантников, присланная командиром бригады полковником Иваном Игнатьевичем Курышевым. Но генерал Болдин не смог сделать ничего. Оборона противника по линии Варшавского шоссе оказалась для его дивизий неприступной. Что и говорить, звездный час генерала Болдина миновал.

27 февраля 1942 года на участке Узломка – Медвёнки стороны обменялись атаками с участием танков и, оставив на снегу десятки убитых и раненых, а также горящие боевые машины, отошли на исходные.

В начале марта правее, в полосе действий соседней

49-й армии, измотанные непрерывными атаками наших войск, немцы начали отводить свои войска от Юхнова. Опасность того, что 50-я армия и части 4-го

воздушно-десантного корпуса вот-вот добавят немецкие опорные пункты в районе населенного пункта Кавказ, заставили их оставить Юхнов. В противном случае юхновская группировка оказалась бы отрезанной на выступе, на южной окраине которого находился город.

В день вступления авангардов 49-й армии в горящий Юхнов ударная группа 50-й армии вновь атаковала противника в районе деревни Кавказ. И вновь не добилась успеха. Несколько тридцатьчетверок было подбито и сожжено. Немцы нашли управу на советские Т-34 – подвели и замаскировали несколько 88-мм зенитных орудий. Они-то и остановили танковую атаку 112-й бригады. Пехота, видя, как захлебнулась атака танкистов, тут же залегла и начала откатываться назад.

К середине марта обе стороны, понеся значительные потери, ослабили активность. Наступила оперативная пауза.

Немцы выводили потрепанную 10-ю моторизованную дивизию во второй эшелон в район Милятина.

50-я армия была усилена еще одной дивизией. Правда, уже изрядно потрепанной. 385-я стрелковая дивизия прибыла на калужскую землю из Киргизии. В ее полках были солдаты из Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизии, Казахстана. Но в основном – русские. В историю Великой Отечественной войны эта дивизия вошла как дивизия, которая никогда не отступала со своих позиций. Так же стойко она сражалась и под Зайцевой Горой. В 50-ю она была передана из состава соседней 10-й армии.

Ставка начинала новое наступление на Вязьму и Ржев. Главная роль в этом наступлении отводилась 50-й

армии. Ей передавались пять стрелковых дивизий и две танковые бригады.

Генерал Болдин получал огромную силу. По сути дела, новую армию при 120 танках и большом количестве артиллерии и минометов.

Получил и задачу: «Общими усилиями 43, 49 и 50-й армии, усиленной из резерва Верховного Главнокомандования пятью стрелковыми дивизиями и двумя танковыми бригадами, не позднее 27 марта очистить от противника пути подвоза 33-й армии и группы Белова, соединиться с ними и в дальнейшем уничтожить группу противника в районе Рыляки, Милятино, Вязьма; одновременно силами 5-й армии завершить прорыв северо-восточнее Гжатска и не позднее 1 апреля овладеть г. Гжатск, после чего ударом на Вязьму содействовать 43, 49 и 50-й армиям в уничтожении противника в районе Вязьмы...» [90] .

На этот раз задача была поставлена более конкретная и реальная. К тому же она обеспечивалась свежими дивизиями и танками. Генералу Болдину судьба дарила шанс. Пусть даже не блеснуть своими полководческими качествами, а просто добросовестно выполнить приказ. Ресурс был. И достаточный. Дивизии, которые передавались 50-й из резерва Верховного главнокомандования, были переброшены из Забайкалья, Казани, Алтайского края, Приморья и Ташкента. 11-я и 108-я танковые бригады были уже обстрелянными в боях под Москвой, бывалыми подразделениями, пополненными новыми боевыми машинами и экипажами.

Под рукой у генерала Болдина в тот период была собрана самая мощная на Западном фронте танковая группировка. Именно этим тараном предполагалось

пробить наконец брешь на север, в район Вязьмы, соединиться с действовавшими там в окружении войсками Западной группировки 33-й армии, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и десантными бригадами.

40-й и 43-й армейские корпуса 4-й полевой армии генерала Хейнрици тоже проводили перегруппировку, пользуясь временным затишьем.

Всем было ясно, что эта пауза долго не продлится.

В конце марта те танковые бригады, которые находились в районе боев, своими основными силами заняли исходные на восемнадцатикилометровом участке фронта в районе Зайцевой Горы (высота 245,5) и Фомино. Другие еще только разгружались на тыловой станции Дабужа или находились в пути. В пути были и основные силы резервов. Первой в район боев прибыла 116-я стрелковая дивизия полковника Василия Акимовича Самсонова. Она успела только ко второй атаке.

Первая, начавшаяся 26 марта 1942 года из района деревни Сининки в направлении деревни Прасоловка, закончилась неудачей. Наступали подразделения 239-й и 173-й стрелковых дивизий, а также 112-й мотострелковый батальон при поддержке девяти танков Т-34 112-й танковой бригады. Когда наступающие вышли на рубеж огня противника, пехота залегла, танки пошли без прикryтия. Девятка тридцатьчетверок проутюжила немецкие окопы и углубилась в оборону. Немцы тут же сняли с позиций противотанковые пушки и начали прижимать прорвавшиеся танки к болоту. Но они прорвались и благополучно вышли в исходный район, имея лишь незначительные повреждения от

многочисленных попаданий противотанковых болванок. Эта атака показала, что взаимодействия танков и пехоты в бою нет. Танки действуют сами по себе, выполняя свою задачу. Пехота – свою.

В донесении штаба 40-го корпуса в штаб 4-й полевой армии за 27 марта 1942 года говорилось: «19 тд: отбито 3 атаки (каждая численностью до 250 человек) на н. п. Прасоловка и высоту 1 км севернее. Противник окопался на широком фронте перед передним краем. По н. п. Прасоловка противник ведет сильный артиллерийский огонь» [91].

29 марта 1942 года в бой, прямо с марша, были брошены батальоны только что прибывшей 116-й стрелковой дивизии.

Накануне дивизия разгрузилась на станции в Калуге и пешим ходом двинулась к передовой. Сибиряки, забайкальцы, закаленный народ, прекрасные солдаты, они сменили в снежных окопах подразделения «старых» дивизий 50-й армии и атаковали противника, закрепившегося на Зайцевой Горе.

Это были крошечные атаки, которые заканчивались новой и новой кровью. Кровью и кровью.

Конечно, командармы 41-го и 42-го годов управлению войсками в современной маневренной войне только-только учились. Учились все. Правда, не все одинаково. Кто-то, такие как командующий 16-й армией генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский [92] или командующий 5-й армией Л.А. Говоров [93], постигали науку войны быстро. Развивали ее практику своим гибким умом и воинским талантом и добивались

превосходных результатов. Кому-то эта жестокая наука давалась с трудом.

Немецкие генералы Цорн (40-й танковый корпус), Гресснер (12-й армейский корпус) и Бреннеке (43-й армейский корпус), чьи войска стояли против 50-й армии, а также десантников и кавалеристов, прорвавшихся в их тылы, вскоре поняли характер своего противника, его стереотипные атаки и незамысловатые комбинации при организации атак и отражении контратак.

Сосредоточение танков перед Зайцевой Горой немецкая разведка конечно же засекала тут же. Сведения легли на штабные столы. Как результат – концентрация на южных и юго-восточных склонах высоты 269,8 противотанковой артиллерии, в том числе 88-мм зенитных орудий и 50-мм противотанковых пушек, весьма эффективных против наших Т-34. Последняя, к примеру, имея низкую посадку и многие другие качества, которые необходимы для такого вида оружия на передовой, в условиях необходимости маскироваться, оставаться невидимым и малоуязвимым во время боя, пробивала броню наших танков с расстояния 500 метров – до 91 миллиметра, с расстояния 1000 метров – до 68 миллиметров.

Сюда же, к Зайцевой Горе и окрестным деревням, составлявшим цепочку, а точнее, фронт опорных пунктов с тщательно продуманной системой огня, были стянуты резервы. Как всегда, немцы расположили их не линейно, а в несколько эшелонов. Ударные мобильные части, как правило, располагались позади и, в случае необходимости, появлялись и развертывались там, где было необходимо. Рокада – Варшавское шоссе – давала прекрасную возможность использовать этот прием

отражения атак противника с высочайшей эффективностью.

Генерал Болдин продолжал последовательно, по мере поступления, бросать резервы в бой. Генералы Цорн и Бреннеке с той же последовательностью отражали эти атаки. Горели наши новенькие тридцатьчетверки, в снега под Зайцевой Горой слоями ложились бойцы-забайкальцы. После очередной неудачной атаки убитых, а иногда и раненых с нейтральной полосы не выносили. Снег засыпал их, делая окрестный пейзаж снова идеальным, почти мирным. Новая атака – и новый слой окоченевших трупов принимали склоны Зайцевой Горы...

Вот странички из дневника бывшего командира взвода связи 170-го стрелкового полка 58-й стрелковой дивизии младшего лейтенанта М.А. Аллера:

«7 апреля 1942 года 170 с. п. в составе 58 с. д. железнодорожными эшелонами прибыл на станцию Дабужа, Мосальского р-на, Смоленской (ныне Калужской) области. Затем пешими колоннами отправились в район боевых действий.

Во время передвижения мы видели, вместо деревень, торчащие из-под снега печные трубы.

На подходе к боевым позициям в лесу противник открыл, по еще не развернувшимся колоннам полка, мощный артиллерийский минометный огонь. Это было ужасное первое боевое крещение. По всему лесу раздавались стоны и крики о помощи. Еще не заняв боевых позиций, 170-й стрелковый полк в первый день понес колоссальные потери убитыми и ранеными.

В условиях весенней распутицы, болотистой местности и бездорожья обозы и кухни отстали. Наступил голод, который мы испытывали все время. Мы стали поедать дохлых и убитых лошадей. Было ужасно противно есть эту конину без соли. Пили болотную воду и воду из луж растаявшего снега, где нередко лежали трупы. У нас были пробирки с таблетками хлора, но пить воду с хлором было еще противней.

После кратковременной обороны в лесу мы заняли деревню Фомино-1, откуда стали вести атаки на противника, с целью овладеть сильно укрепленным пунктом Фомино-2 и высотой 269,8 и в дальнейшем перерезать Варшавское шоссе у деревни Зайцева гора. В упорных боях с большими потерями нам удалось занять южный склон высоты 269,8. Немцы занимали выгодные позиции на большей части этой высоты. С гребня высоты вся наша оборона просматривалась на всю глубину болотистого луга. А за обратным склоном у противника были сильно укрепленные позиции. Особенно выгодными позициями у немцев были Зайцева гора и высота 269,8. В полном распоряжении у них было Варшавское шоссе. Лесистый участок позволял беспрепятственно скрытно маневрировать, быстро перебрасывать живую силу и технику по шоссе. Мы же занимали подножие южного склона высоты 269,8. Позади простиралось болото Шатинский мох – мы были у немцев всегда на виду.

Каждый день с утра до наступления темноты наши позиции непрерывно подвергались артиллерийским и минометным обстрелам, которые точно корректировались висящим над нами самолетом-корректировщиком «Рама». Почти каждый день происходили массированные авиационные налеты. После сильной бомбежки из самолетов на бреющем полете открывался пулеметный

обстрел наших окопов. На кладбище Фомино-2 расположились немецкие снайперы, которые не давали высунуть голову из окопов. Нам приходилось иногда справлять большую нужду на саперную лопатку и выбрасывать ее за бруствер окопа. Ночью мы не спали, занимались укреплением обороны. В это же время была возможность вынести тяжелораненых и принести к нам на передовую жидкую водичку горохового концентрата и 1–2 сухаря на человека. Численный состав батальона на передовой из нескольких сотен за 2–3 недели сократился до нескольких десятков человек. Радиосвязь на передовой отсутствовала из-за того, что немцы ее четко пеленговали, тем самым обнаруживалось расположение наших командных и наблюдательных пунктов. Проводная телефонная связь, несмотря на постоянные обрывы из-за артиллерийских и минометных обстрелов, работала нормально.

И вот настал день Первомая 1942 года. День выдался безоблачным. Ночью на передовую доставили для каждого продуктовый набор: водка, краковская колбаса (целый кружок), сухари и консервы. Только подумал, что сейчас выпью, хорошо поем и лягу спать после бессонной ночи. Вдруг небо потемнело от вражеских самолетов, и все мои предвкушения рухнули. Дали бы хоть утолить животный голод, а там что будет, то будет. Увидел, как из самолетов вывалились огромные тюки, которые я принял за фугасные бомбы. Они могли разворотить все наши позиции. В тюках оказались листовки. Все вокруг побелело от их несметного количества.

В отличие от немецких листовок наши листовки были на дешевой желтовато-серой газетной бумаге с надписью: «Прочти и передай товарищу».

Геббельсовская пропаганда меня поразила. Листовки были большого формата на толстой мелованной бумаге. Несмотря на запрет читать вражеские листовки, не читать их было невозможно. Они заполнили все наши окопы. На листовках в ярких красках был нарисован Дед Мороз в генеральской форме. Борода была изображена в виде мелких тающих сосулек, с которых капала вода, и был текст: «Русский Генерал Мороз тает. Мы готовим летнее наступление для взятия Москвы. Русские солдаты, сдавайтесь. Мы воюем не против русского народа, а против коммунистов и жидов, против правительства Сталина – Кагановича. Мы хотим освободить вас от колхозного крепостного права». Невзирая на такую красочную агитку, я не заметил, чтобы эти листовки на кого-то подействовали.

5 мая, когда начало темнеть, к нам на весь батальон принесли мешок сухарей и две канистры желтой водички горохового концентрата. В большой воронке от фугасной бомбы рядом с передним краем обороны я и несколько солдат собрались делить еду, при этом громко разговаривали. Может быть, мы были услышаны немцами. Вдруг со стороны немецких позиций раздался необычный рев. Вслед за этим загорелась земля, на некоторых солдатах загорелась одежда. Сразу немцы в полный рост пошли на нас в атаку и повели бесприцельный автоматный огонь. Отстреливаясь на бегу, я дал команду отходить ложиной ближе к лесу. Отступили до траншей второго эшелона. Нас оказалось в траншее только четверо: исполняющий обязанности командира батальона лейтенант Минаков, его ординарец, комиссар батальона и я. На опушке леса в конце траншей на наблюдательном пункте находился со своим ординарцем командир 170-го стрелкового полка майор

Мартынов. Лейтенант Минаков на доклад о произошедшем к командиру полка пойти не захотел, а послал меня, заявив при этом: «Ты только командир взвода связи, и тебе ничего не будет». Я доложил майору Мартынову, что противник уничтожил нашу оборону огнеметом. Майор Мартынов обругал меня отборным матом и сказал, что это был не огнемет, а новое немецкое оружие шестиствольный миномет «ванюша», и приказал взять высоту.

Я ответил, что нас осталось только четверо. Снова последовал мат и приказ взять высоту. Тут же майор Мартынов передумал и принял решение отправить на исходную позицию свою роту автоматчиков. Командир полка доложил обстановку вышестоящему командованию. Мы вышли на исходную позицию и вдруг услышали далеко со стороны леса необычный гул и увидели, как огненный смерч обрушился на высоту. Это, я впервые увидел, был залп «катюши». Мы пошли в атаку и заняли прежние рубежи уже другим батальоном. Исполняющий обязанности комбата лейтенант Минаков (впоследствии командир 170-го стрелкового полка. – *Авт.*) убыл с передовой для формирования нового батальона из маршевых рот. Я остался в прежней должности на передовой, на южном склоне высоты 269,8 с другим взводом связи другого батальона.

Поступил приказ перейти к жесткой обороне. Командный пункт батальона находился у подножия высоты в полностью разбитой деревне Фомино-1.

В ночь с 17 на 18 мая я вышел вместе с начальником штаба батальона на передовую, с целью проверки состояния обороны и телефонной связи. Я вырыл, на всякий случай, окоп для отдыха, который

перекрыл немецкими винтовками и шинелями, засыпав сверху землей. Перед рассветом начальник штаба покинул передовую. Я до рассвета задержался. В вырытом мною окопе расположился на отдых дежурный телефонист, я к нему прилег поспать. В 12 часов 18 мая немцы открыли минометный огонь. Первая мина попала в перекрытие моего окопа. Мы оказались заживо погребенными. Когда я очнулся от резкой боли, то почувствовал, что оторвана левая нога. Минометный обстрел продолжался, и я очень хотел, чтобы еще одна мина добила меня. Было ясно, что при оторванной ноге в такой обстановке мне не выжить, кроме того, немцы сразу могут пойти в атаку. Станковый пулеметный расчет был рядом с моим окопом. Пулеметчики услышали наш крик, и нас откопали. Рядом лежащий со мной связист вскочил и с криком бросился бежать. Немцы открыли по нему автоматный огонь. Будучи контуженным, он успел добежать до основных траншей. После того как нас откопали, я увидел, что моя нога цела. Оказался закрытый перелом левого бедра, и нога стала значительно короче. Кроме того, я получил контузию и многие мелкие осколочные ранения. Командир стрелковой роты по телефону сообщил в штаб полка о моем состоянии. Я с тревогой ждал наступления темноты. В это время года день длинный, ночь короткая. Санитары могли вынести меня только в темное время суток».

Солдаты, воевавшие под Зайцевой Горой, с той или с другой стороны, никогда не забывали о том, что пережили там. В нашей историографии и литературе есть своего рода поля жестокости и солдатского мужества, братские могилы под названием Ржев, Сталинград, Харьков. По большому счету, в том же ряду стоит и Зайцева Гора – цепь высот, которые сейчас находятся в

Барятинском районе Калужской области на Варшавском шоссе, которое теперь, по причине очередного усечения страны и пропорционального уменьшения участка дороги, принадлежащего нам, именуется Рославльским.

Не все атаки дивизий 50-й армии в районе Зайцевой Горы были неудачными. К примеру, 5 апреля, накануне прибытия 58-й стрелковой дивизии в район Сининки, 290-я и 173-я стрелковые дивизии при поддержке танков и артиллерии сломали сопротивление немцев в опорном пункте Фомино-1, ворвались в деревню и к исходу дня очистили ее от противника. Схватка сопровождалась яростным упорством и кровопролитием обеих сторон.

Из немецкого донесения:

«19 тд: во второй половине дня противник при поддержке тяжелой артиллерии продолжил атаки на Фомино. Новая атака 4 танка на позиции восточнее н. п. Прасоловка была отбита массированным огнем всех видов оружия при поддержке штурмовиков. 2 танка повреждены. При поддержке 8 танков противник сумел ворваться в Фомино и оттеснить гарнизон на север. Принимаются контрмеры.

8-й авиакорпус: соединения начальника авиации тактической поддержки «Юг» поддерживали наземные войска на правом крыле 40 тк. Труппы пикирующих бомбардировщиков атаковали исходные позиции противника, уничтожив 5 и повредив 8 машин».

Контрмеры были приняты вскоре. На этот раз контратаковали подразделения 12-го армейского корпуса генерала пехоты Вальтера Гресснера. В эти дни на севере корпус дожимал Западную группировку 33-й армии. Яростные атаки 50-й армии в направлении котла конечно же беспокоили немецкое командование. 12

апреля 1942 года 10-я моторизованная дивизия атаковала позиции 50-й армии и снова вырвала Фомино-1 и район, прилегающий к этому населенному пункту, из рук генерала Болдина.

15 апреля 1942 года, когда севернее, под Вязьмой, уже произошла катастрофа – при попытке пробиться из окружения группа генерала Ефремова была растерзана на марше в Шпырёвском лесу, – командующий фронтом генерал Жуков вызвал к аппарату «Бодо» Болдина:

«У аппарата ЖУКОВ.

Генерал-лейтенант БОЛДИН у аппарата.

ЖУКОВ. Здравствуйте, доложите, что у вас происходит, почему получилась заминка?

БОЛДИН. Тов. Главком, дополнительно [к] моему боевому донесению докладываю:

1. В 13.00 14.4.42 г. противник (пехота с танками) перешел в наступление на выс. 269, 8 с трех направлений:

- 1) из ФОМИНО 2-е;
- 2) из ТЫЧЕК;
- 3) от ЕКАТЕРИНОВКА.

Одновременно открыл по частям, занимающим выс.

269,8, сильный артиллерийский, минометный огонь. Наша пехота под воздействием танков и артиллерийско-мино-метного огня была потеснена на юго-западные скаты этой высоты, где весь день сдерживала наступление противника, не дав прорваться противнику на ФОМИНО 1-е.

2. [В] 16.00 14.4.42 г. противник (пехота с танками) перешел в контратаку на ЗАЙЦЕВА ГОРА, контратака велась с трех направлений:

1) из района КАЛУГОВО;

2) из района НОВ. АСКЕРОВО и СТАР. АСКЕРОВО;

3) из ФОМИНО 1-е, танки противника контратаковали ФОМИНО 2-е.

По докладу командира дивизии, который находится непосредственно ЗАЙЦЕВА ГОРА, пехоты противника наступало до двух полков. Во время контратаки танков было два налета пикирующих бомбардировщиков на ЗАЙЦЕВА ГОРА, группами 3–5 самолетов, которые сделали по несколько заходов на ЗАЙЦЕВА ГОРА.

Части 173 сд под сильным воздействием артиллерийско-минометного огня, бомбардировки авиации, от двух направлений на выс. 245, 5, отошли на ее южн. скаты. В данное время в районе Зайцева Гора идет бой. Командир дивизии имеет задачу ночным боем снова овладеть ЗАЙЦЕВА ГОРА и восстановить положение.

3. 290 сд ведет бой в лесу юго-зап. отм. 223,3.

4. 336 сд – оставив заслон у безым. хутора, что...км юго-зап. ФОМИНО 1-е, воспользовалась продвижением 290 сд наступает на выс. 229, 8.

5. 116 и 385 сд за 14.4.42 г. продвижений не имели, б ы л и о с т а н о в л е н ы артиллерийско-минометно-пулеметным огнем на южн. опушке леса, что сев. ГАВРИЛОВСКИЙ, МАЛИНОВСКИЙ, а 385 сд южн. окраина МАЛИНОВСКИЙ и вост. окр. ПРАСОЛОВКА.

6. 146 и 298 сд, 11 и 108 тбр приводят себя в порядок и готовятся к удару на ФОМИНО 2-е и ТЫЧЕК.

7. 58 сд без одного сп сосредоточилась в лесах юго-зап. зимницы, имея задачей развивать успех 298 и 290 сд, уларом на ЕКАТЕРИНОВКА, АЛЕКСАНДРОВКА.

8. Противник в течение всего дня 14.4 подбрасывал резервы за счет 331 пд с юго-запада за счет 10 мотодивизии и 260 пд с сев. вост. Подтверждение – имеются пленные.

9. Тов. Главком, у меня продолжает оставаться острым положение с подвозом боеприпасов, горючим и продфуража. Дороги пришли в такое состояние, что для колесного автотранспорта стали почти непроезжими. Мною приняты...

ЖУКОВ. А для вас что, это новость, вы не ожидали, что дороги испортятся?

БОЛДИН. Решительные меры по восстановлению дорог по вашему приказу, член Военного Совета тов. Сорокин находится на дорогах, но принятые меры достаточного эффекта не дают, так как в полосе действий армии бездорожье, имеющиеся грунтовые, проселочные дороги не пригодны.

10. Связь с Беловым и Казанкиным шифром имею, знаю, где они вели бои к исходу дня 14.4.42 г. Вот те вопросы, т. Главком, по которым дополнительно к моему боевому донесению считал необходимым вам доложить.

ЖУКОВ. С пленными вы разговаривали?

БОЛДИН. Нет, не разговаривал, а показания пленных мне докладывал начальник разведывательного отдела и командир 173 сд.

ЖУКОВ. Что пленные показывали о 260 дивизии, где, по их словам, дивизия находится и что показали пленные 10 и 331?

БОЛДИН. Докладываю: первое – 10 мотодивизия: имеет приказ, по которому она наступала на ФОМИНО 1-е 14.4.42 г. <...>

ЖУКОВ. По которому две роты выгнали вас из ФОМИНО 1-е это мне известно. Меня интересует показание пленного 260.

БОЛДИН. Пленные 331 пд, захваченные в лесу зап. ФОМИНО 1-е, показали, что им было приказано наступать в середине дня 13.4, но наши части упредили их наступление.

2. В районе ЗАЙЦЕВА ГОРА были подбиты две машины с пехотой, которые шли с сев. – востока на ЗАЙЦЕВА ГОРА. Взят один пленный с этих машин, который показал, что они ехали из-под ЮХНОВА в ЗАЙЦЕВА ГОРА.

ЖУКОВ. Сколько противника наступало на выс. 269, 8 и сколько обороняло ее? Где были ваши танки в это время, что делали артиллерия и минометы?

БОЛДИН. На выс. 269, 8 вел бой находившийся полк 298 сд. Противник, по докладу т. Захарова, из ФОМИНО 2-е на выс. 269, 8 наступал силой до 2 батальонов пехоты и 7–8 танков. Наши танки в это время находились на сев. окраине ФОМИНО 1-е. Наша артиллерия и минометы вели огонь мало, ввиду ограниченного количества боеприпасов.

ЖУКОВ. Где же была 298 и 290 сд, когда ваш полк сталкивали с выс., или так же, как и танковая бригада,

стояли поджавши руки и безучастно наблюдали? Непонятная тактика и больше чем странная. Отвечайте.

БОЛДИН. 290 сд в это время вела бой в лесу юго-зап. отметки 223,3; 298 сд – один полк вел бой на юго-вост. выс. 269, 8, и второй полк вел бой в районе отм. 223,3, то есть на юго-зап. скатах выс. 269, 8, и третий полк выдвигался во втором эшелоне в направлении выс. 269, 8. По докладу командира 298 сд, полк, который занимал эту высоту, решением командира полка под сильным воздействием артиллерийско-минометного огня был отведен на юго-зап. скаты выс. 269, 8.

ЖУКОВ. А вы? Вы где были?

БОЛДИН. Я потребовал, когда узнал об этом, от командира дивизии и от тов. Захарова решительными действиями 198, 146 сд, 108 и 11 тбр восстановить положение и продолжать выполнять задачу.

ЖУКОВ. Почему у вас безнаказанно творятся такие преступления и вы не привлекаете виновных к ответственности?

БОЛДИН. Я приказал виновника оставления выс. 269, 8 расстрелять.

ЖУКОВ. Когда приказали?

БОЛДИН. Приказал тогда, когда мне стало известно о том факте, приказ отдал тов. Захарову.

ЖУКОВ. Пусть Захаров донесет исполнение лично мне. Вас я лично очень внимательно инструктировал о тактике действий, о руководстве частями, о требовательности и быстроте расправы с паникерами и не выполняющими боевых приказов, видимо, не все вами

понято, так как я не вижу точного выполнения, в частности:

1. Из 15 соединений, которые вы имеете, у вас на сегодняшний день и вчерашний день активно дрались только три дивизии, а 10 действовали пассивно, оборонялись. Из 13 стрелковых дерутся только пять, остальные стоят на месте. Танковые бригады сегодня бездействовали, что же это за тактика, не понимаю.

2. Противник вас гонит с 7 танками, вы имеете 100 танков, то есть в 14 раз больше, что же это за тактика такая. Вы, видимо, читали доклад командира 10 мотодивизии, как он одним полком все время отбивал наступление ваших семи дивизий, такое поведение только дискредитирует Красную Армию. Как же вы можете мириться с подобными фактами, дискредитирующими Красную Армию. Вы все время жаловались на отсутствие танков, сейчас у вас в десятки раз их больше, чем у противника, но результаты все те же. Дискредитация Красной Армии не понятна, почему вы узнаете об отходах тогда, когда это уже совершилось, значит, вы не руководите боем, не организовано у вас управление, нет у вас своих глаз на передовых позициях, а это значит, армия действует без руля и без ветрил. Я требую под вашу главную ответственность занятия: ЗАЙЦЕВА ГОРА, ФОМИНО 2-е, ТЫЧЕК, ЕКАТЕРИНОВКА, ВЕЛЬСКАЯ, ЛИПОВАЯ РОЩА. Я требую заставить 116-ю и 385-ю стрелковые дивизии немедленно занять МАЛИНОВСКИЙ и выйти в назначенные районы. Я требую для усиления удара завтра же ввести 58-ю стрелковую дивизию. Танковые бригады – 11-ю и 108-ю держать с пехотой на шоссе, 112-ю бросить на помощь левому флангу; к левому флангу подтягивать 69-ю. Устройство тыла немедленно перекантовать на Барятинскую, откуда

и производить подачу войскам. В неподготовленности дорог виноваты только вы. Проблагодушествовали, а сейчас пожинайте свои плоды. Шесть тракторов, что мы могли найти и оторвать временно от других частей, вам послано, больше у меня помочь вам нечем. Устраивайте тыл на БАРЯТИНСКУЮ. Прикажите 69-й, ее правому крылу, приступить к энергичным, активным действиям, чтобы не дать противнику маневрировать своими резервами. Противник имеет четыре дивизии и ими маневрирует против ваших 15 соединений так, как ему хочется. Он играет с вами как кошка с мышкой. Почему вы не учитесь и не учите командиров искусству тактики у врага. Имейте в виду, что это не зазорно, наши предки всегда учились у врагов, а затем били их, своих учителей, а вы, видимо, не хотите позаимствовать у врага хорошие и полезные примеры, рядовые люди обязаны всегда впитывать в себя все новинки и учить своих подчиненных. Поэтому у вас ничего не получается. Короче говоря, вы должны строго помнить наш последний уговор, я о нем докладывал, считаю, что я мягковато поступил, но я уверил, что если еще случится, то будет выдано в квадрате. Сейчас же передайте мои требования всем, кому следует, и организуйте исполнение указаний. Тыл перекапывать на БАРЯТИНСКУЮ, распоряжение нами дано, дорогу застилать фашинами, другой дороги никто для вас сейчас не сделает. Как с продовольствием в войсках?

БОЛДИН. С продовольствием в войсках плохо. Вопрос исключительно упирается в подвоз со станции снабжения.

ЖУКОВ. С БАРЯТИНСКОЙ сможете подавать. От БАРЯТИНСКОЙ рядом. Какие у вас могут быть затруднения?

БОЛДИН. Приняты меры, чтобы брать с БАРЯТИНСКАЯ.

Тов. Главком, к какому вопросу относится последний ваш вопрос, прошу уточнить?

ЖУКОВ. С доставкой с БАРЯТИНСКОЙ.

БОЛДИН. Главные затруднения с поставкой – это раскисли все дороги. Станция БАРЯТИНСКАЯ немного ближе, сокращает путь по вопросу обеспечения меня боеприпасами, горючим и продфуражем.

ЖУКОВ. Стелите дорогу фашинами, хворостом, прочим твердым материалом, завтра мне особым донесением донесите, что именно сделано во исполнение моего указания. До свидания.

БОЛДИН. Докладываю дополнительно:

1. 58 сд до сего времени не подтянула в район действий свой артполк. Мною приняты меры, как можно быстрее его подтянуть.

2. 69 сд, как я вам докладывал своими донесениями, и на сегодняшний день не готова. Обуви кожаной до сего времени не получила, тот, кто отправлял эту дивизию на фронт, отнесся крайне халатно, я бы сказал преступно, в таком состоянии отправлять дивизию на фронт нельзя. В район, который имеете в виду для 69 сд, она основными силами уже вышла.

3. 112 тбр задачу от меня имеет наступать в направлении, как вы требуете.

4. Дивизии правого крыла 325, 344 и 413 сд от меня получили приказ, в соответствии с вашими указаниями, действовать – наступать, и они 13, 14 действовали, сегодня будут продолжать действовать. Все вопросы и ваше указание мною поняты, немедленно приступаю к их выполнению. БОЛДИН.

ЖУКОВ. Исполняйте приказ и действуйте как следует. До свидания» [94] .

Если на этот разговор наложить воспоминание-стон младшего лейтенанта, которые процитированы выше, то, пожалуй, получится наиболее правдивая версия тех жутких обстоятельств, в которых пребывала 50-я армия. Жуков ее всячески толкал на север, к Вязьме, на выручку Ефремова, Белова и Казанкина. Какая там выручка... Самих надо было выручать.

Зайцева Гора в те дни для генерала Болдина и его солдат стала голгофой. Выжившие в том аду либо не хотели потом вспоминать о пережитом, либо вспоминали с ужасом.

В мемуарах же генерала Болдина о боях в районе Зайцевой Горы всего несколько строк, которые неосведомленному читателю не скажут ничего. Не хотелось генералу после Победы вспоминать свои – да и не только свои – промахи 42-го года.

Вначале обработали из минометов. Да так, что тела убитых и раненых выбрасывало из окопов. Тяжелые мины ложились парами. Когда же он выстрелит, напряженно думал Отяпов. Вот сейчас... Сейчас... Еще

шаг... Еще два... До леса шагов пятьдесят, а по такому снегу – еще больше. Сейчас...

Глава 12 Зайцева гора

На Зайцевой Горе. Танк Валея. Пикировщики Ю-87. Полное бездействие нашей авиации из-за раскисших аэродромов и нерасторопных командиров. Свидетельства очевидцев. Разговор Жукова и Болдина: «Это, кажется, будет по счету пять или шесть растрепанных бригад...» О.А. Набатов: «Всюду убитые...» Армия истощена. Судьба генерала Болдина. Жуков: «Он же самый плохой командующий армией за всю войну...»

Варшавское шоссе – дорога прямая. Рассекает юго-запад Московской, а затем всю Калужскую область. В самой середине – Зайцева Гора. Деревня. Заправка. Придорожное кафе. Музей. Братская могила. Над могилой памятник. Здесь, в этой могиле, и в окрестностях похоронены тысячи. А сколько лежат непохороненными – в лесу, в Шатином болоте, в оврагах, в поймах речек Неручи, Ужати, Перекши. Десятки тысяч... Вы сейчас докладываете, что противник подбрасывает резервы. Что же, об этом я вас предупреждал неоднократно и лично и в документах. А вы как считали, противник будет мух ловить? Нет, ловить мух он не будет. Каждую вашу проволочку во времени он использует для маневра и постарается вас обыграть, а обыграть вас ему труда не составит потому, что ваши войска стоят на месте, не маневрируют огнем сами, стоят на месте и не двигаются, а такого противника бить не трудно. Если вы в течение двух ближайших дней не разобьете противника в районе действия ударной группы, противник вам подготовит большую неприятность, я бы сказал даже крупную неприятность, от которой и вам, и нам придется краснеть, и отсюда делайте свои выводы и расчеты. Где

сейчас находится Захаров, как он показывает свои способности?

БОЛДИН. Тов. Захаров находится на наблюдательном пункте в районе Зимницы. С моего НИ, где находится тов. Захаров, организовано непосредственное управление войсками и боем правого крыла ударной группировки армии. Вместе с т. Захаровым находится начальник артиллерии армии и т. Мартынов. Они все втроем мне помогают управлять войсками и боем правого крыла ударной группировки армии. Тов. Захаров держит себя хорошо.

ЖУКОВ. Армией командовать может?

БОЛДИН. На вопрос, может ли командовать армией, в данное время ответ пока дать затрудняюсь, так как мало еще его изучил.

ЖУКОВ. Приведена ли в порядок 69?

БОЛДИН. 69 для ввода в бой еще не готова. При вашей помощи за трое суток можно будет привести в боеготовность. До сего времени нет полностью кожаной обуви и не подошел колесный обоз. По вашему приказанию за две ночи самолетами подбросили около 4000 пар обуви. Командование к отправлению на фронт дивизии отнеслось безобразно, отправило дивизию небоеспособную.

ЖУКОВ. Я это слышал уже не раз, не повторяйте. Вы создали какие-то опергруппы, т. е. создали промежуточные станции. Это есть скрытый обход приказа Наркома по ликвидации корпусов.

БОЛДИН. Тов. Главком, докладываю: никакой оперативной группы я не создавал. Я возложил на т. Гетмана увязку взаимодействия пехоты с танками 116и385 сдс 112 танковой бригадой. Тов. Гетман является из этих трех командиров самым сильным по

подготовке и практической работе. В моей телеграмме т. Антонову я неудачно выразился.

ЖУКОВ. А как же ваша телеграмма Антонову о том, что Гетман командует опергруппой. Ваша телеграмма на имя Антонова прямо говорит, что Гетман командует опергруппой в составе трех соединений. Ну, тогда мне говорить больше нечего. Гетмана немедленно откомандируйте на более важную работу, не задерживая, ибо для нас каждая минута дорога.

БОЛДИН. Сегодня ваш приказ об откомандировании т. Гетмана будет выполнен.

ЖУКОВ. Хорошо, в заключение я хочу вас последний раз предупредить о самом важном. Вы должны противника разбить и прочно закрепиться на шоссе не позже исхода 21.

Вечером 22 будет уже поздно. Все. Сегодня вы потратите день на тщательную организацию боя. До свидания.

БОЛДИН. До свидания, тов. Главком» [95] .

Этот диалог не нуждается в каких-либо комментариях.

Разговор происходил в один из дней, когда стало очевидным, что севернее, в районе Климова Завода, погибла штабная группа генерала Ефремова вместе со своим командармом. Жуков теперь уже требует от Болдина не прорыва к Вязьме, а хотя бы оседлать шоссе и захватить артиллерийские высоты, которые на карте обозначались высотой 269,8.

22 апреля, выполняя приказ командующего войсками Западного фронта, генерал Болдин организовал решающую атаку.

В ударную группу были включены все боеспособные подразделения 270, 58 и 335-й, 146-й стрелковых дивизий, а также танки и мотострелковые роты танковых бригад. Направление удара – опорные пункты Фомино и Зайцева Гора.

В атаку ринулись в 2.00 под прикрытием мощного огня артиллерии. Бой длился всю ночь, все утро и почти весь день. На некоторых участках нашим частям удалось потеснить противника, отбить его короткие и мощные контратаки, в которых участвовали танки и бронетехника. Захвачено было несколько важных высот.

23 апреля началась мощнейшая контратака немцев. Вначале позиции наших войск обработала артиллерия. Потом появилась авиация. Около двадцати пикировщиков несколькими волнами атаковали заранее обнаруженные цели. Затем в атаку пошла пехота при поддержке танков.

Высота 269,8 снова перешла в руки противника. И больше немцы ее не отдавали.

На фронте 50-й армии снова наступило затишье. Обе стороны проводили перегруппировку. На новые атаки сил уже не оставалось.

Бывший разведчик 290-й стрелковой дивизии Олег Александрович Набатов вспоминал: «Всюду убитые, убитые, куда ни кинешь взгляд, тут же в грязи ворочаются раненые. Особенно мне запомнился один из них, мимо которого я пробежал. Это был солдат лет пятидесяти, превратившийся в ком сплошной грязи,

только покрасневшие глаза блестели да зубы белели на черном фоне».

50-я армия была истощена. Бесконечные атаки в районах Прасоловки, Фомино, Зайцевой Горы, Гореловского, Малиновского никаких существенных результатов для улучшения положения Западного фронта, да и самой армии, не принесли.

Примерно то же происходило и на позициях соседних 49, 43 и 33-й армий (Восточная группировка в районе Износок). Никакой помощи окруженным под Вязьмой войскам Западной группировки 33-й армии и корпусам Белова и Казанкина действия этих армий, их бесконечные атаки в феврале, марте и первой декаде апреля 1942 года оказать не смогли. Противник встречал их на заранее выстроенной линии, жег танки, уничтожал пехоту. Победы, которые все же достигались в ходе этих боев, были скромными и никак не соизмерялись с теми усилиями и той кровью, которой пропитывался снег вдоль Варшавского шоссе и рек Рессы, Угры и Вори.

Здесь, на южной оконечности Ржевского выступа, кровь лилась так же густо, как и в районе Ржева.

Тульская оборона и захват Калуги стремительной атакой ударной подвижной группы – вот звездный час генерала Болдина в битве за Москву.

В конце книги, чтобы продлить встречу со своим читателем, мне хотелось бы рассказать немного о командующем 50-й армией.

Генерал Иван Васильевич Болдин родился в 1892 году в деревне Высокой в крестьянской семье. Ныне это Инсарский район Республики Мордовия. До призыва в Русскую императорскую армию в июле 1914 года жил и

работал в родной деревне. После призыва в солдаты окончил полковую учебную команду и отправлен на фронт в чине старшего унтер-офицера. В 1917 году, когда армия начала разваливаться, вернулся на родину. Вскоре возглавил уездный исполком. Но уже через год, по партийной мобилизации, был призван в РККА. Участвовал в Гражданской войне – командовал ротой в Карелии и Прибалтике. На Западном фронте сражался против белополяков. В 1920 году командовал батальоном, затем полком. Учился: курсы «Выстрел», Курсы усовершенствования высшего командного состава при Военной академии имени М.В. Фрунзе, Военная академия им. М.В. Фрунзе (Особая группа – 1934 год). Командовал войсками ЧОНа Курской губернии, 251-м стрелковым полком, который дислоцировался в Туле, Отдельным Московским стрелковым полком. Преподавал в Военно-политической академии РККА. Командовал 53-й Пугачёвской стрелковой дивизией Приволжского военного округа. В 1937 году – командир 18-й стрелковой дивизии. В 1938 году – командир 17-го стрелкового корпуса. Затем, в том же году, назначен командующим войсками только что созданного Калининского военного округа. 7 октября того же 1938 года утвержден членом Военного совета при народном комиссаре обороны СССР. Во время Польского похода 1939 года командовал конно-механизированной группой. Этой группой были захвачены города Новогрудок, Слоним, Волковыск, Гродно, Белосток, Барановичи. После удачного похода командовал войсками Одесского военного округа. Накануне Великой Отечественной войны занимал должность заместителя командующего войсками Западного Особого военного округа. В этой должности и встретил войну. 22 июня застало генерала Болдина в тех

самых местах, которые он два года назад так лихо присоединял к СССР.

То, что произошло в 20-х числах 1941 года под Белостоком и Минском, читателям, должно быть, известно.

Войска округа были сосредоточены, а точнее сказать, их опасно сгрудили в Белостокском выступе. К моменту немецкой атаки они не были развернуты и попали под мощнейший удар. В результате – катастрофа первого, огромного окружения и поражения.

В конце июня Болдин получил приказ организовать контрудар силами конно-механизированной группы. Группа была довольно мощной: две механизированные дивизии, кавалерийский корпус, отдельный гаубичный полк. Задача: ударом на северо-восток окружить и уничтожить группировку противника в районе Гродно – Меркино. КМГ задачу не выполнила. Генерал Болдин с управлением ее во встречном бою не справился. Обе механизированные дивизии начали наступление разрозненно, на расходящихся операционных направлениях. Немцы уничтожили склады с горючим и боеприпасами, оставив войска без основного боевого ресурса. Войска группы были окружены и разбиты.

И тут началась новая история, которая разбитого в бою генерала сделала героем.

Как известно, многие советские генералы, оказавшись в обстоятельствах реальной войны, попросту не сумели управлять вверенными им войсками. Одни бежали, бросив своих подчиненных и материальную часть. И убежали. Другие побежали и не убежали – их перехватывали разведгруппы и авангарды противника и пленили. Были и те, кто сражался. Причем в

обстоятельствах, когда драться надо было уже не отдавая приказы с КП, а по-солдатски – с винтовкой в руках. Некоторые из этих храбрецов командиров погибли. И погибло большинство. Они не смогли стать полководцами, но навсегда остались солдатами, честно выполнившими свой воинский долг перед Родиной. Генерал Болдин оказался именно таким человеком. Но он вышел и вывел людей.

Месяц генерал со штабной группой скитался по тылам противника. В пути к его группе присоединялись одиночки и остатки мелких подразделений. Из района деревни Токари (ныне это территория Польши) группа генерала Болдина вышла 26 июня. К деревне Приглово в районе Духовщины Смоленской области она подошла 11 августа. В группе к тому времени было 1654 человека, включая 103 раненых. Позади было около 700 километров пути с боями и опасными переходами по занятой противником территории.

Факт известный: Константин Симонов, работая над романом «Живые и мертвые», образ Серпилина писал именно с генерала Болдина. Вернее, имея перед собой характер командира с твердой волей, такого, какого создала легенда, тут же появившаяся в самом главном, на долгие дни, документе страны – приказе № 270 от 16 августа 1941 года.

Вот то место из знаменитого приказа: «Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага

и пробивались к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 8 ручных пулеметов, 1 самолет на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил по немцам с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения 1654 вооруженных красноармейца и командира, из них 103 раненых».

Что здесь правда, а что вымысел, который был необходим в те дни для создания документа такой силы, каковым и стал приказ № 270?

Выходил? Да, выходил.

Петлицы, как это сделал маршал Г.И. Кулик (переделся в солдатскую гимнастерку), не сдернул? Не сдернул.

Бойцов, приставших к нему по пути, и своих подчиненных не бросил? Не бросил.

Боеспособную единицу Красной армии из своего отряда создал? Создал.

К фронту целенаправленно пробивался? Пробивался.

Шел с боями? С боями. Во всяком случае, когда без боя пройти тот или иной рубеж было нельзя, от схватки не уклонялся.

Дисциплину в своем отряде, который политруки и журналисты потом назовут «сводной дивизией», держал? Держал.

Люди шли с оружием? С оружием.

Раненых не бросали? Не бросали.

Из окружения вышел? Вышел.

Людей вывел? Вывел.

Перед прорывом через линию фронта его группа соединилась с более многочисленной группой окруженцев, которой командовал бригадный комиссар военком 91-й Ачинской стрелковой дивизии Шляпин. Шляпин, как младший по званию, передал командование генералу Болдину. Из этого впоследствии родилась версия о том, что, мол, Болдин присвоил чужую славу, так как группа Шляпина была более многочисленной, что не такой уже герой генерал...

Конечно, группа комиссара Шляпина была более многочисленной. И бойцы в ней были посвежее, и раненых меньше. Потому что в окружение они попали недавно и неподалеку. А те, кто шел с Болдиным, преодолели путь в сотни километров. Суть подвига генерала Болдина заключалась не в количестве выведенных им через линию фронта и спасенных для Красной армии солдат, а в том, что он, руководимый долгом, присягой и командирской волей, их вывел и вышел сам.

Кстати, это был тот самый комиссар Николай Алексеевич Шляпин, которого вскоре назначили членом Военного совета 50-й армии Брянского фронта. Погибнет он в очередном окружении, в октябре 1941 года во время выхода из Брянского котла. Погибнет вместе с командармом М.П. Петровым.

Конечно, тот факт, что впоследствии генерал Болдин даже не упомянул бригадного комиссара

Шляпина в своих мемуарах, в той самой главе, в которой подробно описан его рейд от границы до Духовщины, чести ему не прибавляет.

После выхода из окружения Болдин получил назначение на ту же должность – заместителя командующего войсками Западного фронта, – только к другому командующему, генералу И.С. Коневу. Именно генерал Конев в августе командовал 19-й армией и организовывал встречный удар для прорыва группы Болдина, выходящей из окружения. Вскоре Конев назначили комфронтom. А Болдина – заместителем командующего. Случайных людей рядом с собой генерал Конев не держал. Это был твердый и жесткий характер.

Еще один штрих: практически все командование Западного фронта первого состава (генералы Д.Г. Павлов, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков, С.И. Оборин, Н.А. Клич, С.А. Черных и др.) к тому времени было расстреляно за «трусость, бездействие, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия и боеприпасов противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями фронта, тем самым дезорганизовали оборону страны и создали возможность противнику прорвать фронт советских войск».

Не будем сейчас кидаться в рассуждения о том, было ли это решение Ставки справедливым. Времена меняются, они меняют и наше отношение к некоторым фактам истории. А потому задним числом, когда это совершенно безопасно, хочется подправить историю. Потому что тем, кто теперь у власти, чтобы выглядеть лучше, чем есть на самом деле, всегда удобнее

поглядывать на своих предшественников свысока и указывать на их жестокость, на их ошибки и просчеты.

В октябре 1941 года Западный фронт был разбит за несколько дней. «Тайфун» разметал наши армии и дивизии. Огромное количество войск оказались в котлах под Вязьмой, Рославлем и Брянском.

Когда фронт затрещал, Конев приказал Болдину возглавить ударную группу для осуществления контрудара. История повторилась почти один в один. Удар группы Болдина намеченной цели не достиг. Дивизии, которыми он командовал, были разбиты и оттеснены. Хотя сражались упорно и даже имели некоторый успех. Болдин с группой офицеров его штаба попал в окружение. Из окружения вышел 5 ноября. Был ранен в руку.

После госпиталя – 50-я армия. Тульское противостояние.

Если быть объективным и честным, основной пик боев за Тулу к моменту назначения генерала Болдина на должность командарма миновал. Его вынес другой генерал – Ермаков. Именно на генерала Ермакова упала вся тяжесть атак авангардов Гудериана в октябре и начале ноября 1941 г. на Тульском направлении. Болдин принял от Ермакова уже живой и действующий организм армии. Это была уже армия дерущаяся, опасно и результативно контратакующая, а не огрызающаяся на атаки противника, не отступающая в беспорядке с неясными перспективами.

Пиком военной карьеры генерала Болдина было лето 41-го и декабрь того же 41-го года. Летом он вышел из окружения и «попал» в приказ Сталина. Во время контрнаступления под Москвой мощно потеснил 2-ю

танковую армию Гудериана и передовым авангардом захватил Калугу.

По поводу взятия Калуги существуют некоторые сомнения в том, что Калужская наступательная операция была проведена 50-й армией успешно. Результаты узкого прорыва подвижной группы генерала Попова свидетельствуют о том, что – да, операция закончилась успехом наших войск. Калуга была отбита у противника. Хотя сдавать он ее не собирался. Но успех Калужской кампании был следствием успеха частей левого крыла Западного фронта, которые захватили Козельск и глубоко продвинулись вперед, опасно нависнув над калужской группировкой противника с юга. Жуков же был недоволен темпами наступления 50-й армии. Медленное продвижение вперед не позволило проводить действия на отсечение немецких группировок, на дробление их с последующим уничтожением.

И еще один эпизод, касающийся Калужской наступательной операции. Почетный гражданин города Жукова Калужской области, фронтовик, земляк маршала Г.К. Жукова, В.П. Семин вспоминал: «В 1973 году... мы привозили Жукову из деревни картофель, ягоды и прочие дары природы. Нас Георгий Константинович умолял все оформлять по документам. Сам принимал товары и расписывался на документах для оплаты». Маршал принял земляков, как водится в наших краях, за столом. Выпили, разговорились. Земляки привезли альбом с фотографиями, рассказывающими о том, как в Калужской области чтут героев войны, как воспитывают молодежь. И вот: «Жуков сквозь лупу рассматривал фотографии. Вдруг нахмурился и спросил у меня: «Болдин тоже почетный гражданин города Калуги? – и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Он же самый плохой

командующий армией за всю войну. Он командовал ударной группой, бравшей Калугу. Она понесла большие потери и с опозданием на два дня взяла город. Напишу в ЦК партии о несправедливости». Я заметил: «Георгий Константинович, но в Калуге есть школа, носящая имя генерала Болдина». «В таком случае писать не буду», – смягчась, сказал маршал и взял в руки другую фотографию».

Поразительно, как прочно хранил маршал Жуков в своей памяти ход такой небольшой операции, каковой, в сущности, была Калужская наступательная, как точно называл даты и сопрягал мгновенно причины со следствиями. Видимо, картины сражений, во всем их грандиозном масштабе и величии, стояли потом перед ним всю оставшуюся жизнь до последних дней. Калужане, проводя в 1971 году празднование 600-летия своего города, присвоили своему знаменитому земляку звание почетного гражданина. Но по какой-то причине Жуков не приехал на праздник и этого титула от земляков не принял. Говорят, это было связано с историей его травли при Хрущеве, когда именно земляки в областной партийной газете «Знамя» выступили с осуждением поведения маршала и таким образом «подказали» Политбюро, как поступить со строптивым военным...

Лето 1942 года для 50-й армии было периодом тяжелых позиционных боев. Шла рубка подо Ржевом. Назревало противостояние под Сталинградом. А здесь надо было держаться. Весной армия переживала тяжелейшие дни. Растянутые коммуникации, разбитые дороги, нерасторопность тыловых служб привели к тому, что дивизии первого эшелона остались без продовольствия и боеприпасов. Были случаи гибели

солдат от истощения. Но это уже хронологически другой период, куда наше повествование не заходит. А жаль. Стоило бы рассказать о подкопе под Зайцеву Гору. Не найдя сил и средств захватить артиллерийские высоты на Варшавском шоссе, в том числе и в поддержке танков и артиллерии, генерал Болдин приказал делать... подкоп под центральную, господствующую высоту – Зайцеву Гору. Воюй генерал Болдин эдак в XIII–XV веках, быть бы ему известным воеводой, вроде князя Михайлы Воротынского, подкопом (сапой) взявшего крепость Казань. Но время, как видим, обошло нашего воина.

Летом 1943 года 50-я армия в ходе сражения на Орловско-Курской дуге действовала в районе Жиздры и станции Зикеево в направлении Людинова и Сеци против 55-го армейского корпуса 2-й танковой армии генерал-полковника Вальтера Моделя. Армия наносила вспомогательный удар, обеспечивая левый фланг 11-й гвардейской армии.

Зимой 1945 года 50-я армия действовала в составе 2-го Белорусского фронта. 13 января началось наступление в Восточной Пруссии. С самого начала Восточно-Прусской операции армия генерал-полковника (с 15 июля 1944 года) Болдина не имели продвижения, упершись в немецкую оборонительную линию вдоль Августовского канала. Вот как пишет о событиях февраля 45-го в своих мемуарах «Солдатский долг» командующий войсками 2-го Белорусского фронта маршал К.К. Рокоссовский: «Совершив поворот на север и северо-восток, мы довольно быстро продвигались к морю. Чтобы задержать войска 2-го Белорусского фронта, враг стал стягивать на это направление силы с южного участка своей обороны, проходившей по Августовскому каналу, оставляя там лишь слабое

прикрытие. Командование 50-й армии не заметило вовремя этого маневра и продолжало докладывать в штаб фронта, что неприятель держится крепко. Только через два дня разведка боем показала, что перед армией – пустое место. Последние мелкие группы гитлеровцев поспешно уходили на север. Такое упущение нельзя было простить командарму. В командование 50-й армией вступил начальник штаба генерал Ф.П. Озеров. Упоминаю об этом моменте потому, что в ряде трудов он описан неправильно. Неверная информация дорого нам стоила. Мы были вынуждены раньше времени ввести в бой 49-ю армию, которая, не случись этого, могла бы быть использована более целесообразно. А 50-й армии пришлось форсированными маршами догонять оторвавшегося противника» [96] .

В апреле 1945 года Болдина назначили заместителем командующего войсками 3-го Украинского фронта. В этой должности он встретил Победу.

После войны командовал 8-й гвардейской армией, войсками Восточно-Сибирского военного округа, был заместителем командующего Северо-Кавказским военным округом. С 1958 года – в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, как ее именовали – «райская группа».

Награжден: двумя орденами Ленина, тремя – Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

Имя генерала И.В. Болдина носят улицы в Калуге, Могилёве, Туле. И – вполне заслуженно.

Оставил мемуары – книгу «Страницы жизни».

История же позиционных боев в районе Зайцевой Горы весной – летом – осенью 1942-го и зимой 1942/43 года требует отдельного исследования. Если взглянуть на карту боев немного шире, то становится совершенно очевидной вот такая картина: Зайцева Гора после оставления Юхнова была для немцев крайней южной точкой по оси Ржев– Вязьма – Варшавское шоссе, которую сдавать было нельзя ни при каких обстоятельствах. В противном случае ось подламывалась. В марте 1943 года, когда немцы решат уйти из Ржева, оставлена будет и Зайцева Гора. Но мы оставляем наших героев из 50-й армии в тот момент, когда до отхода противника на новые позиции (операция «Бюффель») оставалось около года. Затяжные, истощающие последние силы батальонов и рот, зачастую не усиленные артиллерийской поддержкой, эти атаки еще лежат на архивных полках, в ямах и воронках в лесах Барятинского, Спас-Деменского и Куйбышевского районов Калужской области рядом с безымянными костями своих героев.

Но их время еще настанет.

Немцы так и не смогли запечатать котел со всех сторон сильными отрядами с артиллерией и танками. Часть окруженных числом до полка организовала прорыв, смела пехотный взвод с тремя пулеметами и ушла в сторону основной обороны.

Чтобы тем же маршрутом не воспользовались другие группировки, мелкие группы и одиночки, по периметру коридора были оставлены снайперы. На большее сил не хватало.

Обер-ефрейтор гренадерской роты Норберт Франке занял свою позицию еще утром, до появления русских.

Когда они повалили сплошным валом через открытое пространство, он буквально за две-три минуты расстрелял обойму. Но другую заряжать не решился. Пять пуль он выпустил точно, без промаха. Пять Иванов споткнулись, выпали из потока и теперь лежали, медленно покрываясь сизым инеем, на затоптанном снегу. Вполне достаточно для того, чтобы очередную охоту считать удачной.

И когда на просеку вышел еще один иван со своим полуживым товарищем на спине, обер-ефрейтор задумался. Винтовку он зарядил. Но стоило ли добивать этих бедолаг, опоздавших в прорыв? Все равно они далеко не уйдут. Замерзнут в каком-нибудь ближайшем овраге.

Он поднял к глазам бинокль и начал рассматривать бредущих.

Раненого нес коренастый красноармеец лет сорока. Раненый был завернут в одеяло. И это показалось старшему ефрейтору весьма трогательным. Такого он еще не видел. Разведка сообщила: там, в лесу, иваны устроили госпиталь, раненых много, больше двух тысяч. Но санитарного обоза во время прорыва Норберт Франке не наблюдал. Значит, раненые брошены. Большевики делали это и осенью прошлого года. Жутко было смотреть.

А этот тащит. Должно быть, уверен, что дотащит. Кто они друг другу? Возможно, никто. В окопах, месяц назад, познакомились.

Однажды Норберту тоже пришлось тащить на себе раненого напарника. Наблюдателя. Случилось это в ноябре, на Оке. С тех пор он ходит на охоту один.

Раненого товарища бросить невозможно. Даже если у самого сил нет.

Коренастый словно что-то почувствовал. Начал оглядываться. Конечно, почувствовал. Вот оглянулся в его сторону, и Норберту Франке показалось, что взгляды их встретились.

«Если сейчас он бросит раненого и схватится за винтовку, я прикончу их обоих», – подумал обер-ефрейтор Франке. Тогда на его счету эти два ивана закроют ровно две дюжины.

Своего напарника он тогда донес до лазарета. За что и повышен в звании.

«Нет, русский не думает стрелять. Должно быть, понял, что это бессмысленно. Неужели он рассчитывает на мое великодушие? Что ж, и Иванам не чуждо чувство фронтового товарищества...»

Обер-ефрейтор Франке продолжал наблюдать за бредущими в бинокль.

Через несколько минут, когда русские исчезли среди берез, он подумал уже о другом: внизу, под сосной, был прикопан в снегу его ранец, в котором лежали кусок колбасы, хлеб и термос с горячим кофе. Это теперь занимало больше. Такова сущность солдата. А Норберт Франке был солдат. И, как он считал, хороший солдат. Именно такими, как он, гордилась Германия и добилась того, что теперь весь мир трепещет перед ее марширующими армиями.

Отяпов вышел к своим, уже когда совсем стемнело. Когда входили в землянку, Отяпов подумал: винтовку не отнял, значит, арестовывать не будут...

Приложения

№ 1

Командующему Брянским фронтом Боевое донесение № ог/02 опергруппа 50 армии

«Хут. ПОЛЯКОВА к 20.00 2.10.41 Карта 100 000

ПЕРВОЕ. В 6.00 2.10.41 г. крупные силы противника перешли в наступление на всем фронте армии. Главный удар противник наносит на участке 217 и 279 сд, вспомогательный – на участке 260 сд, имея целью обойти Рославль – Брянское шоссе и овладеть районом Брянск. в) Авиацией нанести удар по группировкам противника в районах Глуховка, Семеновка, Владимировка, Нов. Загорье, Шустово.

Командующий 50 армией майор *Гаран* [97] .

№ 2

Из дневника майора НКВД Ивана Шабалина

*В немецких архивах, захваченных нашими войсками в Германии, был обнаружен дневник майора государственной безопасности И.С. Шабалина. **Пометка на архивном документе** : «Па этом заканчивается дневник. Па следующий день 20.10.41 года ШАБАЛИН встретился с генерал-майором ПЕТРОВЫМ вместе с которым погиб юго-западнее Пассеки (название не очень разборчиво) в 16.00 часов» [99].*

СПРАВКА ШАБАЛИН Иван Савельевич (1902–1941). Из крестьян. Родился в д. Яморка Яранского уезда Вятской губернии. Русский. Окончил сельскую школу в с. Никулята Яранского уезда в 1914 г. Работал летом в хозяйстве отца, зимой – у кустика-портного учеником и подручным. Призван в армию – рядовой 1-го Вятского территориального полка. В РКП(б) с апреля 1926 г. Член ВЛКСМ в 1925–1927 гг. В РККА: старшина роты 166-го стрелкового полка. Участник Гражданской войны. С февраля 1929-го – в органах ОГПУ-НКВД. Заведующий секретной перепиской. Окончил Центральную школу ОГПУ СССР. Последняя предвоенная должность – нарком государственной безопасности Бурят-Монгольской АССР. 23 сентября 1941 г. присвоено звание майор государственной безопасности.

Некоторые исследователи предполагают, что «дневник майора НКВД Шабалина» – немецкая фальшивка. Вряд ли. Все очень правдиво и точно.

№ 3

Оперативная сводка № 96 к 3.00 1.12.41
штаба 50-й армии в штаб Западного фронта
«Штарм 50. Действующая армия. Карта 100 000.

ПЕРВОЕ. Армия в течение ночи вела разведку противника, боевых действий не вела. д) связи нет – 108 тд, 11 тбр и 239 сд.

Нач. штаба 50 армии полковник *Почема» [100]*.

№ 4

**Оперативная сводка № 118 к 3.00 12.12.41
штаба 50-й армии в штаб Западного фронта**

«Штарм 50. Действующая армия. Карта 100 000

**ПЕРВОЕ. Армия в течение ночи вела бои на всем
фронте. г) 112 тд, 32 тбр и 31 кд – радио.**

Начальник штаба 50 А полковник *Почема*» [101]

№ 5

Из записки «Об обстановке на фронте в районе города Тулы и о работе заградительных отрядов Особого отдела НКВД 50-й армии»

«По вашему приказанию выездом на место в г. Тулу проведенной разведкой через группу оперативного состава и личным выездом на линию обороны г. Тулы установлено: По постановлениям Особых отделов НКВД расстреляно 38 дезертиров. 31 октября 1941 г. в г. Тула была попытка начать грабежи. Особым отделом НКВД 50-й армии из числа грабителей двое публично расстреляны. Произведенные аресты и расстрелы дезертиров и грабителей дали возможность быстро восстановить порядок в городе».

№ 6

Из дневника доктора М.В. Устрялова

Михаил Васильевич Устрялов – известный в Калуге врач-психиатр, выпускник медицинского факультета Московского университета 1918 года. Брат расстрелянного в 1937 году Н.В. Устрялова, выпускника юридического факультета Московского университета, философа, автора теории национал-большевизма, активно работавшего в правительстве Колчака.

28. XI. 1941 г. Пятница Первый номер «Нового Пути» помечен почему-то завтрашним числом, 29 ноября. Газета еженедельная, но я слышал, что перейдет на выпуск 2 раза в неделю.

2. XII. 1941 г. С неделю уже, как объявлено о регистрации всех безработных во вновь организуемом Бюро труда. Должны регистрироваться мужчины от 14 до 60 лет и женщины от 16 до 50 лет. Неясно, должны ли регистрироваться лица, почему-либо не могущие или не желающие работать. Раньше сообщалось, что население этого возраста может быть привлечено к трудовой повинности: освобождаются лишь больные с соответствующими справками. При горполиклинике устроена комиссия освидетельствования на предмет освобождения от трудовой повинности.

3. XII. 1941 г. По карточкам 3-й день дают: спички 10 кор., 1 кг соли или по 1 кг соленых огурцов и помидоров. Дают лишь по карточкам 1-й категории: работающим или главам семьи. Очереди большие, сначала давали только в бывшем Раковском магазине, но сегодня открыли 3 или 4 пункта. Мы еще не получали.

Весь «паек» стоит 3 р. 20 к. Хлеба или зерна давать пока, видимо, не будут. Зато заявляют о предполагаемом открытии широкой сети столовых общественного питания. По радио призывают вернуть разграбленный инвентарь столовых; заявляют о покупке у частных лиц кухонной и столовой посуды. Похоже, что не очень скоро эти столовые откроются... [104]

8. XII.1941 г. Электричества по-прежнему на нашей улице нет.

9. XII.1941 г. Сейчас Лёва был у Пестриковой и услышал немецкую радиопередачу о том, что Япония вступила в войну и произошло уже морское сражение с американским флотом. Слышно было плохо, т. к. пестриковская трансляция, также как и кузнецовская, действуют на одном проводе, а другой оборван.

10. XII.1941 г. В больнице электричество горит. В кабинете и палатах тепло. Гудит ветер.

11. XII.1941 г. В последних немецких сводках говорится о боях «местного значения» на Восточном фронте и указывается на наступившую «русскую зиму» [109] .

15. XII.1941 г. Вчера я носил (во 2-й раз) в редакцию «Нового Пути» сочинения Розанова [110] , согласно объявлению в № 2. Опять не было сотрудника, который хотел эти книги купить. Я оставил свой адрес. В 3 часа дня он сам (Зубковский) пришел ко мне. Оказывается, это муж одной из дочерей – Наталии – священника Ф.Д. Соколова. Поговорили. Денег с него я не взял; он обещал доставить несколько немецких журналов, а в дальнейшем даст прочесть русскую газету, издающуюся в Берлине; даст книгу русского эмигранта-беллетриста: «9-е термидора» [111] . Вообще,

обещает снабжать интересными изданиями, хотя бы для прочтения. По-видимому, русские эмигранты в Германии, издающие газету, придерживаются взглядов бывших «умеренно правых», отрицательно относятся к Милюкову, пишут, что Россия будет «восстановлена»: создано большевиками положение, что восстановлена она может быть лишь при помощи Германии, т. е. признают, что будущая Россия окажется в длительной зависимости от немцев. Может быть, это германофильство – по необходимости: ведь в Берлине печатаются.

18. XII.1941 г. Завтра – Николин день. В Николо-Козинской церкви звонили ко всенощной в 3-м часу и после. Колокола мелкие. Больше 20 лет не слышали мы колокольного звона. Народу в церкви бывает масса. Нина из любопытства пошла в 3.30 часов с Полей Силаевой, но вернулись, не дойдя до церкви: стало сильно темнеть. Вероятно, и в Георгиевской церкви звонили колокола (тоже мелкие), там давно повешены [113].

19. XII.1941 г. Немцы, однако, готовятся праздновать в Калуге Рождество. Сегодня по радио объявили о сборе на завтра музыкантов и работников искусства по вопросу о проведении праздничных вечеров, приглашаемых перечислили по фамилиям, в их числе – Павлишак [115].

21. XII.1941 г. Ложились не раздеваясь.

22. XII. 1941 г. Днем сегодня был дан выстрел из винтовки в окно рыбаковской квартиры, выходящее во двор. Пуля пробила стекло, нашу стену и диван, сделав в нем дырку. Людмила и Ляля были в столовой, я с Ниной

в комнате Надежды Ивановны. Из людей никто не пострадал.

23. XII.1941 г. Стрельба шла уже порядочная. Летали немецкие самолеты, из окна было видно, как они за рекой пикировали, после чего слышались разрывы бомб, шла пулеметная стрельба.

24. XII.1941 г. 10 час. вечера. Кажется, советские войска отступили. Стрельба прекратилась. Силаева-мать получила распоряжение явиться завтра на работу (она работает на водокачке), ей сказали, что советские войска отошли к деревне Большие Козлы (километров 13). Можно надеяться, что выселяться не придется. Часов в 5 утра разорвался снаряд... где-то близко; стекла, однако, в нашем доме целы. Мы перешли в коридор, в дальнейшем не было близких разрывов и вообще, должно быть, стрельбы по городу. Часа через два пришла весть об отходе советских войск.

25. XII.1941 г. Сказать «мы живем как на вулкане» было бы неверно. «На вулкане», несомненно, жить гораздо спокойнее.

2 ч. ночи 25–26.XII. 1941 г. Поднялся я во втором часу ночи из-за внезапно поднявшейся сильной орудийной пальбы. Минут через 10–15 стало просвечиваться за оконной занавеской, как я и подумал (не впервые это пожар против наших окон за домом Петрухиных; ярко освещен Краузовский дом). Горит приблизительно район дома Кусковых. Есть небольшой ветер, восточный. На всякий случай оделся (спал я сняв лишь шубу, куртку и валенки). Сильная стрельба продолжалась менее 16 минут. Пожар пошел на убыль минут через 25. Сейчас (21/2 час.) он совсем почти прекратился. Весьма сомнительно, чтобы ближний пожар

произошел из-за попадания снаряда. Артиллерия стреляла едва ли не исключительно в «нашей», т. е. немецкой, стороны. Может быть, подготовка атаки? Сейчас – редкие выстрелы. Пулеметной стрельбы не было слышно, но ведь в окнах двойные рамы и с линии фронта они могли бы не докатиться.

28. XII.1941 г. Мы выселены. Вчера в 1 ч. дня явились немцы и приказали всем жильцам дома немедленно выбраться. Для устрашения стреляли из автомата (в пол). Вещи были у нас заранее упакованы, и мы через 3–4 минуты были уже во дворе с нагруженными санками и кульками в руках. С нами вышли Надежда Ивановна и Рахманов с матерью. Масленниковы до этого пошли в Горуправу (Нина Сергеевна накануне сказала Мите, что для них все устроено, нужно обратиться 28-го к такому-то лицу в Управе, который получил указание).

29. XII. 1941 г. Понедельник По слухам, советские войска продвигаются к Калуге и с востока (из Турынина гонят немцы жителей), и с запада: на Угре прошлой ночью был будто бы бой. Удерживаются они и за рекой под городом. Советских самолетов не замечается, немецкие – летают иногда.

30. XII.1941 г. Сегодня ночью красные войска заняли Калугу. Радостно это освобождение от немцев! Всюду оживление, красноармейцев приветствуют. Вчера вечером было много взрывов и пожаров. Сожжена бывшая детская поликлиника на Интернациональной улице и другие каменные здания: Московские казармы и другие; какие, пока точно не знаю. Была необыкновенная тишина вечером и в начале ночи; в 1-м часу часто стреляли из пулеметов и винтовок; потом опять тихо. Когда рассвело, мы выглянули наружу из парадной

двери, и оказалось, что идут красноармейцы. Тотчас же я, Лева, Ляля и Нина пошли домой узнать, что там творится. Двери квартир (кроме Горомовой и дроздовской) взломаны или открыты (кузнецовская – был ключ в двери), всюду, а особенно у нас, полный хаос: все перерыто, разбросано по полу. Искали, видимо, мелкие ценные вещи, а крупные не утащили. Это немцы понаделали.

2.1.1942 г. Принес также № «Правды» от 28/XII. Командиры передавали, что все три командующих фронтами (Ворошилов, Тимошенко, Буденный) по-прежнему на своих постах [121] . Правительство в Куйбышеве, но Сталин в Москве.

3.1.1942 г. По пути немецкого отступления многие деревни сожжены неприятелем почти полностью. Это касается, главным образом, деревень на северном берегу Оки, т. к. на южном близ Калуги продвижение советских войск было быстрым, и больших боев не было. Мы слышали про сожжение Грабцева, Городни, Кузьминок, Бунакова, Турынина, Ждамирова (Калужки) и других. Крестьяне передают, что в последние дни перед отходом немцы вели себя нахально и жестоко, так что крестьяне уходили из своих домов, боясь показываться немцам на глаза.

5.1.1942 г. Вчера устно передавали из военных кругов, что нами взяты города Малоярославец и Орёл [122] . В «Правде» от 1/1 помещено описание боев в Калуге. Были будто сильные бои на улицах, у немцев были укрепления, противотанковые рвы заграждения и проч. Некоторые центральные улицы переходили из рук в руки. Участвовали с нашей стороны танки. В этом описании, несомненно, есть преувеличение и сгущение красок.

7.1.1942 г. У Силаевых, также у Сатыковой и Дроздовой живут военные командного и хозяйственного состава. Силаевы сегодня готовили им обед из 3 кур и гуся, были накормлены сами и с ними вместе, также с военными угостилась наша Нина.

11.1.1942 г. Орудийных выстрелов 2 дня не слышно. Немцы выбиты из близких мест, где они упорно

сопротивлялись. Со слов командиров Красной Армии, стоящих в нашем доме, было подвезено несколько (будто бы 29) наших оригинальных смертоносных орудий («Марии Ивановны») [124], при помощи которых удалось выбить немцев.

17.11.1942 г. Вторник Леля ходит в школу, но бывает только на 1—2-м уроке, в классах очень холодно. Нет преподавателя немецкого языка, т. к. «кнопку» и Лидию Леонардовну не приняли опять учительницей. Вообще чуть ли не во всех школах отсутствуют учителя немецкого языка. Причина, по-видимому, та, что при немцах все они устроились переводчиками: например, «кнопка» была переводчицей в Земской Управе, а Лидия Леонардовна (не знаю фамилии) – в лагере для военнопленных.

14.11.1942 г. М.В. Устрялов владел гипнозом.
После расстрела брата и ссылки свояченицы Натальи Сергеевны Устряловой (в девичестве Блистановой) дети их, Евгений и Сергей, жили в семье М.В. Устрялова.

№ 7

Отчетный доклад о работе Калужского городского отдела УНКВД Тульской области за период с 1 января по 20 июля 1942 года [127]

«30 декабря 1941 года Калужский городской отдел НКВД вместе с передовыми частями Красной Армии, когда город был еще не освобожден, прибыл в г. Калугу. С этого же времени оперативный состав, состоящий из пяти человек, приступил к исполнению возложенных на него задач. С целью очистки города и района от возможного оставления немцев, выявления шпионов, диверсантов и другого преступного элемента, а также изъятия у населения оружия и трофейного имущества за период с 30 декабря 1941 по 10 марта 1942 года проведено 12 массовых операций с привлечением полка НКВД и других войск, расквартированных в городе. В результате проведенных операций задержано 544 человека» [128] .

№ 8

Протокол № 2/1 комиссии Академии архитектуры СССР по охране и восстановлению архитектурных памятников г. Калуги от 4 апреля 1942 года

«Заслушав сообщение бригады экспертов в составе архитекторов А.С. Фуфаева и В.И. Гридина, при участии председателя горисполкома г. Калуги тов. А.Д. Тимарёва, директора краеведческого музея тов. А.В. Зиновьева и заведующего историческим отделом того же музея тов. В.И. Извекова, проводившей 26 марта – 2 апреля обследование состояния архитектурных памятников г. Калуги после освобождения его Красной Армией от немецких захватчиков и изучения характера и размера разрушений, причиненных этим памятникам в результате оккупации города германо-фашистскими войсками, Комиссия по охране и восстановлению архитектурных памятников установила: 3. Принять участие в составлении проектов и архитектурной консультации по восстановлению и реставрации наиболее ценных архитектурных памятников г. Калуги, в первую очередь здания Гостиного Двора.

Комиссия Академии архитектуры СССР по охране и восстановлению архитектурных памятников:

председатель комиссии – член-корреспондент Академии архитектуры СССР архитекторы *А.С. Фуфаев и В.И. Гридин*» [129].

№ 9

Боевой приказ командующего войсками 50-й армии № 72 на наступление в районе Зайцева Гора,

Екатериновка в ночь на 22.4.1942 г. (20 апреля 1942 г.)

Серия «Г» Боевой приказ № 72 шторм 60 Красниково 20.4.42. 12.00

Карта 100 000 – 39 г.

«ПЕРВОЕ. На фронте армии противник в прежней группировке активными действиями пехоты и танков во взаимодействии с боевой авиацией продолжает удерживать прежние опорные пункты сопротивления. ВОСЕМНАДЦАТОЕ. Мой НП – в Зимницы. Шторм – Красниково.

Командующий войсками 50 А полковник *Гришин*»
[130].

№ 10

Оперсводка № 378 к 13.00 22.4.42 шторм 50

Карты 100 000, 50 000

«1. Войска ударной группы 50 А с 2.00 22.4.42 г. возобновили наступление на участке Строевка, Фомино 2-е, выс. 269,8, отдельные домики (2 км юго-зап. Фомино 1-е), Гореловский, Малиновский, Прасолово с целью овладения Варшавским шоссе на участке Зайцева Гора – Екатериновка. 17. Обзор погоды: от 00 до 12.00 22.4.42 г. – ясно, в конце срока – высокая полупрозрачная облачность. Видимость хорошая, ветер – юго-западной четверти горизонта 2–6 м/сек. Температура воздуха +4° с повышением до +14°.

Начальник штаба 50 А капитан *Шигал» [131]*.

№ 11

Верховному главнокомандующему т. Сталину
командующему войсками Западного фронта т.
Жукову

Боевое донесение № 25 штаб 50 22.4.42
22.30

Карта 100 000, 50 000 8. Войска армии в течение
ночи с 22 на 23.4.42 г. продолжают вести наступление.

Командующий войсками 50 А полковник *Гришин»*
[132].

Список принятых сокращений

А – армия

ВВС – военно-воздушные силы

вдк – воздушно-десантный корпус

гап – гаубичный артиллерийский полк

зсп – запасной стрелковый полк

кап – конноартиллерийский полк

кд – кавалерийская дивизия

кк – кавалерийский корпус

кп – кавалерийский полк

мк – механизированный корпус

МСБ – мотострелковый батальон

МСП – мотострелковый полк

НКВД – Наркомат внутренних дел

НКПС – Наркомат путей сообщения

пд (ПД) – пехотная дивизия

пп (ПП) – пехотный полк

ПТО – противотанковое орудие

РКМ – районный комитет милиции

сд – стрелковая дивизия

ск – стрелковый корпус

СП – стрелковый полк

тбр – танковая бригада

тд – танковая дивизия

УР – укрепрайон

Библиография

Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. М.: 2009.

Болдин И.В. Страницы жизни. М.: Воениздат, 1961.

Гальдер Ф. Военный дневник. М.: АСТ, 2003.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

Гущина Н.В., Унтилов А.Я. Калуга. Сорок первый год... Калуга, 2012.

Комаров Д.Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Смядынь, 2004.

Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М.: ЭКСМО, 2006.

Пилихина А.А. Маршал Жуков. Фрагменты прошлого. Калуга: Золотая аллея, 2011.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Военное издательство, 1997.

Сапожников В.В. Уходя в поисковые дали... Калуга, 2003.

Северин М., Ильюшечкин А. Решающий момент Ржевской битвы. М.: ЭКСМО, 2010.

Рейнхардт К. Поворот под Москвой. М.: Вече, 2010.

Устрялов М.В. Повседневная жизнь калужан в годы войны. Дневник врача. 1941–1944 гг. Калуга: Золотая аллея, 2010.

Примечания

1

Подробнее о боях в районе Калуги читайте в книге: *Михеенков С.Е.* Серпухов. Последний рубеж. 49-я армия в битве за Москву. 1941. М.: Центрполиграф, 2011.

2

Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 1941 года. М.: Яуза, 2006. С. 346.

3

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 157. Л. 53.

4

Там же. Ф. 48а. Оп. 154. Д. 91. Л. 356.

5

Там же. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 3. Л. 29.

6

Там же. Л. 1–3.

7

К р е й з е р Яков Григорьевич (1905–1969) – советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза. Родился в Воронеже в еврейской семье. В Красной армии с 1921 г. С 1928 г. в 1-й Московской Пролетарской стрелковой дивизии. Прошел все ступени от командира взвода до комполка. В 1940 г. – командир 172-й стрелковой дивизии. Войну встретил в должности командира 1-й мотострелковой дивизии в районе Борисова. В июле 1941 г. ранен и эвакуирован в тыл. За летние бои получил звание Героя Советского Союза. В августе 1941 г. получил звание

генерал-майор. В августе назначен на должность командующего 3-й армией. В 1942 г. окончил ускоренный курс Академии Генерального штаба. Некоторое время командовал 2-й гвардейской армией. Генерал-лейтенант (1943). С августа 1943 г. – командующий 51-й армией, с которой участвовал в освобождении Донбасса, Крыма, Прибалтики. В годы войны был членом президиума Еврейского антифашистского комитета. В 1945 г. присвоено звание генерал-полковник. После войны командовал 7-й армией, служил на Дальнем Востоке, на Урале, в Забайкалье. В 1953 г. во время «дела врачей», будучи вызванным в ЦК, наотрез отказался подписать «Письмо представителей еврейской общественности», требующее смертной казни для арестованных врачей-евреев. Генерал армии (1962). Похоронен на Новодевичьем кладбище.

8

О возможной утечке информации через линию фронта из Генштаба см. первую книгу серии «Забытые армии...» «Серпухов. Последний рубеж».

9

Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. Дневник командующего группой армий «Центр». М.: 2009. С. 190–192.

10

Там же. С. 192.

11

РПД – ручной пехотный Дегтярёва. Ручной пулемет, которым были вооружены стрелковые части Красной

армии. Основной пулемет нашей пехоты в годы Великой Отечественной войны.

12

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 234.

13

Ф о к а н о в Яков Степанович (1899–1981) – генерал-лейтенант. Родился в д. Кононово Устюжинского уезда Новгородской губернии. Русский. В РККА с 1919 г. Участник Гражданской войны – в отряде лыжников Петроградского гарнизона. Участник подавления Кронштадтского мятежа. Окончил полковую школу (1920), 7-е Петроградские пехотные курсы красных командиров (1921), Киевскую объединенную военную школу им. главкома С.С. Каменева (1925), Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел» (1938), ВАК при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (1947). Прошел путь от командира стрелкового и пулеметного взводов до командира стрелкового корпуса. Войну встретил в должности командира 154-й стрелковой дивизии. В составе 21-й армии дивизия вела тяжелые оборонительные бои под Рогачёвом и Жлобином. Участвовала в Орловско-Брянской и Тульской оборонительных операциях, освобождала Калугу. В августе

1942 г. в составе 3-й танковой армии участвовала в контрударе в районе Козельска. Преобразована в 47-ю гвардейскую стрелковую дивизию. С апреля 1943 г. – командир 29-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии. С корпусом дошел до Победы. После войны служил на Дальнем Востоке, в Сибири.

Трубников Кузьма Иванович (1888–1974) – генерал-полковник. Родился в с. Гатище Ливенского района Орловской губернии. В Первую мировую войну поручик. Кавалер четырех солдатских Георгиевских крестов. В РКЮ с 1918 г. В Гражданскую командовал взводом, ротой, батальоном, полком, бригадой. В 1927 г. окончил КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе. Командовал дивизией. В 1938 г. арестован. В марте 1940 г. восстановлен в рядах РККА. В июле 1941 г. назначен в 258-ю стрелковую дивизию. С ноября 1941 г. командовал 217-й стрелковой дивизией. В 1943 г. замкомандующего Центральным фронтом. Командовал 10-й гвардейской армией. В 1944 г. замкомандующего 1-м Белорусским, затем 2-м Белорусским фронтом. На Параде Победы возглавлял сводный полк 2-го Белорусского фронта. После войны продолжил службу.

Кравченко Иван Яковлевич (1905–1942) – майор РККА. Родился в Киевской губернии в крестьянской семье. Украинец. Окончил сельскую семилетку. Работал почтальоном. В 1925 г. призван в РККА. Окончил школу младших командиров, затем Киевскую пехотную школу (1931), курсы «Выстрел» (1933). Участник похода в Западную Украину (1939) и советско-финляндской войны (1940). Командир стрелковой роты. Отличился при прорыве укрепрайона финских войск 11 февраля 1940 г. В бою принял командование батальоном. Тяжело ранен. Присвоено звание Героя Советского Союза. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Командир 766-го стрелкового полка 217-й стрелковой дивизии. С начала войны на фронте. В августе 1941 г. назначен на

должность командира 956-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии. В октябре 1941 г. попал в окружение и считался пропавшим без вести. В марте 1942 г. назначен командиром 324-й стрелковой дивизии. 7 апреля смертельно ранен в бою на р. Жиздре у д. Клиницы (ныне Думиничский район Калужской области). Награжден медалью «Золотая звезда» № 373, орденом Ленина.

16

[http://117 sd.nsknet.ru/info/](http://117.sd.nsknet.ru/info/)

17

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 21. Л. 17–19.

18

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 45. Л. 310–312.

19

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 45. Л. 6–7.

20

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 51. Л. 403–406.

21

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 3996сс. Д. 1. Л. 36–36.

22

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 21. Л. 427–430.

23

Подзавалье – старинный район на юго-западе Калуги у Оки.

24

Городнянский Михаил Авксентьевич (1896–1942). Родился в с. Талы под Воронежем. В русской армии с 1915 г. Участник Первой мировой войны – старший унтер-офицер. В Красной армии с 1918 г. Член ВКП(б) с 1919 г. Участник Гражданской войны. Командовал ротой, стрелковым полком. В 1924 г. окончил курсы «Выстрел». Командир 101-й стрелковой дивизии (1938). В 1940 г. присвоено звание генерал-майор. Войну встретил командиром 129-й стрелковой дивизии. В составе 16-й армии дивизия участвовала в Смоленском сражении летом 1941 г. С августа 1941 г. – командующий 13-й армией. В январе 1942 г. назначен командующим 6-й армией. В ходе Харьковской операции 1942 г. армия прорвала оборону противника и продвинулась вперед на 50 км. Отрезана, окружена и уничтожена. Командующий погиб во время боя на прорыв. Похоронен немцами на хуторе Орлиноярск.

25

Кудрявцева Евдокия Ивановна – тульская чудотворица и предсказательница. В Туле ее звали Дуняшей. Ей верили, потому что Дуняша действительно предсказала многие события. Похоронена при Никольском храме пос. Временный, что между Тулой и Щёкином. На могилу постоянно приезжают паломники.

26

Вот и прозвучала в оперативных сводках 41-го года эта знаменитая усадьба, не менее известная, чем сама Тула.

27

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 43. Л. 371.

28

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 43. Л. 393–396.

29

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 94. Л. 563–569.

30

Э б е р б а х Генрих (1895–1992) – генерал танковых войск Германии. На службу поступил в 1914 г. фанен-юнкером в пехотный полк. Направлен на Западный фронт. В 1915 г. – лейтенант, командир пехотного взвода. Тяжело ранен в бою, взят французами в плен. Содержался в госпитале в Швейцарии. Бежал. В 1918 г. офицер связи при турецкой армии в Палестине. В том же году взят британцами в плен. За время войны награжден Железными крестами обеих степеней, Рыцарским крестом (Вюртембергским). В 1919 г. отпущен из плена. Поступил на службу в полицию. В 1935 г. вернулся на военную службу. Майор. К началу Второй мировой войны – командир танкового полка, подполковник. Участник Польской кампании 1939 г. Награжден Железным крестом обеих степеней (повторное награждение). Участник Французской кампании. Награжден Рыцарским крестом. В 1940 г. присвоено звание полковник. С 22 июня 1941 г. на Восточном фронте. В составе ГА «Центр» участвовал в боях в Белоруссии, затем на Московском направлении. Командовал 4-й танковой бригадой 4-й танковой дивизии. В декабре 1941 г. награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. С 1942 г. – командир 4-й танковой дивизии. В марте 1942 г. присвоено звание генерал-майор. В ноябре 1942 г. тяжело ранен. После излечения в командном резерве. В январе 1943 г. – генерал-лейтенант. Инспектор танковых войск. С августа

1943 г. – генерал танковых войск. Командовал 47-м, 48-м, 40-м танковыми корпусами. С 1944 г. – командующий 5-й танковой армией. Командующий 7-й армией на Западном фронте. В августе 1944 г. попал в плен к англичанам. В 1957 г. освобожден.

31

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 48. Л. 24–26.

32

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 48. Л. 53.

33

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 51. Л. 16.

34

Более подробно о действиях 49-й армии генерала И.Г. Захаркина и, в частности, 238-й стрелковой дивизии полковника Короткова см. первую книгу серии «Забывтые армии. Забытые командармы». *Михеенков С.Е.* Серпухов. Последний рубеж.

35

Мартиросян Гайк Оганесович (1903–1978) – генерал-майор (1943). Родился в Баку. В красногвардейский батальон вступил в 1918 г. Участник Гражданской войны. С 1923 до 1930 г. служил в Армянской стрелковой дивизии. Окончил Закавказскую военно-политическую школу, затем Военную академию им. М.В. Фрунзе. Некоторое время на штабной работе. Затем командир стрелковой бригады, стрелковой дивизии. Во время битвы за Москву командовал 329-й стрелковой дивизией. В апреле 1942 г. награжден орденом Красного Знамени. Осенью 1942 г. контужен под Ржевом. В 1943 г. – начальник кафедры в Военной

академии им. М.В. Фрунзе. Окончил Высшие академические курсы Академии Генштаба. Вскоре снова направлен на фронт – заместитель командующего 43-й армией, командир 90-го стрелкового корпуса.

36

Терешков Алексей Дмитриевич (1893–1960) – генерал-лейтенант, Герой Советского Союза. Родился в с. Корма Гомельского уезда Могилевской губернии в крестьянской семье. В 1913 г. призван в русскую армию. Унтер-офицер, командир взвода. В Первую мировую – три Георгиевских креста и три Георгиевские медали. В феврале 1917 г. вступил в партию большевиков. Участник Гражданской войны. Командовал ротой, полком. Участник боев на Халхин-Голе и войны в

37

Мартиросян Саркис Согомонович (1900–1984) – советский военачальник. В красногвардейский батальон вступил в 1918 г. Защищал Бакинскую коммуну. До 1939 г. служил в Армянской стрелковой дивизии. Затем переведен в Белорусский военный округ. В 1928 г. окончил курсы при Генеральном штабе. Участник похода в Западную Белоруссию и Прибалтику. В начале войны – начштаба 227-й стрелковой дивизии. В сентябре 1941 г. назначен командиром 340-й стрелковой дивизии. В декабре 1942 г. – генерал-майор. В 1943 г. – командир 50-й стрелковой дивизии. Затем – 73-й стрелковой дивизии. Первый комендант Киева (1943). Герой Советского Союза.

38

Хейнрици Готхард (1886–1971) – генерал-полковник вермахта. Родился в Восточной Пруссии. В 1905 г.

поступил в пехотный полк кайзеровской армии. Участник Первой мировой войны на Западном и Восточном фронтах. Награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. Пострадал от газовой атаки. Во время Второй мировой войны командовал 43-м армейским корпусом. В январе 1942 г. принял командование над 4-й полевой армией. В 1943 г. командовал 1-й танковой армией. За оборону Венгрии в марте 1945 г. получил мечи к Рыцарскому кресту с дубовыми листьями. В 1945 г. командующий ГА «Висла». В апреле 1945 г. отстранен от командования за самовольный отвод войск с занимаемых позиций. В мае 1945 г. сдался в плен англичанам. До 1948 г. в лагере для военнопленных. В октябре 1947 г. три недели провел в лагере на территории США. После войны и лагерей опубликовал свои дневники и письма.

39

Попов Василий Степанович (1893–1967) – генерал-полковник, Герой Советского Союза. Родился в станице Преображенской Хоперского округа войска Донского (ныне Волгоградская область) в казачьей семье. Окончил учительскую семинарию. В 1916 г. призван в русскую армию. Окончил школу прапорщиков. В Первую мировую войну командир взвода в Донском казачьем полку на Юго-Западном фронте. В Красной армии с 1919 г. Во время Гражданской войны – помощник начальника штаба стрелковой дивизии. Воевал в Первой конной армии. Окончил Военную академию РККА (1922), Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (1929), Курсы единачальников в Военно-политической академии им. В.И. Ленина (1931). С 1924 по 1926 г. командовал отдельной кавалерийской бригадой, сражаясь против басмачей в Таджикистане. В 1935 г. – комбриг. До 1937 г. командовал кавдивизией,

затем казачьим кавалерийским корпусом. В 1937 г. защитил кандидатскую степень по теме «Действия кавалерийского корпуса в прорыве». С 1939 г. на преподавательской работе. Участник советско-финляндской войны. В 1940 г. присвоено звание генерал-майор. В начале Великой Отечественной войны – командир 28-го стрелкового корпуса Западного фронта. С сентября 1941 г. заместитель командующего 50-й армией. С февраля 1942 г. по апрель 1944 г. командующий 10-й армией. Генерал-лейтенант (1942) В апреле – мае 1944 г. заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом. Генерал-полковник (1944). С мая 1944 г. до конца войны командующий 70-й армией. После войны командовал армиями, занимался преподавательской работой.

40

Таруса в то время была районным центром Тарусского района Тульской области.

41

Фельджандармерия – немецкая военная полиция. Из-за того, что жандармы носили металлические горжеты на цепях, их называли «цепные псы фюрера». Личный состав проходил полевую подготовку по уставу пехоты. Фельджандармерия имела обширные полицейские полномочия: контроль дорожного движения, поддержание воинского порядка и дисциплины, контроль гражданского населения на оккупированных территориях, предотвращение саботажа, арест дезертиров, противодействие партизанам. Занимались конвоированием и охраной военнопленных. Проводили розыски военнослужащих и военного имущества. Имели преимущество перед любым другим военнослужащим

того же звания независимо от рода войск. Исполняли приказ «о комиссарах».

42

Ортскомендатура – немецко-фашистский орган местной военно-административной власти на временно оккупированной территории во время Второй мировой войны.

43

Архив УФСБ по Калужской области. Ф. 10. Д. 128. Т. 1.

44

Агафонов Василий Федорович (1900—?) – родился в д. Дорогинь Овстугской волости Брянского уезда Орловской губернии в крестьянской семье. Окончил двухклассное сельское училище, затем учительскую семинарию в городе Карачеве, реорганизованную в 1917 г. в педагогический техникум. Успешно окончил учебу и получил звание учителя. Работал в уездном отделе народного образования. Одновременно, в качестве губернского уполномоченного, занимался национализацией помещичьих усадеб. В 1923 г. поступил в Московский лесотехнический институт, через два года перевелся на факультет сельхозмашиностроения в Академию им. Тимирязева. После окончания академии занимался испытанием новых образцов сельхозмашин, одновременно преподавал. В 1930 г. арестован ОГПУ и осужден по ст. 58, п. 11 УК РСФСР и получил 10 лет лагерей. Отбывал на Беломорстрое, освобожден досрочно. Вернулся в Москву, работал старшим экономистом, затем начальником планового отдела. В 1939 г. был выселен из Москвы. Жил в городах

Малоярославце и Егорьевске Московской области. Работал по специальности. Накануне войны занимался строительством школ в Можайском районе. Затем перебрался в Калугу. Работал диспетчером, затем начальником эксплуатации автотранспортной конторы леспромхоза, плановиком в коммунальном тресте. Война застала его в Калуге.

45

Из материалов Нюрнбергского процесса: Сборник материалов. Т. 1. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954.

46

О действиях финских подразделений в период активных боев в декабре 1941 и в январе 1942 г. в районе Калуги и на Старой Калужской дороге см. в предыдущей книге серии «Забутые армии. Забытые командармы»: *Михеенков С.Е.* Кровавый плацдарм. 49-я армия в прорыве под Тарусой и боях на реке Угре. 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2012.

47

Немецкая армия начала ощущать острую нехватку топлива и нефтепродуктов для своей техники. Последнее забирали танковые части.

48

Зеленый Крупец – старинный микрорайон на юго-западе Калуги на берегу р. Оки.

49

Щербачёв Николай Сергеевич (1876—?) – родился в Калуге. Сын помещика, чиновника для особых поручений Канцелярии калужского губернатора Сергея Николаевича

Щербачёва и Евдокии Валерьяновны, урожденной Кояндер. Имел прекрасное образование. В Москве окончил бухгалтерские курсы. До революции двадцать лет работал в Калужской земской управе, вплоть до ее ликвидации. В 1902 г. женился на выпускнице Института благородных девиц Александре Францевне Вальчиковской. В 20-х гг. брак распался. Дети уехали с матерью, впоследствии проживали в Москве и Ленинграде. В советский период работал в финансовых учреждениях. Пользовался авторитетом, как человек честный и строгий. Во время оккупации Калуги был избран бургомистром и работал до ухода немцев из города. Из Калуги уехал с немецкой комендатурой 28 декабря 1941 г., и с тех пор следы его исчезли. Ася ошибочно называет Н.С. Щербачёва Васильевичем. По справке УФСБ РФ по Калужской области, «в период временной оккупации немецкими войсками города, оставшись на занятой противником территории, был назначен бургомистром г. Калуги. В указанной должности выполнял задачи, поставленные германским командованием по снабжению армии и обеспечению безопасности ее тыла, создал аппарат горуправы и политического управления. При отступлении оккупантов из города Щербачёв Н.С. 28 декабря 1941 года добровольно уехал с немецкой комендатурой и обратно не вернулся».

50

ЦА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 589. Л. 194–198.

51

Осликовский Николай Сергеевич (1900–1971) – генерал-лейтенант (1943). Герой Советского Союза. Родился в пос. Летичев (ныне Хмельницкой области

Украины) в семье обедневших дворян. В Красной армии с 1918 г. Во время Гражданской войны командовал партизанским отрядом, кавалерийским эскадроном, полком, дивизией. В 1929 г. окончил Высшую школу комсостава в Харькове. В 1938 г. в период чистки в армии уволен, как социально чуждый. Работал в Ташкенте на киностудии. В январе 1941 г. восстановлен в РККА. Командир 9-й Крымской кавдивизии. Войну встретил 22 июня на южном участке советско-германского фронта. Под Москвой дивизия преобразована во 2-ю гвардейскую. В 1942 г. окончил Высшие академические курсы Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. С декабря 1942 г. командир

3-го кавкорпуса. Затем командовал конно-механизированной группой (3-й кавкорпус и 3-й мехкорпус). Участвовал в Берлинской операции. После войны продолжил службу в войсках, руководил Высшей кавалерийской школой им. С.М. Буденного. С 1953 г. в запасе.

52

Гарнец – русская мера объема сыпучих веществ; равна 3,28 л. Применялась до введения современной метрической системы. Гарнцевый сбор – отчисление в пользу владельца мельницы определенной части сданного на помол зерна в качестве оплаты за помол.

53

Рейнхардт К. Поворот под Москвой. М.: Вече, 2010. С. 215.

54

Болдин И.В. Страницы жизни. М.: Воениздат, 1961.

С. 61.

55

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 431.

56

Там же. Л. 446.

57

Голиков Филипп Иванович (1900–1980) – Маршал Советского Союза (1961). Родился в крестьянской семье в деревне Борисово (ныне Курганской области). Окончил сельскую школу, затем уездную гимназию. В 1918 г. добровольцем вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны. Занимался политработой. С 1931 г. на командных должностях. В 1933 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Командовал стрелковым полком, механизированной бригадой, механизированным корпусом, группой войск. Участник Польского похода. В 1940 г. – начальник Главного разведуправления Генштаба РККА. В начале войны руководил советскими военными миссиями в Великобритании и США. Осенью 1941 г. отозван и назначен командующим 10-й армией. В 1942 г. сменил множество должностей: командовал 4-й ударной армией, Брянским, Воронежским фронтами, 1-й гвардейской армией, снова отозван в Москву на должность начальника разведуправления Генштаба, затем снова назначен командующим Воронежским фронтом. В марте 1943 г. после очередного провала под Харьковом отозван в Москву и больше на фронт никогда не направлялся. Замнаркома обороны по кадрам, затем начальник Управления по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран.

Фильтрационные лагеря, потоки переменного состава в штрафные роты и батальоны, а также в ГУЛАГ – это работа Управления, возглавляемого генералом Голиковым. После войны командовал армией, был начальником Военной академии бронетанковых войск, затем возглавил Главное политуправление Советской армии и Военно-морского флота, став второй фигурой в Минобороны СССР.

58

Большие Козлы – ныне деревня, административный центр сельского поселения Перемышльского района Калужской области. В 11 км от Калуги, слева от Тульского шоссе.

59

PaK-35/36. Основная противотанковая пушка вермахта к началу

60

T-26 – легкий советский танк непосредственной поддержки пехоты на поле боя. Создан на базе английского танка «Виккерс» в 1930 г. Имел двухбашенную модификацию. А всего было более 10 модификаций. Боевая масса – 10 т. Броня – 15 мм, в том числе и лобовая. Вооружен был 45-мм пушкой длиной 46 калибров. 7,62-мм пулемет. Скорость – до 30 км/ч. Скорострельность пушки – до 12 выстрелов в минуту. Применялось четыре типа бронебойных снарядов, два – осколочных и картечь. Бензиновый двигатель. Экипаж, в зависимости от модификации машины, состоял из 3 или 5 человек. Основной тип линейного T-26 состоял из 3 человек. Это о них песня: «Три танкиста, три веселых друга...» Отлично зарекомендовал себя в Испании, на оз.

Хасан и во время советско-финляндской войны. Оказался слаб против танков вермахта, даже легкого типа, и немецкой артиллерии, включая и малый калибр. Однако применялся до самого конца войны. Последний бой Т-26 провел в 1945 г. на Дальнем Востоке против Квантунской армии. На базе шасси Т-26 во время войны выпускались различные типы САУ. Самая известная – 76-мм самоходная артиллерийская установка.

61

«В а л е н т а й н» Mk-III – английский легкий пехотный танк. Производился в Великобритании и Канаде. По признанию военных специалистов и ветеранов, является самой удачной конструкцией боевых машин этого класса. Стоял на вооружении армий Британского Содружества. По ленд-лизу поставлялся в СССР. Всего за годы Второй мировой войны произведено 8275 единиц, из них 40 % были отправлены в СССР. Масса – около 18 т. Лобовая броня – до 60 мм. Бортовая – 40 мм. На вооружении стояли 40-мм и 57-мм пушки. Впоследствии – 75-мм. Пулеметом были оснащены не все модификации, что значительно снижало боевые качества танка. Дизельный двигатель. Поставлялся до 1945 г. Фронтовики называли его «Валя-Таня». Особенно эффективно применялся во время прорывов конно-механизированных групп на значительные расстояния, так как имел надежный двигатель и ходовую часть. Однако в условиях сурового климата технические его характеристики снижались. Имел ряд конструктивных элементов, которые выгодно выделяли его среди своих собратьев. К примеру, броневая перегородка между моторным и боевым отделениями значительно уменьшала потери во время попадания снаряда в танк и пожара. Танк в составе наших подразделений дошел до

Берлина. В армии Новой Зеландии стоял на вооружении до середины 50-х годов. В 1941 г. 112-я танковая дивизия имела 6 единиц Mk-III. Судя по всему, по «Валентайнам» возле калужской переправы вели огонь не «хлопушки», а более серьезные орудия, так как 37-мм Рак-35/36 не пробивали броню этих танков.

62

Танк KV-1 имел лобовую и бортовую броню толщиной 75 мм. Кроме того, на некоторых машинах устанавливалось дополнительное бронирование – стальные экраны толщиной 25 мм, которые прикрывали башню и бока корпуса. Таким образом, танк имел разнесенное, двойное бронирование с воздушной прослойкой. Для ПТО вермахта того периода танк был практически неуязвим. Его могли поражать только 88-мм зенитные орудия либо пехота в ближнем бою, применяя мины, связки гранат и зажигательные средства.

63

Из Детчина (районный центр Тульской области) немцев выбили подразделения 49-й армии генерала И.Г. Захаркина лишь 9 января 1942 г.

64

Т о м а Риттер Вильгельм фон (1891–1948) – генерал танковых войск Германии. Родился в г. Дахау. В 1912 г. поступил на военную службу фанен-юнкером. Отличился в годы Первой мировой войны, получив Баварский орден Макса-Иосифа с присвоением дворянского титула «риттер». Оставлен на службу в рейхсвере, командовал немецкими танковыми частями. Участвовал в гражданской войне в Испании (1936–1939). До 1940 г. командовал 3-м танковым полком.

Генерал-майор (1940). Был генерал-инспектором подвижных войск при ОКХ и командовал 17-й танковой бригадой. На Восточном фронте командовал 17-й танковой дивизией после гибели в июле 1941 г. ее командира генерала Вебера. В октябре 1941 г. назначен командиром 20-й танковой дивизии. В мае 1942 г. отозван в ОКХ на должность генерал-инспектора подвижных войск. Генерал-лейтенант (1942). В сентябре 1942 г. принял командование Африканским корпусом и на завершающем этапе сражения под Эль-Аламейном попал в плен к британцам 4 ноября 1942 г.

Генерал танковых войск (1 ноября 1942 г.). За три года сражений получил около десяти ранений. После войны вернулся в родной город Дахау и умер там в 1948 г.

65

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 431.

66

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 127. Л. 192–194.

67

От *нем.* Der Schwer-Punkt – пункт, местность, позиция, удержание или захват которой имеет ключевое значение для всей операции в целом.

68

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 444.

69

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 647–648.

70

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 127. Л. 201.

71

По поводу участия подразделений СС в боях за Калугу до сих пор не прекращаются споры местных (г. Калуга) знатоков. См. подробнее на эту тему предыдущие книги серии, в частности: «Кровавый плацдарм. 49-я армия в прорыве под Тарусой и боях на реке Угре», где приводятся боевые донесения и другие документы военной поры, из которых становится очевидным участие отдельного полка СС «Остмарк» в районе Кремёнок, Кондрова и Юхнова. Судя по тому, что калужская группировка немцев вскоре соединилась с Кондровской, подразделения СС могли прибыть на кондровский участок обороны именно из Калуги.

72

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 183. Л. 229–232.

73

Там же. Оп. 208. Д. 127. Л. 204.

74

Имеется в виду Мещовск (ныне районный центр Калужской области).

75

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 204. Л. 432–434.

76

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 204. Л. 439–442.

77

Там же.

78

Шт у м м е Георг (1886–1942) – генерал танковых войск Третьего рейха. В 1906 г. – фанен-юнкер. Участник Первой мировой войны. В 1915 г. – капитан. Затем служил в рейхсвере. В 1926 г. – майор. В 1931 г. – подполковник, командир кавалерийского полка. В 1933 г. – полковник. В 1936 г. – генерал-майор. В 1938 г. – генерал-лейтенант и командир 2-й легкой дивизии, с которой участвовал в Польской кампании. Вскоре дивизия переформирована в 7-ю танковую. В 1940 г. назначен командиром 40-го танкового корпуса. Участвовал во Французской кампании. Кавалер Рыцарского креста. В 1941 г. – бои на Балканах. В августе 1941 г. у Великих Лук, затем наступление на Москву. Летом 1942 г. отстранен от командования и отдан под суд. Зачислен в резерв. Затем направлен в Северную Африку, сменил заболевшего генерала Роммеля на посту командующего танковой армией «Африка». В октябре 1942 г. во время битвы за Эль-Аламейн умер от сердечного приступа. Имел прозвище Шаровая Молния за резкий и непредсказуемый характер.

Ц о р н Ганс (1891–1943) – генерал пехоты Третьего рейха. В 1911 г. поступил на военную службу фанен-юнкером (кандидатом в офицеры) в пехотный полк. В 1913 г. – лейтенант. В годы Первой мировой войны на штабных должностях. За время военных действий награжден Железным крестом обоих классов и Рыцарским крестом дома Гогенцоллернов. Был ранен. Служил в рейхсвере. К началу Второй мировой войны –

начальник штаба 20-й мотодивизии. Участник Французской кампании. На Восточном фронте с 22 июня 1941 г. Командовал 40-м моторизованным корпусом. В марте 1942 г. направлен в Демянский котел для организации прорыва. С успехом выполнил эту миссию. С июня 1942 г. командовал 46-м танковым корпусом в районе Ржева. Награжден Золотым немецким крестом. Убит в августе 1942 г. под Орлом при авианалете. Посмертно награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

81

MG-34 – разработан специально для вермахта и в 1934 г. принят на вооружение единый пулемет для пехоты и танковых войск. Первый в мире универсальный пулемет, применявшийся войсками в качестве ручного, станкового, танкового, зенитного, авиационного. Вес – 12,1 кг. Со станком – 19,2 кг. Длина – 1219 мм. Калибр – 7,92 («Маузер»). Скорострельность – 800–900 выстрелов в минуту. Лента на 50 или 250 патронов или двухдисковый магазин на 75 патронов. В 1941 г. была разработана, а в 1942 г. пошла в серию модернизированная под условия идущей войны новая модель – MG-42 – более скорострельная и дешевая в производстве, но менее надежная. До сих пор используется некоторыми армиями мира.

82

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1429. Л. 155–157.

83

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1035. Л. 104.

84

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 207а. Л. 632–634.

85

Тормоз – дверь (*жаре.*).

86

По дмотать вату – собрать вещи (*жаре.*).

87

ЦАМО. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 49. Л. 63.

88

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 4118. Д. 38. Л. 150.

89

9-я воздушно-десантная бригада в количестве 1350 человек высадилась западнее Юхнова в районе населенных пунктов Великополье и Луги с целью соединения с подразделениями 50-й армии и дальнейших совместных действий в районе Варшавского шоссе. После высадки успешно продвигалась в район Юхнова, уничтожая мелкие гарнизоны противника. 25–28 февраля вела бои в непосредственной близости от Варшавского шоссе, в 3–5 км от боевых порядков частей 50-й армии. Однако 50-я армия так и не смогла прорвать оборону немцев и соединиться с десантниками. После этого бригада вынуждена была повернуть назад и до лета 1942 г. действовать по тылам противника, соединившись с кавалеристами генерала П.А. Белова. С ними выходила из окружения в район города Кирова (ныне Калужской области).

90

ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 95. Л. 31–32.

91

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 581. Л. 187.

92

Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968) – Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза. Участник Первой мировой войны – унтер-офицер. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны – командир эскадрона, отдельного дивизиона и кавалерийского полка. Окончил Кавалерийские курсы, затем КУВНАС (1925). Во время Великой Отечественной войны командовал мехкорпусом, 16-й армией, Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, 1-м Белорусским и 2-м Белорусским фронтами. 24 июня 1945 г. командовал Парадом Победы. После войны командовал Северной группой войск. Министр национальной обороны и заместитель председателя Совета министров Польши. С 1956 г. – замминистра обороны СССР. Командовал войсками Закавказского военного округа.

93

Говоров Леонид Александрович (1897–1955) – Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. Родился в Вятской губернии в крестьянской семье. Студент Петроградского политехнического института, юнкер Константиновского артиллерийского училища, офицер в армии адмирала Колчака. В 1919 г. добровольцем вступил в Красную армию, участвовал в боях на Восточном и Южном фронтах. Дважды ранен – под Каховкой и Перекопом. В 1933 г. окончил Академию им. М.В. Фрунзе, а затем (1948) Академию Генштаба. Участвовал в войне с Финляндией 1939–1940 гг. Во время Великой Отечественной войны командовал 5-й армией.

Весной 1942 г. по заданию Сталина выехал в осажденный Ленинград и возглавил войска фронта. Один из организаторов прорыва блокады и сокрушения Северного вала немцев, а затем (1944) линии Маннергейма. Осенью 1944 г. войска фронта прорвали линию «Пантера» и освободили Эстонию. В мае 1945 г. его войска пленили группу армий «Курляндия». В послевоенные годы продолжал службу, первый командующий ПВО страны.

94

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 162–167.

95

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 208–212.

96

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Военное издательство, 1997. С. 374.

97

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 21. Л. 360–362.

98

По всей вероятности, речь идет о сдаче в плен, коллективном переходе бойцов на ту сторону.

99

Известия. 2005. 21 апреля.

100

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 183. Л. 43.

101

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 183. Л. 89.

102

Немецкая пропагандистская фальшивка. У В.М. Молотова не было сына, а потому и в плен он попасть не мог.

103

Советские рубли имели стабильное хождение на оккупированной территории и устойчивый курс. В 1941 г. на неоккупированной территории килограммовая буханка хлеба стоила 80 коп., 1 кг мяса – 10 руб.

104

Столовые в оккупированной Калуге, вопреки ожиданиям М.В. Устрялова, открылись довольно скоро. Новые калужские власти работали очень энергично.

105

Из этой записи видно, что доктор Устрялов наблюдал за происходящим словно бы со стороны: дерутся фашисты с большевиками, и неизвестно, кто из них одержит верх...

106

М.В. Устрялов был врачом-психиатром. Работал в психиатрической больнице на окраине Калуги в пос. Бушмановка.

107

Это место в дневнике весьма характерно: калужане очень скоро поверили в то, что немцы пришли надолго, если не навсегда, и принялись устраиваться в новой жизни при «новом порядке». Методы применяли те же, что и «при власти большевиков», – доносы.

108

В это время на севере в районе Калинина, Дмитрова и Яхромы уже началось наступление Красной армии. И служители «нового порядка», почувствовав изменение обстановки на фронте, начали думать о своей судьбе. Городские дела отодвигались на второй план.

109

При недостатке информации калужане ловили каждое и малейшее колебание, происходившее в атмосфере, чтобы понять: где Красная армия, придет ли она назад, и если придет, то когда? Оценку «новому порядку» доктор Устрялов в своем дневнике не дает, но из описываемых

110

По всей вероятности, имеются в виду сочинения русского философа и публициста Василия Васильевича Розанова, автора знаменитых «Опавших листьев», «Уединенного», книги «Апокалипсис нашего времени» и др.

111

Имеется в виду роман Марка Александровича Алданова «Девятое термидора», который в начале 20-х гг. был опубликован в журнале «Современные Записки», а затем вышел отдельным изданием и пользовался большой популярностью. Примечательно, что журнал, в котором роман вышел в 1921–1922 гг., издавался в Париже русскими эмигрантами. В нем печатались такие писатели, как Иван Бунин, Марина Цветаева, Иван Шмелёв, Владимир Набоков, Тэффи. В 1940 г., когда немцы заняли Париж, издание «толстого» литературного журнала правозэсеровской ориентации прекратилось. Говорят, что в Кремль по дипломатической почте всегда

доставлялся свежий номер этого журнала. Тираж его составлял около 2 тысяч экземпляров.

112

В ночь с 17 на 18 декабря 1941 г. подвижная группа генерала В.С. Попова начала свой марш на Калугу. В этот же день, 18 декабря, ударная группа соседней 49-й армии прорвала фронт в районе Тарусы и начала движение к Калуге, охватывая город с северо-востока. Одновременно от Алексина шли другие дивизии 50-й армии, наступая на Калугу с востока. Вот с чем связано передвижение немецких войск в самой Калуге 18 декабря 1941 г. Положение гарнизона становилось угрожающим.

113

Удивительно то, что калужские колокола зазвонили именно в тот день, когда начался марш ударной группировки 50-й армии с целью освобождения Калуги. Разумеется, это чистое совпадение.

114

Удивительно, насколько точными были слухи, ходившие в Калуге в те дни. Они гораздо правдивее даже нынешних калужских газет...

115

Имеется в виду Андрей Яковлевич Павлишак, отец Иосифа Андреевича Павлишака (1923–1995), известного художника, который в марте 1942 г. ушел на фронт, участвовал в Сталинградской битве. В 1944 г. был тяжело ранен и после госпиталя приехал назад в Калугу.

116

Имеются в виду улицы Свердлова и Салтыкова-Щедрина, где, форсировав Оку, закрепилась

ударная группа пехотинцев полковника Краснопивцева, кавалеристов и мотострелков из танковой бригады. Характерно то, что доктор Устрялов все же называет улицы по-старому.

117

По всей вероятности, эти слухи были результатом других слухов всеми делами теперь руководят военные. Слухи эти разжигали и немцы. Но Сталин Москву, как известно, не покинул.

118

Там вцепилась зубами и штыками за небольшой плацдарм группа полковника Краснопивцева.

119

Передовые группы пехотинцев, кавалеристов и мотострелков из 112-й танковой бригады действительно оттеснили интенсивными контратаками при поддержке минометов, артиллерии и танков. Но они не ушли «на десяток километров», а отступили примерно на километр, кое-где на 300–500 м и закрепились в зданиях. Плацдарм не был оставлен. Войска группы генерала Попова не смогли сломить сопротивление противника и с ходу овладеть городком, как это планировалось. Командарм Болдин тоже замешкался и не смог подойти к Калуге основными силами к моменту овладения группой генерала Попова частью города и центром. Видимо, именно это раздражало командующего войсками фронта генерала Жукова, который был крайне недоволен действиями 50-й армии в Калужской наступательной операции. Тем не менее эта операция, можно сказать, вершина полководческого искусства генерала Болдина. Хотя и с этим можно спорить.

120

Район Гостиных Рядов, нынешняя пл. Старый Торг и ул. Марата.

121

Непосредственно от Москвы в ходе декабрьского наступления действовали Западный и Калининский фронты. Ими, соответственно, командовали генералы Г.К. Жуков и И.С. Конев.

122

Молва ошибалась: г. Орёл был освобожден только 5 августа 1943 г. в ходе наступательной операции «Кутузов».

123

Имеется в виду Бушмановская психиатрическая больница.

124

Реактивные установки М-13 – гвардейские минометы «катюша».

125

Из Калуги маршевые роты поступали именно в 50-ю армию. Скорее всего, бывший завхоз больницы попал в бои именно под Зайцеву Гору.

126

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. 2. Оп. 10. Д. 19. Л. 91.

127

Публикуется с сокращениями.

128

Архив УФСБ РФ по Калужской области. Д. 1. СДП.

129

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-7698. Оп. 1. Д. 81.

130

ЦАМО. Ф. 405. Оп. 9617 сс. Д. 1. Л. 127–132.

131

ЦАМО. Ф. 405. Оп. 6994сс. Д. 3 (10). Л. 54–57.

132

ЦАМО. Ф. 405. Оп. 9617сс. Д. 4. Л. 45–46.